

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2025 Vol. 8 № 4 (30)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

“Caucasian Science Bridge” journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 3.12.2025. Подписано в печать 10.12.2025. Выход в свет 16.12.2025.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 550 экз. Заказ № 10248.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместители главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Методология и методы социологических исследований	7
Баженов С. В., Баженова Е. Ю., Чикарова Г.И., Миляев И. О. Духовно-историческая резильентность православного храма: методологические подходы к анализу социальных практик и механизмов	8
Перетяцько А. Ю. Социальное конструирование и воспроизводство псевдоэтноса «кавказцев»: историко-социологический анализ дискурсивных практик.....	28
Этносоциология	49
Горюшина Е. М. Функциональный мультикультурализм в средних городах России: на примере азербайджанской диаспоры в Ростове-на-Дону.....	50
Григорян Г.Г. Факторы формирования этнической идентичности армянской молодежи на Юге России.....	60
Социология управления	69
Бабинцев В. П., Серкина Я. И., Дерин М. О. Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности.....	70
Томилин О.Б. Качество университетского управления: поиск новых смыслов.....	88
Казанцев О. А. Вниз по лестнице, ведущей вверх: заметки о настольной книге для реформаторов госсектора.....	104
Исакова Ю. И. Менеджериализация российского законодательства о деятельности медицинских организаций.....	144
Социология культуры	154
Бинеева Н. К. Практики адаптации населения Ростовской области в контексте интеграции российского общества в новых социально-территориальных условиях.....	155
Социология молодежи	169
Захарова В. А., Чигрина Н. В. Факторы формирования жизненных ценностей молодежи Республики Крым в контексте социально-политических реалий.....	170
Внукова Л.Б. Мировоззрение студенческой молодежи как фактор социально-политической безопасности (на материале Южного федерального университета).....	180
Информация для авторов	198

CONTENT

Methodology and methods of sociological research	7
Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu., Chikarova G.I., Milyaev I. O.	
Spiritual and historical resistance of the Orthodox church: methodological approaches to the analysis of social practices and mechanisms.....	8
Peretyatko A. Yu.	
Social construction and reproduction of the pseudo-ethnos of the "Caucasians": a historical and sociological analysis of discursive practices.....	28
Ethnosociology	49
Goryushina E. M.	
Functional multiculturalism in the middle cities of Russia: on the example of the Azerbaijani Diaspora in Rostov-on-Don.....	50
Grigoryan G.G.	
Factors of formation of ethnic identity of Armenian youth in the South of Russia.....	60
Sociology of Management.....	69
Babintsev V. P., Serkina Ya. I., Derin M. O.	
Social engineer: prospects for institutionalization of social status in digital reality.....	70
Tomilin O.B.	
The quality of university management: the search for new meanings.....	80
Kazantsev O. A.	
Down the stairs leading up: notes on a desktop book for reformers public sector.....	104
Isakova Yu. I.	
Managerialization of Russian legislation on the activities of medical organizations	144
Sociology of Culture.....	154
Bineeva N. K.	
Practices of adaptation of the population of the Rostov region in the context of the integration of Russian society in new socio-territorial conditions.....	155
Sociology of Youth	169
Zakharova V. A., Chigrina N. V.	
Factors of formation of vital values of the youth of the Republic of Crimea in the context of socio-political realities.....	170
Vnukova L.B.	
The worldview of students as a factor of socio-political security (based on the material of Southern Federal University).....	180
Information for the authors	198

Методология и методы социологических исследований

Научная статья

УДК 316.7.

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.1>

EDN COUWVM

Духовно-историческая резильентность православного храма: методологические подходы к анализу социальных практик и механизмов воспроизводства культурного наследия***Сергей В. Баженов¹**¹ SHF, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: sbazhenov@mail.ru

Елена Ю. Баженова²² Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: eubazhenova@sfedu.ru

Галина И. Чикарова³³ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: chikarova@sfedu.ru

Игорь О. Миляев⁴² Ростовская-на-Дону епархия, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: northblog@gmail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления узких подходов к изучению сакральных объектов, традиционно анализируемых либо как памятники архитектуры, либо как религиозные институты. Православный Преображенский (Ратненский) храм в станице Старочеркасской Ростовской области представляет собой уникальный пример духовно-исторической резильентности, сохраняющий статус духовного центра несмотря на исторические катаклизмы и секулярное давление. Анализ социальных практик и механизмов воспроизводства наследия позволяет предложить модель для сохранения аналогичных объектов в малых городах, находящихся под угрозой утраты идентичности. Цель статьи: разработать междисциплинарную методологическую рамку для анализа духовно-исторической резильентности православного храма путём интеграции трёх теоретических подходов: этнометодологии, феноменологии и символического интеракционизма (включая его драматургическую версию).

Методы. Положения статьи основываются на результатах исследования, проведённого коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в июне-сентябре 2025 года. Прикладное исследование проведено с

* Статья выполнена в рамках договора «На оказание услуг по организации проведения социологического исследования Преображенского Ратненского храма ст. Старочеркасской Аксайского района Ростовской области» от 02.06.2025 г. между ЮФУ и МРО Православный приход Преображенского Ратненского храма ст. Старочеркасской Аксайского района Ростовской области Ростовской-на-Дону Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

применением трех методов: полуструктурированного глубинного интервью (N=17), включённого наблюдения (N=12) и анализа документов.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования выявлен комплекс социальных практик, обеспечивающих резильентность Ратненского храма. Ключевыми из них являются религиозно-обрядовые практики, поддерживающие сакральный статус места; мемориальные практики, транслирующие культурную память; а также коммуникативно-интеграционные практики, укрепляющие связи внутри локального сообщества. Анализ показал, что резильентность обеспечивается не отдельными факторами, а синергией трех взаимосвязанных механизмов: трансляцией коллективной памяти, формированием локальной идентичности и адаптацией к новым социальным запросам. Таким образом, резильентность храма – это динамический процесс, постоянно воспроизводимый через активность локальных сообществ, что позволяет объекту наследия сохранять актуальность в меняющемся социальном контексте.

Ключевые слова: духовно-историческая резильентность; социальные практики; культурное наследие; сакральная память; Ратненский храм; социология религии; сохранение наследия; локальная идентичность.

Для цитирования: Баженов С. В., Баженова Е.Ю., Чикарова Г. И., Миляев И. О. (2025). Духовно-историческая резильентность православного храма: методологические подходы к анализу социальных практик и механизмов воспроизводства культурного наследия. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С.8-27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.1>

The Spiritual-Historical Resilience of the Orthodox Temple: Methodological Frameworks for Analyzing Social Practices and Heritage Preservation Mechanisms*

Sergey V. Bazhenov¹

¹ SHF, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: sbazhenov@mail.ru

Elena Yu. Bazhenova²

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: eubazhenova@sfedu.ru

Galina I. Chikarova³

³ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: galia201292@gmail.com

Igor O. Milyaev⁴

⁴ Rostov-on-Don Diocese, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: northblag@gmail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is driven by the need to overcome narrow approaches to examining sacred objects, which are traditionally analysed either as architectural monuments

* The article was prepared within the framework of the agreement «On the provision of services for organizing a sociological study of the Transfiguration Ratnensky Temple in Starocherkasskaya Stanitsa, Aksaysky District, Rostov Region» dated June 2, 2025, concluded between Southern Federal University (SFedU) and the Local Religious Organization — the Orthodox Parish of the Transfiguration Ratnensky Temple in Starocherkasskaya Stanitsa, Aksaysky District, Rostov Region, under the Rostov-on-Don Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate).

or as religious institutions. The Orthodox Transfiguration (Ratnensky) Temple in the stanitsa of Starocherkasskaya (Rostov Oblast) is a unique example of spiritual-historical resilience. Despite historical upheavals and secular pressure, the church has preserved its status as a spiritual centre. By analysing social practices and the mechanisms of heritage reproduction, we can propose a model for preserving similar sites in small towns that are at risk of losing their identity. The aim of this article is to develop an interdisciplinary methodological framework for analysing the spiritual-historical resilience of an Orthodox temple. This will be achieved through integrating three theoretical approaches: ethnomethodology, phenomenology, and symbolic interactionism (including its dramaturgical version).

Methods. The arguments presented in this article are based on the findings of a sociological study conducted by a research team from the Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University between June and September 2025. The applied study employed three research methods: semi-structured in-depth interviews (N = 17), participant observation (N = 12), and document analysis.

Results and its Discussion. The study has identified a set of social practices that ensure the resilience of the Ratnensky Temple. Among them, three types stand out as key. First are the religious and ritual practices that maintain the sacred status of the site. Second are memorial practices, which serve to transmit cultural memory. Third are communicative and integrative practices that strengthen bonds within the local community. The analysis demonstrates that resilience does not stem from isolated factors but rather from the synergy of three interconnected mechanisms. These include the transmission of collective memory, the formation of local identity, and adaptation to new social demands. Consequently, the resilience of the church is not a static condition but a dynamic process. It is continuously reproduced through the active engagement of local communities. This ongoing process enables the heritage site to retain its relevance within an evolving social context.

Keywords: spiritual-historical resilience; social practices; cultural heritage; sacred memory; Ratnensky Temple; sociology of religion; heritage preservation; local identity.

For citation: Bazhenov S. V., Bazhenova E. Yu., Chikarova G. I., Milyaev I. O. (2025). The Spiritual-Historical Resilience of the Orthodox Temple: Methodological Frameworks for Analyzing Social Practices and Heritage Preservation Mechanisms. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P.8-27. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.1>

Введение

Проблема сохранения сакральных объектов в условиях секулярной современности остаётся одной из наиболее дискуссионных в социальных науках. Традиционно анализ подобных феноменов осуществлялся в двух основных парадигмах: как изучение религиозных институтов в контексте социальных функций (Berger, & Luckmann, 1966) и как исследование материального культурного наследия в его мемориальном измерении (Nora, 1989). Однако синтезированный подход, рассматривающий сакральный объект как комплексный феномен духовно-исторической резильентности, остаётся методологически неразработанным.

Духовно-историческая резильентность православного храма – это интегративное свойство сакрального пространства и связанной с ним религиозной общины, выражающееся в их способности сохранять идентичность, смысловые практики и историческую память в условиях внешних вызовов и социокультурных трансформаций.

Суть явления заключается в том, что храм не просто физически сохраняется как архитектурное сооружение, но продолжает выполнять свою духовно-символическую функцию: остаётся местом встречи человека с трансцендентным, центром формирования коллективной идентичности и передачи традиции. При этом община не ограничивается пассивным хранением наследия – она динамично адаптирует ритуальные и социальные практики к меняющемуся контексту, находя новые формы воплощения вековых смыслов.

Данная резильентность проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. *Духовный компонент* обеспечивает устойчивость системы ценностей и религиозного опыта, поддерживая молитвенную жизнь и аскетические нормы. *Исторический аспект* выражается в непрерывности памяти о значимых событиях и людях, связанных с храмом, а также в сохранении материальных носителей наследия – здания, утвари, документов. *Социальное измерение* раскрывается через сплочённость прихода, его способность к самоорганизации и гибкому использованию пространства (например, совмещению богослужений с просветительской деятельностью). *Символическая составляющая* поддерживается за счёт сохранения сакральных знаков (икон, крестов, архитектурных форм) и ритуалов, маркирующих границу между сакральным и профанным.

Таким образом, духовно-историческая резильентность представляет собой не статичное «консервирование» прошлого, а живой процесс: храм одновременно удерживает свою сущность и даёт возможность участникам храмовой жизни переосмыслить её в актуальном контексте, община следует традиции, но при этом создаёт новые способы её реализации, а сакральное пространство сохраняет значимость даже при изменении социальных функций (например, становясь центром православного волонтерства или этнокультурного туризма). Это свойство объединяет устойчивость к разрушению, адаптивность к переменам и способность к постоянному воспроизводству смыслов и практик.

Исследования духовно-исторической резильентности православных храмов (как явные, так и косвенные) развиваются на пересечении нескольких научных дисциплин. Концепт социальных практик (Бурдые, 1998), понимаемых как воспроизводимые модели действия, позволяет анализировать рутинные механизмы поддержания сакрального статуса. Функционально-ориентированное понимание религии (Berger, & Luckmann, 1966) даёт возможности для социального конструирования религиозной реальности. Теория коммуникативной памяти, роль сакральных мест как «мест памяти» (Ассман, 2004) и концепция *lieux de mémoire*, применимая к храмам как узлам коллективной памяти (Nora, 1989) даёт инструментарий для исследования трансляции исторического нарратива, а современные разработки в области социологии резильентности (Agarwal, 2021, Tierney, 2014) позволяют описать адаптационный потенциал религиозного института. Символика христианской архитектуры (Аверинцев, 2006), иконография и пространство храма (Лепяхин, 2003) формирующая физическую среду храма формирует механизмы поддержки и закрепляют духовную традицию, адаптируясь к новым функциям. Реконструкции траекторий развития конкретных приходов (Русская церковь, 2014, Шапов, 1996) описывают их устойчивость в периоды гонений, реформ и урбанизации.

В данном контексте Преображенский (Ратненский) храм станицы Старочеркасской Ростовской области представляет собой уникальный кейс для социологического анализа (<https://ratnensky.ru>). Его устойчивость к историческим катаклизмам и способность сохранять статус духовного центра требует применения теоретического аппарата, выходящего за рамки классических подходов.

Краткая историческая справка. Каноническое название храма – Преображенский, в честь Преображения Господня. Неканоническое наименование – Ратный/Ратненский, связано с историей возникновения храма в Ратном городке (урочище), располагавшегося на северной окраине бывшей на тот момент столицы донского казачества города Черкаска (ныне – станица Старочеркасская Ростовской области) (Славный град Черкаска, 2024, 81-83). Исторически храм возник около Ратного кладбища в 1701 году как деревянная Ратная церковь в честь пророка Илии (отсюда – Ильинская церковь) с приделом св. мчч. Флора и Лавра. В 1731-1751 годах на её месте был возведён сохранившийся до наших дней каменный храм в честь Преображения Господня (отсюда – Преображенская церковь) с каменной колокольней. Считается вторым по древности каменным храмом на Дону. В советский период пережил закрытие, изъятие ценностей, в здании храма были ремонтно-механические мастерские и склад удобрений. Здание сильно пострадало, сегодня отреставрирован фасад и частично отреставрированы внутренние помещения храма, частично сохранилась настенная роспись, ведутся реставрационные работы внутри. На сегодняшний день Преображенский (Ратненский) храм – действующий трехпрестольный храм Русской православной Церкви, обладает статусом объекта культурного наследия (ОКН) народов РФ федерального значения, прошлое и настоящее которого неразрывно связано с расположенным рядом Ратненским (Ратным) кладбищем – местом захоронения знаменитых казачьих родов, и историей донского казачества. Ратненское кладбище действующее, как и Преображенский (Ратненский) храм обладает статусом ОКН.

Одной из целей комплексного исследования является выявление и анализ комплекса социальных практик и механизмов, обуславливающих духовно-историческую резильентность Ратненского храма. Эмпирическую базу работы составили данные, полученные в ходе полевого этапа исследования, проведённого коллективом Института социологии и регионоведения ЮФУ в 2025 году. Методологический треугольник, включающий полуструктурированные интервью (N=17), включённое наблюдение (N=12) и анализ документов, обеспечил надёжность результатов. Научная новизна исследования заключается в конструировании концепта духовно-исторической резильентности и выявлении специфической конфигурации практик, обеспечивающих воспроизводство культурного наследия в условиях малого города.

Цель статьи: разработать междисциплинарную методологическую рамку для анализа духовно-исторической резильентности православного храма путём интеграции трёх теоретических подходов: этнометодологии, феноменологии и символического интеракционизма (включая его драматургическую версию).

Выбор именно этих подходов обусловлен их взаимодополняющей способностью охватить разные грани исследуемого феномена. *Этнометодология* позволяет проникнуть в ткань повседневного религиозного опыта, выявить неявные правила и «этнометоды», с помощью которых прихожане и клир локально конструируют

религиозный порядок – интерпретируют ритуалы, используют храмовое пространство, поддерживают нормы взаимодействия. Благодаря этому подходу становится возможным зафиксировать, способы обеспечения устойчивости общинной жизни на микроуровне повседневных практик в условиях социальных изменений.

Феноменология, в свою очередь, даёт ключ к пониманию субъективного религиозного опыта: как переживание святости, благодати или присутствия Божественного конституирует повседневные действия верующих. Она позволяет описать интенциональные структуры религиозного сознания – то, каким образом сакральное «даётся» в восприятии, какие смыслы приписываются предметам, жестам, архитектурным формам. Через феноменологический анализ можно проследить, как переживание исторической преемственности (связь с предками, традицией) поддерживает долговременную резильентность храмового сообщества.

Символический интеракционизм и драматургический подход дополняют эту картину, смещая фокус на социальные взаимодействия и символические механизмы коммуникации. Они позволяют рассматривать храм как сцену, где через ритуалы, жесты и речевые акты воспроизводятся коллективные символы и идентичности. С их помощью можно проанализировать, как участники общины управляют впечатлениями, поддерживают «лицо» прихода в диалоге с внешними институтами (власть, СМИ, туристы), а также как материальные элементы храмового пространства (иконы, облачения, архитектурные формы, настенная живопись) функционируют в качестве символического «реквизита», обеспечивающего сакральный статус места и передачу культурного наследия.

Таким образом, в уточнённой интерпретации цель исследования – создать аналитический инструмент, который соединяет микроуровень повседневного взаимодействия (этнометодология), глубинные структуры субъективного опыта (феноменология) и символические механизмы социальной коммуникации (интеракционизм). Это позволит изучать духовно-историческую резильентность не как статичное свойство, а как динамический процесс *постоянного воссоздания смысла* через практику, переживание и взаимодействие. В итоге формируется рабочая рамка для эмпирического исследования православных храмов как живых центров трансляции духовного и культурного опыта – одновременно сохраняющих традицию и адаптирующихся к новым социальным условиям.

Методология и методы

В основе проведённого анализа социальных практик и механизмов, обуславливающих резильентность Ратненского храма, лежат три научных подхода.

Первый – этнометодология Гарфинкеля (Гарфинкель, 2007, 2009, Garfinkel, 1952, 1974, 2002). Данный подход был выбран как наиболее релевантный для исследования формирования социальной реальности в практиках повседневной жизни. В частности, мы рассматривали, каким образом прихожане и священники совместно через ритуалы и разговоры создают «сакральное пространство» храма. В ходе исследования мы проанализировали негласные правила поведения в храме; зафиксировали ситуации, когда туристы нарушают эти неписанные нормы; изучили, как участники храмовой жизни формируют представление о «чуде сохранения храма».

Второй подход – феноменология Шюца (2003, 2004, 2008), которая помогает осмыслить социальный мир через типизации и смысловые структуры, понять то, каким образом люди совместно создают значения в рамках «жизненного мира». В исследовании метод феноменологии использовался для того, чтобы выявить значение храма для каждого участника в зависимости от его ценностных приоритетов, воссоздать «казачий жизненный мир» через рассказы участников-казаков, проанализировать типизации вроде «истинный казак», «настоящий прихожанин» и «типичный турист», чтобы выяснить, воспринимают ли участники храмовой жизни храм частью своей повседневности, считают ли его объектом с особым смыслом или явлением с определённой историей и духовным значением.

Третий подход – символический интеракционизм и драматургический подход Гофмана (Гофман, 2000 2003, Goffman, 1967, 1972, 1982). Так, концепция «управления впечатлениями» была использована для изучения ритуалов и взаимодействий в храме. Мы рассмотрели поведение людей на службах, то, каким образом они представляют себя другим и формируют определённое впечатление о себе. С помощью концепции «фреймов» – схем, которые люди используют для понимания ситуаций, мы проанализировали «переключения» участников между разными режимами восприятия храма (религиозным, историческим, туристическим). При изучении ритуалов взаимодействия мы опирались на понятие «лица», включающее и способы его поддержания. Мы смогли понять механизмы разрешения конфликтов между туристами и прихожанами, способы сохранения статуса храма как сакрального места и то, каким образом новые участники (например, туристы) осваиваются в уже сложившихся смысловых рамках храма. Драматургический подход, позволяющий сравнить социальное взаимодействие со спектаклем с «передним» и «задним» планом, помог проанализировать «исполнение» священниками и казаками своих ролей во время богослужений и других мероприятий, а также то, каким образом они формируют впечатление о себе и о храме перед прихожанами и туристами. В исследовании этот подход использовался, чтобы изучить «ролевое напряжение» у священников (между функциями служителя культа и администратора) и проанализировать ритуальные взаимодействия во время казачьих молебнов, крестных ходов на храмовых престольных праздниках.

Результаты исследования

В данном исследовании мы используем понятие «участники храмовой жизни», под которыми понимаем совокупность лиц, вовлечённых в функционирование православного Ратненского храма и поддерживающие его религиозно-культурное пространство, каждый из которых выполняет определённые роли и несёт ответственность в рамках церковной общины. Их можно условно разделить на две основные категории: *клир* (духовенство и церковнослужители) и *миряне* (прихожане и «захожане»). Для большей релевантности мы добавили к «участникам храмовой жизни» руководителей отделов Ростовской-на-Дону епархии: по взаимодействию с Вооружёнными Силами, по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, по работе с казачеством. Также добавили благочинного Аксайского благочиния и наместника Донского Старочеркасского Ефремовского мужского монастыря, которые «опосредованно, но значимо» влияют на ход жизни Ратненского храма. Другой группой

участников храмовой жизни стали представители Донского казачества разного уровня: от простого хорунжего до атамана Аксайского юрта.

Исходя из вышеизложенного, была сформулирована следующая исследовательская гипотеза:

Н1. *Духовно историческая резильентность Ратненского храма обеспечивается в том числе и через постоянное «пересотворение смыслов» разными социальными группами участников.*

Глубинные интервью. В рамках исследования была сформирована целенаправленная выборка информантов, охватывающая ключевые социальные группы, связанные с жизнедеятельностью храма и сохранением его историко-культурного наследия.

В неё вошли «высокоранговые» священнослужители Ростовской-на-Дону епархии (7 человек), представляющие институциональную перспективу регионального религиозного сообщества. Значимую часть выборки составили казаки (4 человека), чья деятельность тесно переплетена с традицией и локальной идентичностью.

Для обеспечения историко-научной экспертизы привлечены учёные-историки, сотрудники Южного научного центра РАН, а также краеведы и работники Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника (4 человека), обладающие специализированными знаниями о прошлом региона и Ратненского храма. В выборку также вошли прихожане храма (1 человек), дающие представление о повседневном религиозном опыте рядовых верующих.

Для полноты картины были опрошены представители смежных сфер: один специалист из системы высшего образования, чей профессиональный взгляд позволяет оценить феномен в широком социокультурном контексте, и один представитель местной власти, освещающий административный аспект взаимодействия с храмом.

Основным методом сбора данных стало глубинное полуструктурированное интервью. Такой формат позволил в свободной беседе раскрыть многообразие смыслов и практик, связанных с духовно-исторической резильентностью храма, учитывая специфику каждой социальной группы. Диалоги выстраивались как развёрнутые нарративы, где информанты могли детализировать личный опыт, объяснять символику действий и предметов, делиться воспоминаниями о ключевых событиях приходской жизни и рефлексировать над механизмами сохранения традиции.

Инструментом экспертного интервью являлся план (гайд), который содержал перечень вопросов, разделённых на 12 основных блоков и касающихся четырёх основных проблем: 1) исторической памяти о храме; 2) богословского осмысления; 3) современной жизни прихода и 4) личного опыта информанта и духовных инсайтов. Интервью проводились в полуструктурированном формате: вопросы были заранее подготовлены, однако их порядок и формулировка могли изменяться в зависимости от хода беседы. Такой подход позволял адаптировать интервью к особенностям каждого информанта и получать более развёрнутые ответы. Длительность интервью варьировалась от 90 до 210 минут.

Включённое наблюдение. В рамках изучения духовно-исторической резильентности православного храма применялся метод включённого наблюдения. Его суть заключается в том, что исследователь не ограничивается позицией внешнего

фиксатора событий, а на определённое время становится участником повседневной жизни общины, что позволяет глубже понять внутренние механизмы её функционирования.

Вхождение в поле и установление доверия. Работа началась с официального обращения к руководству прихода: мы подробно изложили цели исследования настоятелю и активу храма, разъяснили научную задачу, заверили в соблюдении конфиденциальности и отсутствии намерений дискредитировать общину. После обсуждения и получения благословения приступили к наблюдениям.

Исследователь занял позицию периферийного участника: не претендовал на роль клирика или постоянного прихожанина, но принимал участие в рутинных делах — подготовке к службам, уборке, организации мероприятий. При этом строго соблюдались принятые в храме нормы поведения: соответствующая одежда, жесты, формы обращения. Это способствовало постепенному формированию доверительных отношений без риска полного растворения в общине, которое могло бы исказить объективность восприятия.

Контексты наблюдения. Наблюдения охватывали разнообразные ситуации, типичные для приходской жизни. В поле внимания попадали богослужебные события (субботные и праздничные службы, таинства, панихиды), и внебогослужебная деятельность: приходские собрания, спевки хора, советы, подготовка к праздникам. Фиксировались также повседневные рутины: уборка храма, работа церковной лавки, приём посетителей, а также социальные мероприятия: благотворительные акции, встречи с молодёжью, экскурсии.

В процессе наблюдений исследователь концентрировался на следующих аспектах: пространственное поведение людей (траектории движения, использование зон храма, взаимодействие с сакральными объектами); невербальные практики (жесты, мимика, тактильные контакты, дистанция между участниками); речевые акты (формулы приветствия, просьбы, наставления, способы разрешения конфликтов); ритуалы перехода (вхождение в алтарь, прикладывание к иконам, благословение); распределение ролей и иерархия в конкретных ситуациях (кто берёт инициативу, кто следует, как координируются действия).

Организация процесса и фиксация данных. Наблюдения проводились систематически в течение четырёх месяцев. Длительность каждого сеанса варьировалась от одного до трёх часов в зависимости от характера события. Данные фиксировались двумя взаимодополняющими способами. Во-первых, в реальном времени делались краткие полевые заметки: записывались ключевые действия, реплики, пространственные конфигурации. Для этого использовался небольшой блокнот, что позволяло вести фиксацию незаметно для окружающих. Во-вторых, после каждого сеанса заполнялся рефлексивный дневник. В нём подробно описывались хронология событий, интерпретация наблюдаемых практик, собственные впечатления и гипотезы, а также формулировались вопросы для уточнения в последующих интервью.

Этические принципы. Исследование строилось на соблюдении ряда этических норм:

все наблюдения проводились с согласия настоятеля и приходского актива;
персональные данные (имена, детали биографии) в записях анонимизировались;
исследователь избегал вмешательства в конфиденциальные или интимные ситуации (личные беседы, частные молитвы, исповеди);

в случаях, когда присутствие наблюдателя могло вызвать дискомфорт, он отступал в позицию внешнего фиксатора событий.

Анализ и интерпретация материалов. Собранные данные обрабатывались методом тематического кодирования. На первом этапе выделялись повторяющиеся паттерны поведения и взаимодействия. Затем эти паттерны сопоставлялись с материалами глубинных интервью, чтобы проверить согласованность наблюдаемых практик и нарративов. Дополнительно данные соотносились с документальными источниками, что позволяло верифицировать наблюдения. Особую ценность имел сравнительный анализ наблюдений в разных контекстах. Например, сравнивалось поведение прихожан на праздничной престольной службе и в обычный субботний день, что помогало выявить механизмы адаптации общины к меняющимся условиям.

Ограничения метода и способы их компенсации. В ходе работы были выявлены следующие ограничения метода:

субъективность восприятия исследователя – компенсировалась регулярной рефлексией и обсуждением полевых заметок с коллегами;

неполная доступность некоторых сфер жизни общины (например, закрытых собраний клира) восполнялась за счёт дополнительных вопросов в интервью с информантами;

эффект наблюдателя (изменение поведения людей из-за присутствия исследователя) минимизировался длительным пребыванием в приходской среде и естественным включением в рутинные храмовые практики.

Таким образом, включённое наблюдение позволило не просто описать внешние формы приходской жизни, но и проникнуть в то, как через повседневные практики воспроизводятся смыслы, нормы и устойчивость храмового сообщества. Метод дал возможность увидеть живую динамику взаимодействия людей, материальных объектов и символических кодов, составляющих основу духовно-исторической резильентности храма.

Применение этнометодологического подхода в исследовании социальных практик конструирования смыслов. В нашем исследовании мы последовательно опирались на этнометодологический подход Гарольда Гарфинкеля, сместив фокус с анализа содержания представлений о храме («Что люди думают о храме?») на изучение процессов их (представлений) формирования и поддержания (Гарфинкель, 2007). Именно этот переход от субстантивного к процессуальному анализу позволил нам увидеть, как в повседневных практиках участники создают и воспроизводят определённое понимание храма.

На практике мы реализовали *принцип рефлексивности социального действия*, рассматривая коммуникацию не как пассивную трансляцию готовых мнений, а как активное конструирование смыслов. В ходе интервью мы фиксировали:

речевые стратегии, используемые информантами при описании храма;

апелляции к «очевидным» фактам, которые на деле оказались социально сконструированными;

риторические приёмы, с помощью которых участники легитимировали свою точку зрения.

Следуя *принципу локальности контекста*, мы тщательно документировали микроконтексты высказываний – кто, когда и при каких обстоятельствах говорил о храме. Это позволило нам:

проследить влияние ситуативных условий на формулирование смыслов;

выявить невысказанные «фоновые ожидания» участников.

В рамках *принципа индексальности выражений* мы анализировали языковые особенности высказываний, обращая внимание на:

смысловые нюансы местоимений («наш храм», «этот храм»);

метафоры и аналогии, через которые участники интерпретировали храм;

изменения в лексике в зависимости от аудитории (например, при общении с туристами и прихожанами).

Реализуя *принцип «описания вместо объяснения»*, мы сознательно отказались от поиска «объективной истины» в пользу детального описания того, каким образом участники создают и поддерживают свои версии реальности. В ходе исследования мы:

избегали оценочных суждений о «правильности/неправильности» нарративов;

фиксировали процедуры обоснования утверждений (ссылки на традиции, личный опыт, авторитеты и пр.);

выявляли рутинные практики (ритуалы, рассказывание историй, жесты, мимика), воспроизводящие определённые интерпретации.

Для выявления скрытых правил конструирования смыслов мы применяли *принцип «нарушающих экспериментов»*, намеренно нарушая привычные паттерны взаимодействия. В интервью это выражалось через:

провокационные вопросы, ставящие под сомнение «очевидное»;

просьбы уточнить значения общих фраз (например, «Что вы имеете в виду под „святым местом“?»);

сопоставление противоречивых высказываний одного информанта.

Благодаря последовательному применению этих принципов нам удалось:

выявить конкретные механизмы конструирования смыслов (например, каким образом через рассказы о «чудесах» поддерживается представление о сакральности храма);

избежать «наивного реализма» - иллюзии, будто речь информантов напрямую отражает объективную реальность;

зафиксировать, как разные группы (прихожане, туристы, священнослужители) продуцируют «собственные» версии реальности через речевые практики, ритуальные действия и пространственную организацию взаимодействия;

получить доступ к «неявным знаниям» - тем правилам и ожиданиям, которые участники используют автоматически, не осознавая их как конструкторы.

Таким образом, использование этнометодологического подхода позволило нам превратить интервью из источника мнений в поле наблюдения за динамикой смыслообразования. Мы смогли увидеть механизмы конструирования социальной

реальности храма через повседневные практики через «живые» процессы создания и поддержания смыслов.

Применение феноменологического подхода. В нашем исследовании феноменологический подход Альфреда Шюца (Шюц, 2003, 2004, 2008) стал важнейшим инструментом для осмысления того, каким образом различные социальные группы формируют своё восприятие храма и выстраивают вокруг него собственный «жизненный мир». Опираясь на ключевые положения шюцевской феноменологии, мы сосредоточились на изучении механизмов интерсубъективного создания реальности, проследив их проявление в конкретных исследовательских ситуациях.

Центральной задачей стало изучение «жизненного мира» участников через призму типизаций. Согласно Шюцу, повседневная реальность структурируется благодаря устойчивым схемам интерпретации – типизациям, которые люди используют для осмысления полученного опыта. (Шюц, 2004). В ходе исследования мы выявляли ключевые типизации, связанные с храмом, такие как «истинный прихожанин», «настоящий казак», «типичный турист» или «благочестивый паломник», анализируя их формирование в речевых практиках и взаимодействиях. Особое внимание уделялось признакам и действиям, которые участники считали «самоочевидными» для отнесения человека к той или иной категории. Это позволило увидеть, каким образом через типизации поддерживается целостность «жизненного мира» каждой группы и происходит разграничение «своих» и «чужих» в пространстве храма.

Существенным аспектом исследования стал анализ интерсубъективных механизмов смыслообразования. Шюц (2008) подчёркивал, что смыслы рождаются не в изолированном сознании, а в процессе взаимного согласования интерпретаций. В ходе полевых наблюдений и интервью мы отслеживали использование участниками ссылок на так называемое «общее знание» в выражениях типа «все знают, что...», «так принято...» и др. Мы фиксировали ситуации, когда несоответствие интерпретаций требовало разъяснений или переформулировок, а также изучали, как в диалоге и совместных действиях, например, в ритуалах достигается согласие относительно значения храма. Благодаря этому удалось продемонстрировать, что «жизненный мир» храма представляет собой не статичную данность, а результат непрерывного интерсубъективного конструирования.

Особое внимание мы уделили исследованию роли языка и речевых практик, следуя тезису Шюца о том, что типизации усваиваются вместе с языком. Мы анализировали лексические особенности высказываний, включая использование сакральной лексики, диалектных выражений и профессиональных терминов. Важным направлением стало изучение метафор и нарративных схем, через которые участники описывали храм: «дом Божий», «оплот традиций», «место силы», «духовное сердце», «объект наследия» и др. Кроме того, мы прослеживали, каким образом выбор священником речевых стратегий связан с типом собеседника, например, разговор с туристами в сравнении с беседой с прихожанами и пр. Это позволило показать, что язык выступает действенным инструментом поддержания определённых версий реальности.

Следуя установке Шюца (2008) на описание «самоочевидных» убеждений, принимаемых людьми без рефлексии, мы фиксировали высказывания, начинающиеся с «конечно», «всем известно», «так всегда было». С помощью уточняющих вопросов

(«Почему это важно?», «Откуда вы это знаете?») мы выявляли неявные предпосылки, лежащие в основе суждений. Сопоставляя «естественные установки» разных групп участников храмовой жизни, мы продемонстрировали их принципиальное несовпадение. Такой подход дал возможность увидеть методы формирования разными группами собственных «жизненных миров» с опорой на неосознаваемые допущения.

Ещё одним важным направлением стало изучение «ситуативных контекстов», основанное на идее Шюца (2004) о том, что смысл действия определяется его контекстом. Мы тщательно документировали, где, когда и при каких обстоятельствах произносились те или иные высказывания о храме. Наблюдения показали изменения интерпретации храма участниками в зависимости от ситуации, например, во время службы и во время паломнической экскурсии. Кроме того, мы изучали влияние на процессы смыслообразования пространственной организации храма, включая расположение людей в храме. Это позволило доказать, что «значение» храма не является фиксированным, а формируется в конкретных ситуациях взаимодействия.

Применение феноменологического подхода помогло раскрыть механизмы, посредством которых разные группы конструируют свои версии реальности вокруг храма. Мы продемонстрировали, что «жизненный мир» храма представляет собой динамичное образование, поддерживаемое через речевые практики, ритуалы и повседневные взаимодействия. Выявлена существенная роль типизаций и естественных установок в поддержании целостности групповых идентичностей. Кроме того, мы показали, каким образом язык и ситуативный контекст становятся ключевыми инструментами смыслообразования.

Таким образом, использование феноменологического подхода позволило нам выйти за рамки простого описания мнений и перейти к анализу процессов, посредством которых участники создают и воспроизводят смыслы, связанные с храмом. Это дало возможность глубже понять природу социального конструирования реальности в контексте религиозного пространства.

Применение символического интеракционизма и драматургического подхода в исследовании. В рамках нашего исследования мы обратились к символическому интеракционизму и драматургическому подходу Ирвинга Гофмана, чтобы проанализировать, как участники социального взаимодействия в пространстве храма конструируют и транслируют смыслы через повседневные практики, жесты и ритуалы (Гофман, 2000, 2003, Goffman, 1967, 1972, 1982). Опираясь на гофмановскую метафору «театра жизни», мы сосредоточились на изучении механизмов управления впечатлениями, фреймов взаимодействия и ролевых исполнений, которые формируют восприятие храма как сакрального пространства.

Ключевым для нас стало гофмановское понимание социального взаимодействия как своеобразного спектакля, где каждый участник играет определённую роль, ориентируясь на ожидания аудитории. В контексте храма это проявилось в анализе того, как священники, казаки, прихожане и туристы выстраивают своё поведение в зависимости от ситуации и воспринимаемой «сцены». Мы фиксировали, какие стратегии самопрезентации используют разные группы: например, как священнослужители балансируют между функциями духовного наставника и администратора, или как казаки подчёркивают свою идентичность через определённые жесты, одежду и речевые

обороты. Особое внимание уделялось тому, как участники стремятся создать и поддержать благоприятное впечатление о себе и о храме в глазах других, избегая действий, которые могли бы нарушить сложившийся «сценарий».

Важным инструментом анализа стал концепт «*фреймов*», предложенный Гофманом (Гофман, 2003). Мы изучали, как участники переключаются между различными религиозным, историческим, туристическим и пр. фреймами интерпретации в зависимости от контекста взаимодействия. Например, во время богослужения доминировал религиозный фрейм, где храм воспринимался как сакральное пространство («ангелы предстоят батюшке, вокруг их лики»), а в ходе экскурсии для туристов активизировался исторический фрейм, акцентирующий архитектурные, культурные и исторические особенности здания («на колокольне в Гражданскую было пулемётное гнездо»). Наблюдая за этими переключениями, мы смогли показать, каким образом многозначность храма поддерживается через гибкое использование и переключение фреймов, позволяющих разным группам находить в нём значимые для себя смыслы.

Мы также исследовали ритуалы взаимодействия, опираясь на гофмановские идеи о «лице» (face) и «поддержании лица» (Гофман, 1922-1982). Это понятие описывает не только образ самого себя, но и то, как этот образ воспринимается окружающими. «Лицо» – это социальная ценность, которая зависит от правил и ценностей конкретного сообщества, а также от контекста взаимодействия. В пространстве храма это выразилось в анализе:

разрешения предконфликтных ситуаций между туристами и прихожанами (например, через вежливые объяснения или молчаливое дистанцирование);

вербальных и невербальных техник «сохранения лица» храма как сакрального места (например, приглушённого голоса, определённых поз, жестов благословения, молитвенных поклонов и пр.);

приёмов «активного освоения/адаптации» новых участников (туристов, случайных посетителей) к уже сложившимся смысловым структурам, «перенимания» ими норм поведения через личное наблюдение и внешние подсказки.

Особое внимание мы уделили разграничению «переднего» и «заднего» планов взаимодействия, которое Гофман рассматривал как неотъемлемую часть драматургического представления. В храме «*передний план*» включал публичное исполнение ритуалов, общение участников храмовой жизни, демонстрацию благочестия, тогда как «*задний план*» охватывал зоны, недоступные для посторонних (алтарь, подсобные помещения), где участники могли отступать от строгих норм. Наблюдая за переходами между этими пространствами, мы выявили, каким образом поддержание границы между ними способствует сохранению сакрального статуса храма. Так, например, доступ к «заднему плану» символически маркировал принадлежность к «избранной» группе, а его защита от посторонних укрепляла ощущение исключительности сакрального пространства.

Кроме того, мы анализировали «*ролевое напряжение*», с которым сталкиваются участники. Например, священник нередко оказывался перед выбором: следовать ли строгому ритуальному сценарию богослужения или адаптировать его под нужды туристов, желающих поставить свечу, пройти в другой придел, сделать красивое фото в

«неправильный» момент времени. Подобные ситуации демонстрировали механизм «балансировки» в повседневном взаимодействии между ожиданиями разных аудиторий, а также поиски участниками способов минимизации конфликтов без «разрушения» при этом целостности «спектакля».

Применение драматургического подхода Гофмана дало возможность интерпретировать сложную социальную архитектуру храмового пространства не как застывшую структуру, а как динамичное поле постоянных взаимодействий. В ходе исследования мы пришли к выводу, что сакральный объект нельзя рассматривать лишь в качестве неподвижного символа. Он функционирует как перформативное динамическое пространство, где непрерывно «разыгрываются» и «воспроизводятся» разнообразные социальные сценарии/«спектакли».

Детальный анализ механизмов управления впечатлениями и системы фреймов взаимодействия позволил выявить механизмы формирования «собственных» перцептивных моделей храма у разных социальных групп. Особенно значимым оказалось понимание того, что сохранение сакрального статуса храма обеспечивается не только посредством канонических ритуалов. Существенную роль играет совокупность микропрактик, включающих невербальные аспекты коммуникации: пространственное расположение участников (проксемика), язык тела (кинесика), а также паравербальные элементы (интонации, паузы, громкость речи).

Научным результатом стало осмысление функционального значения пространственного разделения на «передний» и «задний» план. Эта дифференциация выполняет определённую роль в поддержании сакральной иерархии и сохранении символического порядка внутри храмового пространства.

Таким образом, использование драматургического подхода и принципов символического интеракционизма позволило нам эксплицировать сложные процессы воспроизводства и трансформации социальной реальности. Мы смогли проследить, каким образом через систему ролевых взаимодействий и ритуальных практик в сакральном пространстве происходит конструирование смыслов. Это дало возможность выйти за пределы формального описания религиозных обрядов и увидеть, каким образом повседневное поведение участников взаимодействия становится материалом для создания и поддержания значимых символических значений, связанных с храмом.

Заключение

В ходе исследования нам удалось комплексно проанализировать духовно-историческую резильентность Ратненского храма через призму трёх взаимодополняющих методологических подходов: этнометодологии Г. Гарфинкеля, феноменологии А. Шюца и символического интеракционизма в сочетании с драматургическим подходом И. Гофмана. Каждый из них позволил раскрыть особый пласт социальных процессов, обеспечивающих воспроизводство наследия и поддержание сакрального статуса храма.

Этнометодологический анализ сфокусировал внимание на *процессах конструирования смыслов* в повседневном взаимодействии. Мы показали, что представления о храме не являются статичными «мнениями», а непрерывно воспроизводятся через речевые практики, ритуалы и негласные правила поведения.

Выявленные «фоновые ожидания» и «нарушающие эксперименты» продемонстрировали, что участники поддерживают устойчивость смыслов, реагируя на отклонения от принятых норм.

Феноменологический подход позволил реконструировать *жизненные миры* разных групп (прихожан, казаков, туристов, и пр.), выявив ключевые типизации («истинный прихожанин», «настоящий казак») и механизмы интересубъективного согласования интерпретаций. Мы зафиксировали, каким образом через язык, нарративы и ситуативные контексты формируется многомерная реальность храма, где каждая группа находит значимые для себя смыслы. Особое значение приобрели «естественные установки» – неосознаваемые допущения, лежащие в основе восприятия сакрального пространства.

Применение символического интеракционизма и драматургического подхода Гофмана позволило раскрыть *динамику социального взаимодействия* в храме как «театрального представления», которое включает:

управление впечатлениями участниками, при «балансировке» между ролями (священнослужитель-администратор, казак-хранитель традиций и др.);
переключение между фреймами (религиозным, историческим, туристическим) для обеспечения многозначности восприятия храма;
разграничение «переднего» и «заднего» планов взаимодействия в процессе поддержки сакрального порядка и групповой идентичности.

Сопряжение этих подходов дало нам возможность:

- 1) перейти от описания «содержания» представлений о храме к анализу *процессов их создания и поддержания*;
- 2) показать, что резильентность храма – не абстрактное свойство, а результат *повседневных практик*: речевых актов, ритуалов, жестов, пространственной организации;
- 3) выявить *многоуровневость конструирования реальности*: от микропроцессов взаимодействия до макроструктур идентичности;
- 4) доказать, что сакральность храма воспроизводится не только посредством богослужебных ритуалов, но и через *тонкие механизмы социального взаимодействия*, часто остающиеся за пределами рефлексии участников.

Таким образом, исследование подтвердило исследовательскую гипотезу, что духовно-историческая резильентность Ратненского храма обеспечивается в том числе и через постоянное «*пересотворение смыслов*» разными социальными группами участников. Это происходит в ходе:

рутинного следования типизациям и фреймам;
осознанного управления впечатлениями;
неосознанного воспроизведения «естественных установок».

Полученные результаты демонстрируют продуктивность подобного методологического синтеза для изучения религиозных пространств. Они открывают перспективы для дальнейших исследований, позволяя глубже понять, каким образом повседневная жизнь становится материалом для конструирования устойчивых культурных феноменов.

Литература

- Аверинцев, С. С.* Связь времён / С. С. Аверинцев. (Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова). – Киев : Дух і літера, 2006. – 443 с. – ISBN 966 7888 76 2, 966 7888 84 3.
- Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М. М. Сокольской. / Я. Ассман. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- Бурдьё, П.* Структура, габитус, практика / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44–59.
- Гарфинкель, Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель, – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 335 с. – ISBN 5-469-00033-8.
- Гарфинкель, Г.* Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий. Пер. с англ. А. М. Корбута / Г. Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 1. – С. 10–51.
- Готлиб, А. С.* Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики : учебное пособие / А. С. Готлиб. – 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2014. – 382 с. – ISBN 978-5-89349-760-1.
- Гофман, Э.* Ритуал взаимодействия : очерки поведения лицом к лицу / Э. Гофман ; под ред. Н. Н. Богомоловой и Д. А. Леонтьева ; пер. с англ. С. С. Степанова и Л. В. Трубицыной. – Москва : Смысл, 2009. – 318 с. – ISBN 978 5 89357 276 6.
- Гофман, И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Э. Гофман; под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой ; вступ. ст. Г. С. Батыгина. – Москва : Институт социологии РАН ; Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Гофман, И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гофман; пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалёва. – Москва : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2000.
- Лепяхин, В. В.* Значение и предназначение иконы : икона в Церкви, в государственной, общественной и личной жизни – по богословским, искусствоведческим, историческим, этнографическим и литературно художественным источникам / В. В. Лепяхин. – Москва : Паломникъ, 2003. – 512 с. – ISBN 5 87468 188 4.
- Преображенский (Ратненский) храм : официальный сайт. URL: <https://ratnensky.ru> (дата обращения: 20.10.2025).
- Русская Православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : документы и фотоматериалы / отв. ред. Я. Н. Щапов ; сост. А. С. Масальская и др. ; Ин т российской истории РАН. – Москва : Изд во Библейско Богословского ин-та св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
- Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской Церкви XX века в свидетельствах современников : в 2 т. / [ред.-сост.: протоиерей В. Воробьёв и др.]. – Москва : Эксмо ; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2014. – ISBN 978-5-699-76860-8 (Эксмо), 978-5-7429-0463-2 (ПСТГУ).
- Славный град Черкасск. Собрание сочинений протоиерея Григория Левитского / сост. А. В. Шадрина, Л. А. Штавдакер ; под общ. ред. акад. РАН Г. Г. Матишова ; автор вступ. ст. и коммент. А. В. Шадрина. – Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2024. – 240 с. – ISBN 978-5-4358-0264-1.

- Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
- Шюц, А. Некоторые структуры жизненного мира / А. Шюц // Вопросы социальной теории. – 2008. – Вып. 1(2). – С. 72–87.
- Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц; пер. А. Я. Алхасов, Н. Я. Мазлумянова. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
- Agarwal, M. The Role of Social Capital in Building Community Resilience / M. Agarwal // *Natural Hazards Review*. – 2021. – Vol. 22, No. 3. – P. 04021008.
- Berger, P. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge* / P. Berger, T. Luckmann. – New York : Anchor Books, 1966. – 240 p.
- Garfinkel, H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism* / H. Garfinkel. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2002.
- Garfinkel, H. *The Origins of the Term «Ethnomethodology»* / H. Garfinkel; ed. by R. Turner. – Baltimore : Penguin, 1974.
- Garfinkel, H. *The Perception of the Other: A Study in Social Order* : unpublished PhD dissertation. – Harvard University, 1952.
- Goffman, E. *Encounters: Two Studies in the Sociology of Interaction* / H. Garfinkel. – London : Allen Lane, 1972.
- Goffman, E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior* / E. Goffman. – New York : Anchor, 1967.
- Goffman, E. *The Interaction Order* / E. Goffman // *American Sociological Review*. – 1982. – Vol. 48.
- Nora, P. *Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire* / P. Nora // *Representations*. – 1989. – No. 26. – P. 7–24.
- Tierney, K. *The Social Roots of Risk: Producing Disasters, Promoting Resilience* / K. Tierney. – Stanford : Stanford University Press, 2014. – 288 p.

Reference

- Agarwal M. The Role of Social Capital in Building Community Resilience. *Natural Hazards Review*. 2021;22(3):04021008.
- Assmann J. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in High Ancient Cultures. Transl. from German by MM Sokolskaya. *Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury = Moscow: Languages of Slavic Culture*; 2004. 368 p. (In Russ.).
- Averintsev S.S. The Connection of Times. (Collected Works; eds. Averintseva NP, Sigov KB). *Kiyev: Dukh i Litera = Kyiv: Dukh i Litera*; 2006. 443 p. ISBN 966 7888 76 2, 966 7888 84 3. (In Russ.).
- Berger P, Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. *New York: Anchor Books*; 1966. 240 p.
- Bourdieu P. Structure, Habitus, Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1998;1(2):44–59. (In Russ.).
- Garfinkel H. The Concept and Experimental Studies of “Trust” as a Condition for Stable Coordinated Action. Transl. from English by AM Korbut. *Sotsiologicheskii obzor = Sociological Review*. 2009;8(1):10–51. (In Russ.).

- Garfinkel H. The Origins of the Term «Ethnomethodology». In: Turner R, ed. *Etnometodologiya = Ethnomethodology*. Baltimore: Penguin; 1974.
- Garfinkel H. Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism. *Lanham: Rowman & Littlefield*; 2002.
- Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. *Sankt-Peterburg: Piter = Saint Petersburg: Piter*; 2007. 335 p. ISBN 5 469 00033 8. (In Russ.).
- Garfinkel H. The Perception of the Other: A Study in Social Order [unpublished PhD dissertation]. Harvard University; 1952.
- Glorious Town of Cherkassk. Collected Works of Archpriest Grigory Levitsky. Comp. A.V. Shadrina, L.A. Shtavdaker; general ed. Acad. RAS G.G. Matishov; introductory article and comments by A.V. Shadrina. *Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN = Rostov-on-Don: Southern Scientific Centre RAS Press*; 2024. 240 p. ISBN 978 5 4358 0264 1. (In Russ.).
- Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face to Face Behavior. (eds. Bogomolova N.N., Leontyev D.A.; transl. Stepanov S.S., Trubitsyna L.V.). *Moskva: Smysl = Moscow: Smysl*; 2009. 318 p. ISBN 978 5 89357 276 6. (In Russ.).
- Goffman E. The Interaction Order. *American Sociological Review*. 1982; 48 p.
- Goffman E. Encounters: Two Studies in Sociology of Interaction. *London: Allen Lane*; 1972.
- Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Ed. by G.S. Batygin, L.A. Kozlova; introductory article by G.S. Batygin. *Moskva: Institut sotsiologii RAN; Fond "Institut obshchestvennogo mneniya" = Moscow: Institute of Sociology RAS; Institute of the Public Opinion Foundation*; 2003. (In Russ.).
- Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. *New York: Anchor*; 1967.
- Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Transl. from English and introductory article by A.D. Kovalev. *Moskva: Kanon Press S; Kuchkovo Pole = Moscow: Kanon Press C; Kuchkovo Pole*; 2000. (In Russ.).
- Gotlib A.S. Introduction to Sociological Research: Qualitative and Quantitative Approaches. Methodology. Research Practices [textbook]. 3rd ed., stereotyped. *Moskva: FLINTA = Moscow: FLINTA*; 2014. 382 p. ISBN 978 5 89349 760 1. (In Russ.).
- Lepakhin V.V. The Meaning and Purpose of the Icon: The Icon in the Church, in State, Social, and Personal Life – According to Theological, Art Historical, Historical, Ethnographic, and Literary Sources. *Moskva: Palomnik = Moscow: Palomnik*; 2003. 512 p. ISBN 5 87468 188 4. (In Russ.).
- Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*. 1989;(26):7–24. Preobrazhensky (Ratnensky) Church [Internet]. URL: <https://ratnensky.ru> (accessed: 20.10.2025). (In Russ.).
- Schütz A. Some Structures of the Life World. *Voprosy sotsial'noy teorii = Questions of Social Theory*. 2008;1(2):72–87. (In Russ.).
- Schütz A. Selected Works: A World Glowing with Meaning. *Moskva: ROSSPEN = Moscow: ROSSPEN*; 2004. 1056 p. (In Russ.).
- Schütz A. The Phenomenology of the Social World: Essays in Phenomenological Sociology. Transl. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova. *Moskva: Fond "Institut obshchestvennogo mneniya" = Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation*; 2003. (In Russ.).

Shchapov Ya.N. The Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941: Documents and Photographic Materials. Moscow: Publishing House of the St. Andrew's Biblical Theological Institute; 1996. 352 p. (In Russ.).

Tierney K. The Social Roots of Risk: Producing Disasters, Promoting Resilience. *Stanford: Stanford University Press*; 2014. 288 p.

Vorobyov V. The Russian Church. The Twentieth Century: History of the Russian Orthodox Church in the 20th Century through Contemporary Accounts. Vol. 1–2. *Moskva: Fond "Institut obshchestvennogo mneniya" = Moscow: Eksmo; Orthodox St. Tikhon Humanitarian University*; 2014. ISBN 978 5 699 76860 8 (Eksmo), 978 5 7429 0463 2 (STHU). (In Russ.).

Дата получения рукописи: 30.10.2025

Дата окончания рецензирования: 15.11.2025

Дата принятия к публикации: 16.11.2025

Информация об авторах

Баженов Сергей Витальевич – кандидат философских наук, президент SHF, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: sbazhenov@mail.ru

Баженова Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: eubazhenova@sfedu.ru

Чикарова Галина Игоревна – кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: chikarova@sfedu.ru

Миляев Игорь Олегович – иерей, настоятель Преображенского (Ратненского) храма ст. Старочеркасской, благочинный Северного благочиния Ростовской-на-Дону епархии, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: northblag@gmail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bazhenov Sergey Vitalievich – Candidate of Sciences in Philosophy, SHF President, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: sbazhenov@mail.ru

Bazhenova Elena Yuryevna – Candidate of Sciences in Economy, Associate Professor, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: eubazhenova@sfedu.ru

Chikarova Galina Igorevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: chikarova@sfedu.ru

Milyaev Igor Olegovich – the Priest, Rector of the Temple of the Transfiguration of the Lord (also known as the Ratnensky Temple) in Starocherkasskaya, dean of the Northern Deanery of the Rostov-on-Don Diocese, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: northblag@gmail.ru

The authors declare no conflict of interests

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

EDN EZPBMA

**Социальное конструирование и воспроизводство псевдоэтноса «кавказцев»:
историко-социологический анализ дискурсивных практик¹****Артем Ю. Перетяtko¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена социологическому анализу генезиса и воспроизводства феномена псевдоэтноса «кавказцев» в русскоязычном дискурсе XVIII–XIX вв. Данная статья представляет собой попытку проанализировать некоторые аспекты воображаемой географии Кавказа. Сама идея воображаемой географии в значительной степени основана на концепции "Ориентализма" Э. Саида, вызывающей споры до настоящего времени. В частности, ни среди отечественных, ни среди зарубежных авторов нет единства в вопросе о том, применим ли ориентализм для описания практик взаимодействия с «Востоком» Российской империи.

Методы. Исследование встроено в парадигму социологии знания и социального конструирования реальности (П. Бергер, Т. Лукман). На материале текстов И.Г. Георги, Т.Н. Макарова и И.С. Ульянова посредством дискурс-анализа и историко-социологического метода реконструируются практики категоризации, приведшие к формированию обобщённого социального типажа («кавказца») как элемента коллективных представлений. В своей статье мы будем основываться на представлении К. Гинзбурга о том, что «социальная конфигурация» представляет собой не нечто целостное, но совокупность «индивидуальных стратегий». В рамках подобного подхода необходимо изучать не только гипотетические универсальные особенности некой группы, но подробно анализировать индивидуальные особенности ее отдельных членов.

Результаты и их обсуждение. Доказано, что конструкт псевдоэтноса возник не как продукт целенаправленной идеологии (ориентализма), а как результат рутинных когнитивных и коммуникативных практик, обусловленных дефицитом информации, утилитарными нуждами управления и логикой бинарного оппозиционирования («свой» – «чужой»). Делается вывод о фундаментальной укоренённости подобных упрощённых классификаций в социальном восприятии сложно структурированных регионов, что имеет прямое отношение к современным социологическим проблемам формирования социальных границ, этнических стереотипов и управления полиэтничностью. Мы приходим к выводу, что при всем различии воображаемых географий Кавказа, созданных

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Статья основана на докладе, прочитанном в рамках XVI Всероссийского научно-практического форума «Большой Кавказ: ценностные ориентиры, социокультурные ландшафты, политическая консолидация».

тримя разобранными нами авторами, их роднит схожая модель представлений о этничности на Кавказе. С одной стороны, этим авторам известно о существовании на Кавказе множества народов; с другой, в реальности они не дифференцируют большую часть этих народов, а интерпретируют их в качестве единой группы, фактически псевдоэтноса кавказцев. Подобная особенность увязывается не с идеологией, которая у всех разобранных авторов различна и отлична от ориентализма Э. Саида, а с самой спецификой кавказского региона: внешнему автору действительно объективно сложно дифференцировать многие народы Кавказа, особенно если он, действуя «архаическим и самым распространенным в народоописаниях начиная с античных времен способом», будет сравнивать эти народы не друг с другом, а со «своим» народом. Следовательно, существование в воображаемой географии Кавказа псевдоэтноса кавказцев оказывается неизбежным.

Ключевые слова: социальное конструирование реальности; псевдоэтнос; воображаемая география; социология знания; дискурс-анализ; социальные границы; этнические категории; историческая социология; Кавказ.

Для цитирования: Перетьяко А. Ю. (2025). Социальное конструирование и воспроизводство псевдоэтноса «кавказцев»: историко-социологический анализ дискурсивных практик. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С.28-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

The problem of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geography

Artyom Yu. Peretyatko¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Abstract.

Introduction. This article constitutes an attempt to analyze some aspects of the imaginary geography of Caucasus. The idea of imaginary geography is, to large extent, based on the concept of “Orientalism” by E. Said, causing controversy to this day. In particular, neither among domestic nor foreign authors there is solidarity on the question whether orientalism is applicable for describing the practices of interaction with the “East” of the Russian Empire.

Methods. We are basing our article on the concept of C. Ginzburg that “social configuration” doesn’t constitute something whole, but a totality of “individual strategies”. In the framework of this approach we must study not only the hypothetical universal features of a certain group, but thoroughly analyze individual features of its separate members. We analyze 3 imaginary geographies of Caucasus of the Russian Empire period: by J.G. Georgy, T.N. Makarov and I.S. Ulyanov. At the same time, we will also rely on the ethnolinguistic concept of “pseudo-ethnicity”: it is a “construct of naïve consciousness that appeared as a result of erroneous ethnic classification”.

Results and its discussion. We come to a conclusion that, despite the differences of the imaginary geographies of Caucasus made by the three authors we analyzed, they have a similar model of ideas about ethnicity in Caucasus. On the one hand, these authors know about the existence of many different peoples in Caucasus; on the other hand, in reality they don’t differentiate most of these peoples, but interpret they as a single group, a de facto pseudo-ethnicity of “Caucasians”. Such peculiarities link not to ideology, which was, for all the analyzed

authors, different from the orientalism of E. Said, but to the very specificity of Caucasus region: it is indeed objectively difficult for an external author to differentiate many peoples of Caucasus, especially if, acting in an “archaic and most widespread in the people-describings, starting from the antique times, manner”, they will compare these peoples not with each other, but with “their own” people. Consequently, the existence of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geographies becomes inevitable.

Keywords: social construction of reality; pseudo-ethnos; imaginary geography; sociology of knowledge; discourse analysis; social boundaries; ethnic categories; historical sociology; Caucasus.

For citation: Peretyatko A.Yu. (2025). The problem of the pseudo-ethnicity of “Caucasians” in imaginary geography. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 28-48. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.2>

Введение

Современная социология, изучающая механизмы формирования коллективных представлений и межгрупповых отношений, всё чаще обращается к историческому материалу как к полю для выявления устойчивых социальных паттернов. Феномен «воображаемой географии», то есть социально сконструированных образов пространства и их обитателей, представляет собой ключевой объект для социологии знания и исследований социального конструирования реальности. Кавказ, как исторически сложный полиэтничный регион, вошедший в состав Российской империи, стал мощным катализатором для выработки разнообразных дискурсивных практик его осмысления и категоризации. Традиционный анализ этих практик через призму ориентализма Э. Саида, будучи продуктивным, часто редуцирует их многообразие к единой логике колониального доминирования. В данной статье предлагается сместить фокус с идеологического анализа на социологическое исследование рутинных механизмов производства знания. Цель работы — выявить, как в конкретных исторических контекстах через индивидуальные и институциональные практики письма, перевода и историописания конструировалась и легитимировалась устойчивая социальная категория — псевдоэтнос «кавказцев». Этот процесс рассматривается как форма социальной категоризации, имеющая фундаментальное значение для понимания того, как общества упорядочивают сложную социальную реальность, проводят символические границы и создают основу для последующих социальных взаимодействий и конфликтов.

«Век Просвещения подчинял географию своим философским конструкциям, населяя атласы идеологическими деталями, неподсудными стандартам научной географии. <...>. Считалось вполне допустимым “открывать” Восточную Европу, ни разу в ней не побывав», – писал Л. Вульф в своей знаменитой книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (Вульф, 2003, 38; 40). Л. Вульф цитировал еще более знаменитую книгу, «Ориентализм» Э. Саида, в которой говорится, что ориентализм – это «стиль, с помощью которого Запад подавлял, перекраивал и подчинял себе Восток», и делал вывод, согласно которому сама концепция «Восточной Европы»² «неразрывно связана с развитием ориентализма» и изначально «с

² «L'Europe orientale» на французском, главном языке науки тех времен, когда эта концепция формировалась (Вульф, 2003, 38).

небрежностью исключала Восточную Европу из Европы в полном смысле этого слова, исподволь объединяя ее с Азией» (Вульф, 2003, 38).

Можем ли мы хотя бы попытаться понять, каким конструктам и идеям подчинена воображаемая география Кавказа? В.О. Бобровников вполне резонно обращает внимание на то, что еще для русских романтиков первой трети XIX в. Северный Кавказ безусловно являлся частью не России, а «мусульманского Востока» (Бобровников, 2018, 224). Он прямо призывает изучать именно воображаемую, а не только реальную географию «бывших восточных окраин империи», в том числе с опорой на тексты сотрудничавших с Россией мусульман (Бобровников, 2018, 230). Однако при попытке реального изучения воображаемой географии Кавказа мы сталкиваемся с рядом фундаментальных, если не экзистенциальных проблем.

Значительная их часть подробно описана в статье «Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа» В.В. Цибенко, в которой как раз критикуется и учебник, написанный В.О. Бобровниковым (Цибенко, 2014, 69–77). Мы считаем возможным выделить данные проблемы в три основные группы:

1) Проблемы гносеологического характера. В.В. Цибенко указывает на тот факт, что уже само принятие концепции ориентализма дискредитирует и разрушает востоковедческую науку (Цибенко, 2014, 72). Логика здесь совершенно понятна – если европейский ориентализм был не более чем методом господства Запада над Востоком, то традиционное востоковедение, изучающее «Восток» в классическом для европейской культуры значении, рискует оказаться лженаукой, не просто изучающей фиктивный объект, но еще и объект, сконструированный с целью обеспечить господство Запада над Востоком. Кроме того, В.В. Цибенко обращает внимание на следующий факт: В.О. Бобровников призывает сместить акцент кавказоведческих исследований с того «как все происходило “на самом деле”» на «субъективный фактор», то, «как готовились и воспринимались колониальные преобразования» (Цибенко, 2014, 76). В.В. Цибенко задается вопросом, «стоит ли вставать на эту зыбкую почву» (Цибенко, 2014, 76)?

2) Проблемы применимости идей Э. Саида к России и Кавказу. В.В. Цибенко обращает внимание на критику работ Э. Саида целым рядом авторов, от профессиональных ученых Б. Льюиса и Р. Ирвина до «представителей арабского и исламского миров», например, публициста, скрывающегося под псевдонимом Ибн Варрак (Цибенко, 2014, 70–71). Для нас в данном случае не принципиальны детали критики: важно то, что идеи Э. Саида не являются безусловно признанными. При этом сам Э. Саид не рассматривал вопроса о том, применима ли концепция ориентализма для Российской империи/СССР (Цибенко, 2014, 72). Мнения иностранных исследователей на этот счет различны: одни из них (в частности, Н. Найт) считают, что российское востоковедение имело свою специфику, не сводимую к западноевропейскому ориентализму, а другие (А. Халид) с этим не согласны (Цибенко, 2014, 73).

3) Социально-политические результаты использования идей Э. Саида. В.В. Цибенко подчеркивает, что в советский период даже колониальные сюжеты описывались через призму существования эксплуататорских элит над «братскими народами» – т. е., по крайней мере, различным народам не приписывались положительные и отрицательные коннотации (Цибенко, 2014, 74). В рамках же концепта ориентализма и, шире, в современной западной историографии в целом граница между колонизаторами и

угнетаемыми достаточно четко проводится по этническому принципу, и применение «такого подхода к кавказской истории неизбежно ведет к нарастанию межэтнической напряженности» (Цибенко, 2014, 74).

Завершая свою статью, В.В. Цибенко призывает российских кавказоведов «вырабатывать собственные подходы и концепции», а не заимствовать идеи, не получившие безусловного признания (Цибенко, 2014, 75) (и к тому же, добавим от себя, изначально возникшие при изучении других регионов). И в данной статье мы попытаемся сделать именно это: мы попытаемся рассмотреть некоторые аспекты воображаемой этнической географии Кавказа, не прибегая к использованию концепции ориентализма.

Методы

Исследование опирается на интеграцию нескольких социологических подходов: 1. Социология знания (П. Бергер, Т. Лукман). Концепт «псевдоэтноса» интерпретируется как социально сконструированный тип, результат объективации субъективных процессов категоризации, который впоследствии интернализируется и воспринимается как часть «данной» реальности. Исторические тексты анализируются как документы, фиксирующие момент институционализации определённых значений и классификаций.

2. Концепция социальных границ (boundary-making). Процесс объединения множества народов в единую категорию «кавказцев» рассматривается как акт проведения символической границы, которая упрощает социальный мир, создавая бинарную оппозицию «мы» (русские/европейцы/имперские субъекты) и «они» (кавказцы). Этот процесс не столько отражает культурные различия, сколько активно их производит и закрепляет в дискурсе.

3. Микроисторический подход и историческая социология. Методология К. Гинзбурга, ориентированная на анализ «индивидуальных стратегий» через пристальное чтение текстов, позволяет реконструировать логику конкретных социальных акторов (учёного, чиновника, историка-любителя). Это даёт возможность увидеть, как макросоциальные процессы (имперская экспансия, формирование научного знания) преломляются в конкретных практиках.

4. Дискурс-анализ. Тексты анализируются не только как источники информации, но и как социальные действия, выполняющие определённые функции: легитимацию власти, упрощение сложности, создание групповой идентичности.

Эмпирическая база сознательно ограничена тремя кейсами, представляющими разные социальные позиции и типы практик: учёный-систематизатор (И.Г. Георги), практик-администратор, решающий утилитарные задачи управления (Т.Н. Макаров), и представитель локальной группы, конструирующий собственную этногенетическую легенду (И.С. Ульянов). Такая выборка позволяет выявить общие социо-когнитивные механизмы, работающие в различных социальных полях.

Анализ дискурсивных практик: механизмы конструирования категории. Социологический анализ выявляет несколько взаимосвязанных механизмов, приведших к кристаллизации категории «кавказцев».

1. Упрощение как ответ на когнитивную перегрузку и дефицит знания. Ситуация, в которой оказался И.Г. Георги, типична для встречи со сложно структурированным социальным объектом. Дефицит достоверной информации и избыток этнических

наименований привели к применению стратегии когнитивной экономии: множественные различия были проигнорированы в пользу создания обобщённого, гомогенизированного типа. Это не ошибка, а стандартная социально-психологическая реакция, которая позже была объективирована в научном (по меркам времени) тексте и тем самым получила легитимацию.

2. Инструментальная рационализация и административная целесообразность. Случай Т.Н. Макарова демонстрирует, как утилитарные потребности имперского управления порождают специфические формы знания. Его проект создания «кавказско-татарского языка» — это яркий пример инструментальной рационализации (М. Вебер). Сложная лингвистическая реальность намеренно игнорируется и подменяется упрощённой, функциональной моделью, пригодной для решения узких задач коммуникации и контроля. Здесь знание конструируется не для понимания, а для эффективного действия в рамках административной системы.

3. Мифологизация и конструирование групповой идентичности. Практика И.С. Ульянова представляет процесс социального мифотворчества, направленного на легитимацию и облагораживание собственной групповой идентичности (донского казачества) через связь с символически значимым Другим – «храбрыми кавказцами». Примечательно, что для этого ему приходится конструировать ещё один, вложенный псевдоэтнос – «православных славяноязычных черкесов». Это показывает, как категория «кавказца» становится гибким символическим ресурсом, который можно наполнять разным, даже противоположным, содержанием в зависимости от целей конкретной социальной группы.

4. Бинарное структурирование как базовый принцип категоризации. Общим для всех трёх случаев является фундаментальная логика сравнения не между кавказскими народами, а с внешним референтом («своими»). Это классический механизм формирования социальной идентичности через противопоставление. Различия внутри категории «они» становятся несущественными на фоне макродифференциации «мы – они». Эта логика, выявленная в исторических текстах, является краеугольным камнем многих современных теорий межгрупповых отношений в социальной психологии и социологии.

Тем не менее, для нас все еще остается актуальной одна из проблем, описанных В.В. Цибенко. Исследуя воображаемую географию, мы рискуем выйти за пределы области проверяемых фактов в область субъективных предположений и интерпретаций. Наиболее очевидным решением этой проблемы является тот, который эта исследовательница сама фактически реализовала в одной из своих статей, посвященной воображаемой географии в современной Турции (Цибенко, 2022, 130–144). В ней В.В. Цибенко анализирует воображаемую географию, оставаясь в области бесспорных фактов, однозначных утверждений и официальных документов, т. е. в области преимущественно публичной политики (Цибенко, 2022, 130–144). «Турция и турецкая нация несут на своих плечах груз географии от Балкан до Кавказа, от Северной Африки до Центральной Азии. Да, география – это судьба, и мы от этой судьбы не уйдем», – подобное утверждение Р.Т. Эрдогана безусловно является фактом и безусловно раскрывает воображаемую географию современных турецких властей (Цибенко, 2022, 139).

Однако, ограничивая исследование воображаемой географии сферой публичной политики, мы сильно обедняем ее. Достаточно очевидно, что свои представления о воображаемой географии имеют люди самого разного уровня образования и профессий. Приведем любопытный и актуальный пример. А.Г. Щербинин и Н.Г. Щербинина попытались проанализировать, как представлены славянские идеи в интернете (Щербинин, 2015, 47–50). Анализируя сообщества в социальных сетях, они обнаружили и сюжеты, фактически напрямую связанные с воображаемой географией, но при этом трактуемые весьма разнообразно. Так, если одни группы ограничивали свою деятельность пропагандой славянских идей в России, то другие подчеркивали «славянское единство Белоруссии, Украины, России» (интересно, что другие славянские страны в это единство, видимо, не попали) (Щербинин, 2015, 47–48). Участники групп часто делили людей на «своих» и «чужих», причем «чужими» могли быть «укропы», т. е. украинцы – следовательно, в рамках данной версии воображаемой географии один из славянских народов интерпретировался как чуждый славянству (Щербинин, 2015, 49). Подобные сюжеты, безусловно, заслуживают изучения, но целостного их анализа А.Г. Щербинин и Н.Г. Щербинина произвести не смогли, связав это с тем, что «мир Интернета еще менее цельный, нежели реальность» (Щербинин, 2015, 48).

Данное высказывание напоминает классическое утверждение З. Кракауэра, неоднократно процитированное К. Гинзбургом, согласно которому «основополагающими свойствами реальности являются ее прерывистость и разнородность» (Гинзбург, 2004, 305). Итальянские микроисторические исследования второй половины XX в., классиком которых был К. Гинзбург, в итоге позволили прийти к выводу, что «социальная конфигурация» представляет собой не нечто целостное, но совокупность «индивидуальных стратегий», которые и следует изучать в максимальном приближении (Гинзбург). Иными словами, если мы говорим не о событийной истории и не о четко сформулированных высказываниях, характерных для упорядоченных дискурсов (политического, научного и т. п.), а о представлениях широких слоев общества, включая и их воображаемую географию, определенная разнородность и неточность являются не недоработкой исследователя, но свойством изучаемого им предмета. Однако это не означает, что общественные представления, с учетом их влияния на объективную действительность, не следует изучать.

Иными словами, изучая воображаемую географию во всем ее многообразии, мы неизбежно будем касаться истории субъективного – истории действительно менее точной, чем объективная история фактов и политических высказываний. Тем важнее, чтобы история субъективного не превратилась в субъективную историю. Поэтому нам следует, учитывая политизированность истории Кавказа, максимально четко определить ту методологию и категориальный аппарат, которые мы планируем использовать.

Нас будет интересовать в первую очередь воображаемая этническая география Кавказа, как вызывающая больше всего споров и даже конфликтов. Изучать ее мы будем, анализируя индивидуальные стратегии отдельных авторов, подробно разбирая их тексты о Кавказе, а не пытаясь обобщать массовые представления о нем – т. е. мы будем опираться на количественные, а не качественные методы исследования. Мы обратимся к трем частным случаям, поскольку рассмотреть большее их количество в небольшой

статье не представляется возможным, однако эти случаи выбраны нами не случайно, и встречающийся в них наиболее важный для нас сюжет широко представлен и в других текстах о Кавказе. Все разобранные нами случаи касаются XVIII–XIX вв. и максимально деполитизированы.

Однако, прежде чем анализировать эти случаи, для прояснения категориального аппарата нам следует ответить на фундаментальный вопрос: какие формы вообще обретает этничность в воображаемой географии людей, не являющихся профессиональными учеными-гуманитариями, если даже среди подобных ученых нет единства в определениях этноса/нации/народа?

А.И. Грищенко в связи с этим вполне справедливо замечает, что «наивные этнические картины мира» существуют в принципе за пределами научных теорий этноса, зато связаны с языками, на которых выражаются (Грищенко, 2011, 439). Между тем в целом ряде европейских языков понятие «народ» связано с семейным родством (в частности, русское слово «народ» связано со словом «род») (Грищенко, 2011, 439). Как считает А.И. Грищенко, это фактически делает «наивного носителя языка» примордиалистом, для которого этничность объективно существует, и связана с происхождением, независимо от того, какие теории этничности господствуют в науке (Грищенко, 2011, 439). Все это создает возможность для существования в языке научно некорректных, но достаточно распространенных словосочетаний, связанных с этничностью и конструирующих ее на основе общего происхождения, например, «кавказская нация» или «этнические негры» (т. е. потомки не вполне корректных с научной точки зрения, но существующих в некоторых наивных этнических картинах мира общностей кавказцев и негров) (Грищенко, 2011, 440).

С учетом подобной языковой ситуации, вполне логично, что, пытаясь дать определение слову «народ» исходя не из теоретических положений той или иной научной теории, а из семантических практик языка, А.И. Грищенко приходит к выводу, что народом всегда называют «некую общность людей», однако однозначно сформулировать универсальные принципы выделения подобных общностей невозможно (Грищенко, 2011, 442). Это приводит исследователя к парадоксальному выводу: «единственным признаком, которым обладают все человеческие общности, признаваемые этническими» является существование этнонима, т. е. общего названия для всех представителей каждой подобной общности (Грищенко, 2011, 442) (что, кстати, идеально иллюстрирует ту разнородность реальности, о которой мы писали выше).

Таким образом, с точки зрения языковых практик, с одной стороны, народом называют некую общность, причем обычно предполагая ее объективное существование, но, с другой стороны, четкие критерии выделения подобной общности отсутствуют. Это позволяет этнолингвистам выделять принципиально важный для нашего дальнейшего исследования этнографический таксон – «псевдоэтнос», «конструкт наивного сознания, возникший в результате ошибочной этнической классификации» (Грищенко, 2011, 441).

Следовательно, в рамках воображаемой этнической географии не просто следует исходить из того, что какая-либо однозначная и четкая система в выделении народов у носителей наивной этнической картины мира может отсутствовать. Необходимо учитывать, что доказательством существования этнической группы в рамках подобной картины мира является сам факт ее выделения через этноним, причем с точки зрения

исследователя, изучающего эту картину мира, данная этническая группа может оказаться псевдоэтносом. Иными словами, наивная этническая картина мира может быть достаточно далека от реальности и для ее восстановления необходим анализ текстов, в которых она отражена – а попытки соотнести эти тексты с реальными фактами в подобной ситуации скорее опасны, поскольку ведут к конструированию причудливого гибрида, смеси реальной и воображаемой географии. Следовательно, самое фантастическое описание этнической группы или описание псевдоэтноса, если оно достаточно подробно, может быть исследовано, но только путем анализа текстов, в которых это описание зафиксировано.

Исходя из всего этого, исследуя воображаемую этническую географию Кавказа, мы будем опираться на крайне недостоверные тексты авторов, часть из которых вообще никогда на Кавказе не была. Поэтому мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, что восстанавливаемые нами представления о народах Кавказа к реальности отношения не имеют или почти не имеют. Более того, индивидуальные стратегии описания Кавказа у трех разбираемых нами авторов расходятся диаметрально, и было бы точнее даже, в полном представлении с утверждениями К. Гинзбурга и З. Кракауэра о «прерывистости и разнородности» реальности, говорить о трех реконструируемых нами воображаемых географиях Кавказа. Однако как раз общие элементы в этих трех разнородных воображаемых географиях и будут формировать социальную конфигурацию если не общепринятых, то распространенных универсальных представлений о воображаемой географии Кавказа.

Результаты

1. Конструкт «кавказца» как социальный факт. Псевдоэтнос «кавказцев», возникший как «конструкт наивного сознания», в процессе циркуляции в текстах разного уровня (от научных трудов до служебной переписки и любительской истории) подвергся процессу институционализации. Он стал устойчивым элементом языковых практик, административного мышления и исторического нарратива, то есть превратился в «социальный факт» (Э. Дюркгейм), оказывающий обратное воздействие на реальность.

2. Множественность дискурсов и нередуцируемость к идеологии. Исследование подтверждает, что производство знания о Другом не монолитно. Оно осуществляется в разных социальных полях (наука, бюрократия, локальная идентичность) и подчиняется разной логике (познавательной, утилитарной, мифологической). Это ставит под сомнение любые попытки объяснить российские дискурсы о Кавказе исключительно через призму ориентализма как идеологии господства. Социологически более продуктивно говорить о констелляции дискурсивных практик с разнородными генезисами и функциями.

3. Историческая укоренённость современных категорий восприятия. Выявленные механизмы – когнитивное упрощение, инструментальная рационализация, бинарное противопоставление – не являются историческими артефактами. Они продолжают работать в современном обществе в условиях медиатизированной коммуникации, миграционных процессов и политики идентичности. Современное бытовое или медийное использование категории «лицо кавказской национальности» напрямую наследует логике исторически сложившихся практик категоризации.

Первым обобщающим трудом о народах, проживающих на территории Российской империи, стало «Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» И.Г. Георги, созданное в 1770-ые гг. Такой крупный специалист по истории этнографии, как С.А. Токарев, оценивал данную книгу исключительно высоко, утверждая: «Никакая другая страна мира не могла похвалиться в то время подобного рода работой, да ни в одной из них не было тогда накоплено и малой доли того огромного материала» (Токарев, 2015, 133).

В то же время С.А. Токарев обращал внимание, что из фундаментального труда И.Г. Георги наглядно видна несопоставимая степень изученности российской наукой XVIII в. различных регионов Империи (Токарев, 2015, 133–135). И как раз сведения, сообщаемые И.Г. Георги о народах Кавказа, позднейший исследователь характеризовал как «очень скудные и путанные» (в отличие, например, от сведений о народах Поволжья и большей части Сибири) (Токарев, 2015, 134–135). В 1770–1774 гг. И.Г. Георги совершил ряд путешествий по России, изучая различные народы, однако как раз народов Кавказа в числе посещенных им не было (Токарев, 2015, 132).

Иными словами, в конце XVIII в. даже российские ученые очень приблизительно представляли этнографическую карту Кавказа. Описание этого региона, выполненное И.Г. Георги, следует относить в большей степени к воображаемой, чем к реальной географии – и при этом оно достаточно подробно и полно, чтобы полностью реконструировать взгляды автора на кавказские народы.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание то, что описания кавказских народов были включены И.Г. Георги во второй том его труда, называвшийся «О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских» (Георги, 1799, 45–73). Означает ли это, что исследователь считал все народы Кавказа татарскими, т. е., в рамках современной терминологии, тюркскими?

Из небольшого вводного раздела «Кавказские народы» следует, что И.Г. Георги в принципе понимал, что эти народы имеют совершенно различное происхождение: в числе их предков он называл «Греков», «Генуэзцов», «Персиян» и «иных народов» (Георги, 1799, 45). Однако при этом ученый испытывал очевидные трудности в дифференциации народов Кавказа: в его тексте неоднократно встречаются утверждения вроде «Татары как будто бы поглотили сии остатки народов»; «они с ними (татары с местными народами – А.П.) так как и сами между собой чрез женитьбы перемешались, а потому и языки свои перепутали»; «они (народы Кавказа – А.П.), выключая Грузинцов, в устройствах своих не токмо весьма сходствуют, но и часто одна на другую ссылаются»; «тем труднее ныне догадаться, какого кто из них племени» (Георги, 1799, 45–46). Таким образом, уже у И.Г. Георги мы сталкиваемся с вариантом воображаемой этнической географии Кавказа, который представляется нам достаточно типичным, если не характерным для русской культуры: в его рамках, с одной стороны, теоретически признается многонациональный характер Кавказа, а, с другой стороны, на практике народы Кавказа сливаются в недифференцируемую массу «кавказцев», якобы мало отличимых друг от друга.

И действительно, отдельные кавказские народы описывались И.Г. Георги предельно кратко. Иногда сущность описания сводится к тому, что народ во всем похож

на кого-то из своих соседей: так, о «авхазах или абазах» (абхазах) исследователь пишет, будто бы они «в рассуждении нравов, обычаев, языка, жилища, одежды, веры и прочего весьма сходны с Черкесами, так, что их почти и распознать не можно» (Георги, 1799, 57). В других случаях описание приобретает откровенно фантастический характер: о «базианах» (балкарцах) И.Г. Георги пишет, будто бы этот «народ не имеет никакой веры» (Георги, 1799, 53), а часть его представителей говорит «испорченным и перемешанным Богемским языком» (Георги, 1799, 67). Упоминает И.Г. Георги и версию происхождения части «базиан» из Богемии, хотя и признает, что в науке данная версия критикуется (Георги, 1799, 53). С нашей точки зрения, «базиан» И.Г. Георги вообще не следует соотносить с реальными балкарцами: это совершенно фантастический народ, созданный на основе крайне искаженной информации о Кавказе. Наконец, иногда описания кавказских народов, предлагаемые И.Г. Георги, настолько лаконичны, что сводятся к их локализации. Приведем полностью раздел, который этот исследователь посвятил «мильчегам», одному из «кистинских» (т. е. нахских) народов: «Живут в округе сего имени по Аксаю и Сунше в двадцати деревнях, из которых в одной, называемой Истесу и состоящей из 500 дворов, находятся теплые воды. Все они упражняются большей частью в грабеже и разбоях» (Георги, 1799, 61).

Зато после описания всех народов Кавказа И.Г. Георги подробно и основательно занялся общим описанием всех этих народов, используя для обозначения их совокупности псевдоним «кавказцы» (Георги, 1799, 66–73). Вот характерный отрывок из этого описания: «Кавказцы, считая вообще, росту большого, статны, больше худощавы, нежели дородны, лицом мужчины смуглы, нос у них сухощавый, глаза малые, острые и серые, волосы рыжие или черные» (Георги, 1799, 66). Даже характер у кавказцев, в интерпретации И.Г. Георги, оказывался общим: они якобы были «веселы, вежливы, смелы, роскошны», но при этом «суровы, невежды, несправедливы, вероломны и склонны к грабегам и мщению» (Георги, 1799, 66). И.Г. Георги попытался свести в некое единство даже религиозное многообразие Кавказа: в его интерпретации кавказцы «в делах, до веры касающихся, чрезвычайно незнаючи, и о законе своем и сами недоумевают» (Георги, 1799, 73). Соответственно, их вера якобы оказывалась смешением разных религий: так, у кавказских мусульман, согласно И.Г. Георги, имелось «много признаков Христианской веры, но не меньше и языческого суеверия» (Георги, 1799, 73).

И нам остается констатировать, что история псевдоэтнуса кавказцев в русскоязычных текстах восходит к XVIII в. При этом изначально она не была порождена какими-либо явлениями идеологического характера, вроде ориентализма Э. Саида. Более того, в первом обобщающем труде по этнографии Российской империи Кавказ даже не был полноценной частью исламского Востока – вместо этого он представал особым пространством смешения религий, на территории которого люди, считающие себя мусульманами, фактически практиковали синкретическую религию с элементами христианства и язычества.

Причины возникновения псевдоэтнуса кавказцев у И.Г. Георги, по нашему мнению, были связаны с несколькими основными факторами. Во-первых, как мы видели выше, этнография Кавказа в своем развитии отставала от этнографии Поволжья и Сибири, не говоря уже о этнографии славян. Соответственно, исследователь конца XVIII в. имел большую свободу для интерпретаций и додумываний – но еще важнее нам

представляется тот факт, что и он, и тем более его читатель не имели какого-либо общепринятого, базового представления о большинстве кавказских народов. Во-вторых, Кавказ был родиной множества народов, в том числе и совсем небольших. При этом сходство географических условий и заимствование этими народами друг у друга культурных элементов легко позволяло (особенно с описанной выше свободой интерпретации, доступной исследователю) преувеличивать сходства кавказских народов, не замечая их различий. В-третьих, М.В. Лескинен обращает внимание на очень важный для нас сюжет. Даже в XIX в., когда постепенно формировалась этнография как наука, опросники Русского географического общества теоретически предполагали, что для определения особенностей народа следует сравнивать народы, живущие рядом друг с другом и даже группы внутри одного народа – но на практике особенности народов чаще всего определялись «архаическим и самым распространенным в народоописаниях начиная с античных времен способом», сравнением «чужого» народа со «своим» (т. е. обычно с русскими) (Лескинен, 2010, 181). Нетрудно понять, что в рамках тех характеристик, которые давал И.Г. Георги многим народам Кавказа, дифференцировать их друг от друга было затруднительно (напомним, что он совершенно прямо писал – «авхаз» «почти и распознать не можно» от «черкес», а единственной характерной чертой «мильчегов» он называл склонность к грабежам – которую приписывал и «кавказцам» в целом). Соответственно, при сопоставлении с русскими воспринимаемые таким образом кавказские народы и должны были слиться в единую не дифференцируемую массу кавказцев, слишком сходную между собой и слишком отличную от русских, чтобы придавать серьезное значение их делению на отдельные этнические группы.

Однако если этнографическая наука со времен, когда писал И.Г. Георги, далеко шагнула вперед и для нее очевидны различия между народами Кавказа хотя бы по таким важнейшим традиционным маркерам этничности, как вера и язык, то носитель наивной этнической картины мира русского происхождения зачастую подвержен влиянию как раз тех факторов, которые влияли на этого исследователя. Он может теоретически понимать, что Кавказ этнически многообразен, однако на практике дифференциация местных народов, особенно небольших, затруднительна для неспециалиста. С другой стороны, все эти народы будут казаться ему инаковыми при их сравнении со «своими», русскими – что может породить иллюзию их сходства. Наконец, в русском языке уже есть готовый псевдоэтноним «кавказцы», восходящий, как мы видим, к XVIII в. Все это делает восприятие по крайней мере частью русского общества представителей народов Кавказа в качестве псевдоэтноса кавказцев вполне закономерным (другой вопрос, что границы этого этноса могут определяться по-разному, и, например, И.Г. Георги отделял «Грузинцов» от прочих «кавказцев»). Несколько упрощая, можно сформулировать так: разница между представителями кавказских народов, например, осетинами и кабардинцами, понятна профессиональному ученому, сопоставляющему их между собой, но может быть совершенно не ясна человеку без гуманитарного образования, сравнивающему их с русскими.

Может показаться, что мы недооцениваем различия между народами Кавказа, очевидные даже непрофессионалу, и, по крайней мере, отличия их религий и языков совершенно недвусмысленны для любого наблюдателя, изучавшего их непосредственно, а не по чужим описаниям. Однако следует учитывать, что подобный наблюдатель-

непрофессионал в своей деятельности будет, скорее всего, преследовать некие практические цели, и его будет интересовать не научно верная классификация народов, языков и религий, но относительно простая классификация, пригодная для этих целей.

Снова обратимся к конкретному примеру. Преподавание языков народов Северного Кавказа началось до того, как эти языки были научно исследованы. Российские власти испытывали необходимость обучения военных переводчиков для Отдельного Кавказского корпуса, и поэтому с 1844 г. началась подготовка к созданию отделения восточных языков при Новочеркасской войсковой гимназии (Артинский, 1907, 134–139). Хотя в настоящее время данный сюжет относительно забыт, именно в Новочеркасске местными преподавателями был создан ряд работ о языках Кавказа. Прежде всего, в 1850–1860-ые гг. однофамильцами с совпадающими инициалами, Д.М. Хандиевыми, были разработаны несколько вариантов графики аварского алфавита (первоначально на арабской, а затем на кириллической основе) (Перетяцько, 2021). В 1861 г. в Санкт-Петербурге вышел «Учебник татарско-адербейджанского наречия, составленный учителем Отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии мирзою Абу-ль-Хасан-Бекком Визировым», ставший одним из первых учебников азербайджанского языка (Визиров, 1861). Таким образом, для преподавателей Новочеркасской гимназии из носителей языков Кавказа, хотя и не являвшихся профессиональными лингвистами, различие между этими языками было очевидно, и созданные ими исследования достаточно четко соотносятся с одним из объективно существующих языков.

Однако первоначально к преподаванию планировалось привлечь русских переводчиков с опытом службы на Кавказе. С этой целью туда в 1844 г. был отправлен служить переводчиком некий Т.Н. Макаров, выпускник астраханской гимназии (Перетяцько, 2021). И, когда в 1853 г. отделение восточных языков было открыто, Т.Н. Макаров выступил с инициативой по публикации подготовленного им учебника «кавказско-татарского языка», т. е. некоего единого языка, на котором говорят все кавказские тюркоязычные народы (Перетяцько, 2021). Показательно, что против издания выступило начальство Отдельного Кавказского корпуса, заявившее, что «всем здесь (на Кавказе – А.П.) живущим известно, что такого языка нет, да и быть не может» (Перетяцько, 2021). Из переписки по этому вопросу, хранящейся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), следует, что в принципе Т.Н. Макаров понимал, что на Кавказе говорят не только на тюркских языках, а сами тюркские языки Кавказа отличны между собой, однако считал, что для практической коммуникации переводчику достаточно знать некий усредненный «кавказско-татарский язык», не вникая в тонкости местной лингвистики (ГАРО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–30об). В итоге на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии Т.Н. Макаров преподавал недолго, а после него переводчиков-практиков русского происхождения, служивших на Кавказе, к преподаванию больше не привлекали (Перетяцько, 2021).

Случай Т.Н. Макарова очень интересен как раз в том отношении, что наглядно показывает: упрощение воображаемой географии Кавказа может быть совершенно осознанной стратегией человека, чья профессиональная деятельность связана с Кавказом, но он не имеет для нее достаточной подготовки. В данном случае переводчик-профессионал, не имеющий, однако, специального лингвистического образования, с

одной стороны, знал о сложности языковой картины Кавказа, а с другой стороны, сознательно игнорировал ее, считая необходимым не изучать эту языковую картину в деталях, но выработать усредненный «кавказский язык», понятный любому представителю народов Кавказа, т. е. фактически представителю псевдоэтнуса кавказцев. Подобный подход был связан и с более общими воззрениями Т.Н. Макарова: он выступал за полную русификацию Кавказа, ассимиляцию местных народов, и считал, что она пойдет куда эффективнее, если не создавать письменности для местных бесписьменных языков (Бекоева, 2014, 3–8). Тем не менее, для практических целей подход Т.Н. Макарова оказался вполне удовлетворительным: когда в 1854 г. в Новочеркасск прибыл Д.М. Хандиев, еще не выучивший русского языка, оказалось, что он может говорить с частью учеников на кумыкском (Услар, 1870, 19). Между тем свой «кавказско-татарский язык» Т.Н. Макаров конструировал в значительной степени именно на основе речи кумыков (Макаров, 1848, IV).

Наконец, важно понимать, что воображаемое пространство Кавказа и обитающие там фантастические народы – или псевдоэтнوسы – совершенно не обязаны обретать негативную коннотацию. В этом отношении наиболее показателен пример донских казаков, в среде которых как минимум с XVIII в. встречаются представления о своем кавказском происхождении. Широко известно свидетельство А.И. Ригельмана, согласно которому донские казаки XVIII в. считали, будто бы происходят «от неких вольных людей, а более от Черкес и Горских народов» (Ригельман, 1846, 3). Обратим внимание, что здесь мы снова сталкиваемся не с каким-то конкретным народом Кавказа в качестве мифического прародителя, но с их совокупностью, т. е. фактически с все тем же псевдоэтносом кавказцев.

В этом отношении особенно показательна статья донского генерала и историка-любителя И.С. Ульянова «Старина Донских казаков», рукопись которой хранится в ГАРО и относится к началу 1870-ых гг. (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 333–368об). В ней автор последовательно защищает версию о кавказском следе в происхождении казаков: в рамках его гипотезы, хотя первоначально казаки были выходцами из Рязанского княжества, они затем бежали от монгольского ига на Кавказ, где смешались с черкесами/черкасами (И.С. Ульянов использовал оба написания данного этнонима), и только затем переселились на Дон (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 333–353). И.С. Ульянов утверждал, что «крепко держалось всегда между казаками мнение о их кавказском происхождении» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 342об). Писал генерал и о том, что будто бы «донцы в обличье своем сохранили смешанные черты европейские с азиатскими, но черты по преимуществу правильные, напоминающие племя кавказское» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 341об–342). Как мы видим, здесь происхождение казаков связывается с территорией Кавказа и с общекавказским антропологическим типом – но не с каким-либо конкретным кавказским народом.

В других местах И.С. Ульянов все же соотносит предков казаков с конкретным народом, с упомянутыми выше черкесами, однако едва ли эти черкесы имеют что-то общее со своим реальным прообразом. Генерал описывает черкес почти исключительно по не слишком надежным описаниям старинных путешественников, прежде всего, приводя цитату из С. Герберштейна: «По свидетельству русских, они христиане, управляются своими законами, в исповедании и обрядах сходствуют с греками,

богослужение отправляют на языке славянском, на нем же и говорят. Они самые смелые пираты: на кораблях спускаются в море по течению рек, берущих начало из их гор, и грабят кого только могут, преимущественно же тех, которые ездят из Кафы в Константинополь» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 343об). Таким образом, мифические черкесы-предки казаков оказываются не только православным, но и славяноязычным народом! Достаточно логично, что именно этих смелых, территориально близких к территории Войска Донского и во многом похожих на казаков воинов И.С. Ульянов видел предками донского казачества, даже задаваясь вопросом: «Есть ли хоть на волос разница между этими черкасами и азовско-донскими казаками?» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 343об–344). Напротив, разницу между донскими казаками и «русскими людьми» И.С. Ульянов описывал очень четко: она заключалась в том, что самые ранние казаки были именно морскими разбойниками, каковое занятие никогда не было свойственно никаким другим группам русских (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 342–342об).

В итоге у И.С. Ульянова мы сталкиваемся с уже знакомым нам обобщенным образом кавказца, для которого типичны в том числе разбой и грабеж: «Неудержимое удалство, отвага, грабеж, резня с кем бы то ни было составляли доблесть кавказского человека» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 345). Однако в данном случае эти качества, как видно из приведенной цитаты, оказываются неразрывно связаны с воинской смелостью и направлены на благо, а не на зло: «Донцы высоко держали знамя защитников своей древней отчины и православной веры, гибли без счету и честно исполнили добровольно принятую на себя миссию» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 346). И, в конечном счете, именно кавказцы оказываются основой донского казачества, вдохновителями для вступающих в его состав людей иного происхождения в первое время существования Донского Войска: «Кавказские выходцы были у первых казаков живыми летописями, передавшими новым сподвижникам своим в чарующей устной речи повесть о черноморских набегах, о битвах с кораблями настоящих бусурман, турок, о добыче...» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 353).

Итак, мы имеем дело с достаточно интересным и оригинальным этногенетическим мифом. В его рамках постулируется существование в прошлом некоей группы черкес, которые, с одной стороны, обладали общим для всех народов Кавказа антропологическим типом и характерным именно для «кавказских людей» сочетанием храбрости, жесткости и склонности к грабежам. С другой стороны, эта группа черкес имела изначально славянское (рязанское) происхождение и, даже смешавшись с настоящими черкесами, переняв их обычаи и этноним, эти черкесы («рязанцы-черкесы» по терминологии И.С. Ульянова (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 345) сохранили православную веру и славянский язык, а свои воинственность и жестокость сумели обратить на благо, поставив их на службу России и православной веры. Вполне понятно, что в реальности подобной этнографической группы среди черкес никогда не существовало, но как раз сравнительная неизученность кавказской этнографии создала предпосылки для того, чтобы И.С. Ульянов объяснил, как ему казалось, вполне логично, загадку происхождения донского казачества существованием народа, который мы бы охарактеризовали как православных славянских кавказцев. И этот народ в рамках разбираемого этногенетического мифа не просто не имел негативных коннотаций – напротив, он выступал в качестве легендарного предка этнической группы самого автора.

Обсуждение результатов

Проведённый историко-социологический анализ демонстрирует, что феномен псевдоэтноса «кавказцев» есть результат длительного процесса социального конструирования, в котором участвовали разнообразные акторы, руководствуясь как когнитивными, так и практическими соображениями. Это не «заблуждение», а социально обусловленная форма производства знания, облегчающая взаимодействие со сложной реальностью, но одновременно и упрощающая, а зачастую и искажающая её.

Научная новизна работы заключается в последовательном применении инструментария социологии знания и концепции социального конструирования реальности к историческому материалу, что позволило перевести анализ с уровня идеологических содержаний на уровень социальных механизмов производства и воспроизводства этнических категорий.

Практическая значимость для социологии заключается в том, что исследование:

Предлагает модель для анализа современных процессов категоризации мигрантов, региональных групп и иных сложно дифференцируемых социальных общностей.

Подчёркивает важность изучения не только идеологических, но и рутинных, утилитарных, административных практик в формировании образов Другого.

Указывает на глубокую историческую укоренённость многих современных этнических стереотипов и социальных границ, что необходимо учитывать в программах, направленных на укрепление межнационального согласия.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный дискурс-анализ современных медиа, образовательных текстов и официальных документов для выявления того, как исторически унаследованные категории и механизмы их конструирования репродуцируются или трансформируются в современном российском социуме.

Разобранные нами три случая конструирования воображаемой географии Кавказа, на первый взгляд, имеют не так много общего между собой. Тем не менее, их достаточно, чтобы прийти к 3 выводам:

1) Кавказ как минимум до середины XIX в. оставался своеобразной *terra incognita* российской этнографии. Если Поволжье и даже Сибирь были относительно исследованы в этнографическом отношении уже к концу XVIII в., то о народах Кавказа тогда даже в научной литературе бытовали достаточно фантастические представления. Даже в середине XIX в. не было профессиональных преподавателей языков Северного Кавказа, и в их роли выступали носители языка и переводчики-практики. Это делало именно Кавказ, с его этнографическим богатством, идеальным локусом для того, чтобы воображаемая география подменяла реальную и в текстах о Кавказе возникали псевдоэтносы, а реальные этносы наделялись фантастическими качествами.

Созданные в это время тексты интересны еще и тем, что демонстрируют подлежащие реконструкции модели того, как их авторы интерпретировали и адаптировали недостаточную информацию о Кавказе, чтобы затем работать с ней в научных и практических целях. Как мы увидим далее, как минимум некоторые из подобных моделей применяются и в наши дни в среде людей, не обладающих глубокими знаниями о Кавказе. Таким образом, ранние русскоязычные тексты о народах Кавказа

имеют не только исторический и культурный, но и социологический интерес: они демонстрируют, как может работать конструирование воображаемой географии полиэтничного региона в условиях недостаточности сведений о нем.

2) Три подробно разобранных нами случая воображаемой географии Кавказа существенно отличаются друг от друга и не сводимы к ориентализму Э. Саида. Для И.Г. Георги Кавказ вообще не являлся полноценной частью мусульманского Востока: напротив, в его интерпретации кавказцы не были настоящими мусульманами и сохраняли элементы христианства и язычества. Кавказ оказывался особым пространством, отличным от Востока и наделенным собственными качествами: формально христианские и мусульманские народы, проживающие на его территории, казались И.Г. Георги близкими друг к другу, а не к остальному христианскому и мусульманскому миру. Т.Н. Макаров исходил из колониальных идей и желал, чтобы Россия завладела Кавказом, однако методы он избрал диаметрально противоположные ориентализму, описанному Э. Саидом. Т.Н. Макаров желал не просто подчинить Кавказ России, но вообще уничтожить его как особое пространство, ассимилировав местные народы. Соответственно, вместо подчинения через заведомо колониальное описание восточных народов, Т.Н. Макаровым предлагалась своеобразная ассимиляция через не-описание: даже языки народов Кавказа в рамках подобной модели оказывались недостойными полноценного изучения, так как их ожидало поглощение русским языком, и для изучения лингвистики народов Кавказа объявлялось достаточным временно, до поглощения этих языков, создать в инструменталистских целях администрирования эрзац, универсальный «кавказский язык», понятный любому кавказцу. Наконец, случай И.С. Ульянова проще и интереснее всего, и принципиально не укладывается не только в концепцию ориентализма Э. Саида, но и в представление о том, что все русские описания Кавказа носят колониальный характер. У И.С. Ульянова кавказцы оказываются мифическими предками его этнической группы, казаков, наделенными идеализированными, а не негативизированными качествами.

Разумеется, из рассмотренных нами примеров совершенно не следует, что среди вариантов воображаемой географии Кавказа, встречающейся в русскоязычных текстах, в принципе нет работ, порожденных ориентализмом в том значении, которое придавал этому термину Э. Саид. Тем не менее, приведенных нами примеров достаточно, чтобы однозначно сказать: в конце XVIII–XIX вв. воображаемая география Кавказа могла конструироваться русскоязычными авторами на основе идей, никак с ориентализмом не связанных. Более того, существовали различные, альтернативные друг другу представления о воображаемой географии Кавказа, и их не следует упрощать, сводя к основанным на какой-либо единой концепции, какой бы она ни была. Следовательно, именно изучение представлений о Кавказе отдельных авторов, без попыток заранее вписать эти представления в какую-либо концепцию, зато с пониманием, что они могут противоречить друг другу, представляется нам наиболее эвристически продуктивным способом исследовать воображаемую географию данного региона.

3) Наконец, при всех различиях, разобранные нами случаи воображаемой географии Кавказа объединяет один важный нюанс. И И.Г. Георги, и Т.Н. Макаров, и И.С. Ульянов в той или иной степени объединяли народы Кавказа в псевдоэтнос кавказцев. Антропологический тип и черты характера (у И.Г. Георги и И.С. Ульянова), религия (у И.Г.

Георги), язык (у Т.Н. Макарова) народов Кавказа сливались в одну более или менее недифференцируемую массу. И, как мы показали, это было достаточно естественной реакцией для авторов, во-первых, недостаточно знающих кавказские реалии, а во-вторых, сравнивающих народы Кавказа не друг с другом, а со «своими» (с русскими и, возможно, у И.Г. Георги, с немцами). Таким образом, псевдоэтнос кавказцев не обязательно связан с некими ксенофобскими или колониальными коннотациями: он может представлять собой естественную реакцию человека, столкнувшегося со сложностью этнической географии Кавказа, но неспособного выделить на этой карте отдельные народы, отличить их друг от друга. В этом случае вполне логично, что неотличимые друг от друга для подобного наблюдателя кавказские народы будут де-факто восприниматься им как псевдоэтнос кавказцев.

И это приводит нас к выводу, что объединение отдельных народов Кавказа в такой псевдоэтнос представляет собой одну из универсальных моделей интерпретации воображаемой географии данного региона, регулярно предлагавшейся различными авторами независимо друг от друга (в частности, И.Г. Георги, Т.Н. Макаров, И.С. Ульянов тоже пришли к ней независимо). Более того, в истории, в отличие от этнографии, псевдоэтнос кавказцев фактически легитимизован, по крайней мере, при описании событий XIX в.: не только авторы того времени, но и современные историки используют в качестве нормализованного псевдоэтноним «горец», под которым понимается представитель любого народа Северного Кавказа³. И, следовательно, псевдоэтнос кавказцев («лиц кавказской национальности») не представляет собой специфического для постсоветских времен феномена, но регулярно возникал и возникает в создаваемой русскоязычными авторами воображаемой географии Кавказа как минимум с XVIII в. Следовательно, воображаемая география Кавказа нередко оказывается подчинена не каким-либо философским или идеологическим конструктам, но «конструкту наивного сознания, возникшему в результате ошибочной этнической классификации», представлению о настолько близком сходстве кавказских народов, что все они или какая-то их часть начинают де-факто восприниматься в качестве псевдоэтнуса кавказцев, которому приписывается сходство в важнейших чертах.

В заключение мы бы хотели поделиться несколькими мыслями о том, что сделанные нами выводы обозначают не в историческом, а в современном контексте. Из них следует, что существование псевдоэтнуса кавказцев в наивной этнической картине мира по крайней мере части людей русской культуры неизбежно: эти люди так или иначе знают о Кавказе и контактируют с выходцами с Кавказа в рамках своих социальных практик, однако реальная дифференциация представителей различных кавказских этносов для них затруднительна. Здесь уместно упомянуть, что в 2024 г. группой молодых исследователей под руководством В.Е. Бубук и М.М. Полетаевой проводилось глубинное исследование ассоциаций студентов-социологов ИСИР ЮФУ 1 курса, которое показало, что в представлениях большинства этих студентов существует некий обобщающий образ кавказца вообще, не предполагающий дифференциации на отдельные народы (материалы исследования готовятся к печати).

³ См., например, Урушадзе А.Т. «Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель» (Урушадзе, 2020, 127–151).

Следовательно, псевдоэтнос кавказцев неизбежно будет существовать в воображаемой географии и далее. И это делает принципиально важным вопрос о том, как в современном российском обществе воспринимают не только представителей отдельных кавказских народов, но и кавказцев в целом, как общность, безусловно существующую как минимум в части наивных этнических картин мира. От этого восприятия зависят потенциальные конфликты и линии разрыва в российском обществе – а исследования этого восприятия выглядят чрезвычайно перспективными.

Литература

- Артинский, И.П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии / И.П. Артинский. – Новочеркасск: Обл. В.Д. тип., 1907. – 469 с.
- Бекоева, Т.А.* Полемика между Кази Атажукиным и Тимофеем Макаровым по поводу введения письменности в Кабарде / Т.А. Бекоева, А.Г. Кудзаева // Известия СОИГСИ. – 2014. – № 14 (53). – С. 3–8. – EDN THEEJB.
- Бобровников, В.О.* Воображаемая география мусульман колониального Востока: понятия, подходы, проблемы / В.О. Бобровников // Новое прошлое/The new past. – 2018. – № 1. – С. 223–235. – <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-1-223-235> – EDN XMROZV.
- Визиров, А.-Х.* Учебник татарско-адербейджанского наречия, составленный учителем Отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии мирзою Абу-ль-Хасан-Беком Визировым / А.-Х. Визиров. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1861. – 207 с.
- Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: НЛО, 2003. – 560 с.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской области.
- Георги, И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. II / И.Г. Георги. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1799. – 178 с.
- Гинзбург, К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Гинзбург К. // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. – М.: Новое издательство, 2004. – С. 287–320.
- Грищенко, А.И.* Лексическое значение этнонима – семантическое уравнение с двумя неизвестными / А.И. Грищенко // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / Сост. В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова и др. – М.: РУДН, 2011. – С. 437–443. – EDN TDLTQB.
- Лескинен, М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности / М.В. Лескинен. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
- Макаров, Т.Н.* Татарская грамматика кавказского наречия / Т.Н. Макаров. – Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1848. – 144 с.
- Перетяцько, А.Ю.* Аварская лингвистика в Новочеркасской гимназии 1850–1860-х гг.: опыт инкорпорации кавказских горцев в имперское культурное пространство / А.Ю. Перетяцько, Н.А. Трапш, О.И. Шафранова // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2021. – Т. 12, № 10(108). – <https://doi.org/10.18254/S207987840017116-6> – EDN JOCCSH.
- Ригельман, А.И.* История или повествование о Донских Казаках / А.И. Ригельман. – М.: О-во истории и древностей рос., 1846. – 165 с.

- Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А. Токарев. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 656 с.
- Урушадзе, А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801-1864 гг.): посредник, маргинал, предатель / А.Т. Урушадзе // Журнал фронтальных исследований. – 2020. – № 4. – С. 127–151. – <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251> – EDN BUOUJG.
- Услар, П.К. О распространении грамотности между горцами / П.К. Услар // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1870. – С. 1–30.
- Цибенко, В.В. Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции / В.В. Цибенко // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 130–144. – <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144> – EDN LGBRPA.
- Цибенко, В.В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа / В.В. Цибенко // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 1(77). – С. 69–77. – EDN SIUMDX.
- Щербинин, А.И. Славянский мир как политический конструкт / А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина // Русин. – 2015. – № 4(42). – С. 37–52. – <https://doi.org/10.17223/18572685/42/4> – EDN VFХКТВ.

References

- Artinsky I. P. Essays on the history of the Novocherkassk military gymnasium. *Novocherkassk: Oblastnaya tipografiya V.D. = Novocherkassk: Regional V. D. printing House*, 1907; 469 p. (In Russ.)
- Bekoeva T. A., Kudzayeva A. G. the controversy between Kazi Atazhukin and Timofey Makarov about the introduction of writing in Kabarda. *Izvestiya SOIGSI = Izvestiya SOIGSI*. 2014; 14 (53): 3-8. (In Russ.)
- Bobrovnikov V. O. imaginary geography of the Muslim colonial East: concepts, approaches, problems. *New past / The New past*. 2018; 1: 223-235. <https://doi.org/10.23683/2500-3224-2018-1-223-235>. (In Russ.)
- Vizirov A.-H. A textbook of the Tatar-Aderbeijan dialect, compiled by Mirza Abu'l-Hasan-Bek vizirov, a teacher of the Department of Oriental Languages at the Novocherkassk Gymnasium. The viziers. *Sankt-Peterburg: tipovoy. Imperskaya akademiya nauk = St. Petersburg; type. Imp. Academy of Sciences*, 1861; 207 p. (In Russ.)
- Wolf L. Inventing Eastern Europe: a Map of Civilization in the Consciousness of the Age of Enlightenment. *M.: UFO = M.: UFO*, 2003; 560 p. (In Russ.)
- Garo is the State Archive of the Rostov region. (In Russ.)
- Georgi I. G. Description of all the peoples living in the Russian state: their daily rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other assets. Part II. *Sankt-Peterburg: tipovoy. Imperskaya akademiya nauk = St. Petersburg; type. Imp. Academy of Sciences*, 1799; 178 p. (In Russ.)
- Ginzburg K. Microhistory: two or three things that I know about it / Ginzburg K. // myths– emblems– signs: morphology and history. *M.: Novoye izdatel'stvo = M.: New Publishing House*, 2004: 287-320.
- Grishchenko A. I. The lexical meaning of an ethnonym is a semantic equation with two unknowns. Functional semantics and semiotics of sign systems. Part I: collection of scientific articles; Comp. V. N. Denisenko, O. I. Valentinova et al. *M.: RUDN = Moscow: RUDN*, 2011: 437-443. (In Russ.)

- Leskinen M. V. Poles and Finns in Russian science of the second half of the 19th century: "the other" through the prism of identity. *M.: Indrik = M.: Indrik*, 2010; 368 p. (In Russ.)
- Makarov T.N. Tatar grammar of the Caucasian dialect. *Tiflis: tip. Kantseyariya gubernatora Kavkaza. = Tiflis: type. The Office of the Governor of the Caucasus*, 1848; 144 p. (In Russ.)
- Peretyatko A. Yu., Trapsh N. A., Shafranova O. I. Avar linguistics in the Novocherkassk Gymnasium of the 1850s and 1860s: the experience of the incorporation of Caucasian Mountaineers into the Imperial cultural space. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» = Electronic scientific and educational journal "History"*. 2021; 12; 10(108). <https://doi.org/10.18254/S207987840017116-6>. (In Russ.)
- Rigelman A. I. The story or narrative of the Don Cossacks. *M.: Ob istorii i drevnostyakh Rossii. = M.: About history and antiquities of Russia*, 1846; 165 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Russian History. *Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii = Moscow: Institute of Russian Civilization*, 2015; 656 p. (In Russ.)
- Urushadze A. T. Highlander in the Russian service during the Caucasian War (1801-1864): mediator, marginal, traitor. *Zhurnal issledovaniy novykh rubezhey = Journal of Frontier Studies*. 2020; 4: 127-151. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.251>. (In Russ.)
- Uslar P. K. on the spread of literacy among the highlanders. In collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. III. *Tiflis: Tip. Gl. upr. gubernatora Kavkaza = Tiflis: Tip. Gl. upr. of the Governor of the Caucasus*, 1870: 1-30. (In Russ.)
- Tsibenko V. V. Constructing an ideological discourse on imaginary geography in Turkey. *International analytics = Mezhdunarodnaya analitika*. 2022; 13; 3: 130-144. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-130-144>. (In Russ.)
- Tsibenko V. V. Between orientalism and orientology: scientific approaches to the study of the Caucasus. *Scientific thought of the Caucasus*. 2014; 1(77): 69-77. (In Russ.)
- Shcherbinin A. I., Shcherbinina N.G. The Slavic world as a political construct. *Rusin = Rusin*. 2015; 4(42): 37-52. <https://doi.org/10.17223/18572685/42/4>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 6.09.2025

Дата окончания рецензирования: 20.10.2025

Дата принятия к публикации: 26.10.2025

Информация об авторе

Перетятко Артём Юрьевич – кандидат исторических наук, Заведующий научной лабораторией, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: peretiatko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Peretyatko Artem Yuryevich – Candidate of Sciences in History, Head of Scientific Laboratory, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: peretiatko@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.3>

EDN KDQUZG

Функциональный мультикультурализм в средних городах России: на примере азербайджанской диаспоры в Ростове-на-Дону**Евгения М. Горюшина^{1,2}**

¹ Центр комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ),
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)

² Центр центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук (ИКСА РАН)

г. Москва, Россия

e-mail: egoryushina@hse.ru

Аннотация.

Введение. Статья рассматривает азербайджанскую диаспору в Ростове-на-Дону как кейс локализованного, или функционального мультикультурализма в средних российских городах. Актуальность связана с необходимостью описать, как институциональная адаптация, правовая дисциплина и культурная медиативность трансформируют постсоветские миграционные сообщества и поддерживают устойчивость городской и региональной идентичности, а также проверить применимость классических теорий мультикультурализма к условиям средних городов.

Методы. Эмпирическая база включает медиадискурс, официальные заявления и материалы Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов. Ростов-на-Дону выбран благодаря транзитно-торговой функции и сосуществованию развитых армянской и азербайджанской общин. В качестве метода применяются кейс-стади и событийный анализ траектории 2019–2025 годов с опорой на три теоретические рамки: мультикультурное гражданство У. Кимлики, диаспора как категория практики Р. Брубейкера и концепции социального капитала Д. Коулмана и Р. Патнэма.

Результаты. Показан переход от доминирования неформальной экономики к институционально оформленной логистике (инцидент на рынке «Аксай», запуск «АгроМолла»), а также трансформация социального капитала от преимущественно «связывающего» к «перекрестному». Выявлена нишевая комплементарность армянской и азербайджанской общин, где культурно-образовательная и экономико-логистическая специализация сочетается с практиками символической деконфликтности и регулярными межкультурными фестивалями, закрепляющими норму совместного присутствия.

Формируется ростовская модель функционального мультикультурализма, в рамках которой этнические общины включены в городскую повседневность через согласованные правовые, экономические и культурные режимы. Такая конфигурация снижает транзакционные издержки взаимодействия, десегментирует этничность как мобилизационную категорию и усиливает устойчивость городской идентичности. Сделан вывод о потенциале данной модели для сравнительного анализа с другими

региональными центрами России и для разработки практик управления разнообразием в условиях постсоветских городов.

Ключевые слова: азербайджанская диаспора; Ростов-на-Дону; локализованный мультикультурализм; институциональная адаптация; социальный капитал; межэтническое взаимодействие.

Для цитирования: Горюшина Е. М. (2025). Функциональный мультикультурализм в средних городах России: на примере азербайджанской диаспоры в Ростове-на-Дону. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С.50-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.3>.

Functional multiculturalism in the middle cities of Russia: on the example of the Azerbaijani Diaspora in Rostov-on-Don

Evgeniya M. Goryushina^{1,2}

¹Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS),
National Research University Higher School of Economics (HSE University)

² Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy
of Sciences (ICCA RAS)

Moscow, Russia

e-mail: egoryushina@hse.ru

Abstract.

Introduction. The article examines the Azerbaijani diaspora in Rostov-on-Don as a case of localized, or functional, multiculturalism in mid-sized Russian cities. The relevance of the study stems from the need to describe how institutional adaptation, legal discipline and cultural mediation transform post-Soviet migrant communities and sustain urban and regional identity, as well as to test the applicability of classical theories of multiculturalism to the context of medium-sized cities.

Methods. The empirical basis comprises media discourse, official statements and materials from the All-Russian Population Censuses of 2010 and 2020. Rostov-on-Don is selected due to its transit-commercial functions and the coexistence of consolidated Armenian and Azerbaijani communities. Methodologically, the study relies on a case-study design and event-centred analysis of the 2019–2025 trajectory, framed by three theoretical approaches: Will Kymlicka’s concept of multicultural citizenship, Rogers Brubaker’s “diaspora as a category of practice” and the social capital theories of James Coleman and Robert Putnam.

Results. The article demonstrates a shift from a predominantly informal economy to institutionally regulated logistics (the Aksay market incident, the launch of the AgroMall), as well as a transformation of social capital from primarily bonding to more pronounced bridging forms. It identifies a niche complementarity between the Armenian and Azerbaijani communities, in which cultural-educational and economic-logistical specializations are combined with practices of symbolic deconflictualization and recurrent intercultural festivals that entrench a norm of shared public presence.

The analysis points to the emergence of a Rostov model of functional multiculturalism, in which ethnic communities are embedded in urban everyday life through coordinated legal, economic and cultural regimes. This configuration lowers the transaction costs of interaction, desegments ethnicity as a mobilizational category and strengthens the resilience of urban identity. The article concludes by arguing that this model has significant potential for comparative analysis with other regional centres in Russia and for developing diversity governance practices in post-Soviet urban settings.

Keywords: Azerbaijani diaspora; Rostov-on-Don; localized multiculturalism; institutional adaptation; social capital; interethnic relations.

For citation: Goryushina E. M. (2025). Functional multiculturalism in the middle cities of Russia: on the example of the Azerbaijani Diaspora in Rostov-on-Don. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 50-59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.3>.

Введение

Постсоветская миграция из Азербайджана в Россию остается одним из наиболее масштабных и устойчивых трансграничных процессов на пространстве СНГ. Азербайджанцы входят в число значимых этнических сообществ Российской Федерации, однако характер интеграции заметно меняется в зависимости от урбанистического масштаба. Для Москвы и Санкт-Петербурга более типичны усиление социальной стратификации, индивидуализация и ослабление горизонтальных сетей. Средние города, включая Ростов-на-Дону, демонстрируют противоположную логику: плотные локальные связи, «включенная» институциональная интеграция и постоянное взаимодействие с муниципальными структурами и локальными рынками труда. В исследованиях городской и региональной динамики такой тип среды описывается как локализованный мультикультурализм – устойчивая конфигурация повседневных взаимодействий, встроенная в местные институты (Nefedova, 2023; Karachurina et al., 2022).

Актуальность темы задается тремя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, именно в средних городах формируются устойчивые режимы локализованного мультикультурализма через согласование практик, норм и ожиданий между этническими общинами и принимающими институтами. Переход от неформальной розницы к правовой дисциплине и культурной медиативности в Ростове-на-Дону подтверждается хронологией 2019–2025 годов. Это выражено в форме правовой коррекции торговли после инцидента на рынке «Аксай». Во-вторых, демографическая динамика по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года и Всероссийской переписи населения 2020 года фиксирует разнонаправленные тренды, что формирует контекст междиаспорной асимметрии ролей и ресурсов. В Ростовской области наблюдается сокращение численности армян и одновременная устойчивость, либо умеренный рост численности азербайджанцев (Росстат, 2012; Ростовстат, 2022).

В-третьих, возникает необходимость проверки применимости к условиям средних городов трех теоретических рамок – мультикультурного гражданства (Kumlicka, 1995), диаспоры как категории практики (Brubaker, 2005) и социального капитала (Coleman, 1988; Putnam, 2000) – с учетом функциональной комплементарности ролей общин (культурно-образовательной и экономико-логистической), которая стабилизирует межэтнические отношения.

Методы

Выбор Ростова-на-Дону в качестве эмпирического кейса обусловлен южной географией и транзитно-торговой ролью города, близостью к Кавказу и давними межрегиональными связями, а также сосуществованием развитых армянской и азербайджанской общин. В качестве демографического фона для самого города необходимо обращение к данным Всероссийской переписи населения 2010 года. К тому периоду в Ростове-на-Дону проживали 41 553 армянина (около 3,4 %) и 6 739 азербайджанцев (около 0,6 %). Для сравнения: по данным Всероссийской переписи населения 2020 года — 26 675 армян (около 2,62 %) и 3 801 азербайджанец (около 0,37 %). Эти значения приводятся в таблицах по национальному составу, опубликованных территориальным органом Росстата по Ростовской области (Росстат, 2012; Ростовстат, 2022). Такая конфигурация создает в буквальном смысле «лабораторные» условия наблюдения, где механизмы институциональной адаптации, правовой дисциплины и культурной репрезентации доступны для анализа без сглаживающего эффекта федеральных мегаструктур.

Теоретико-методологическая рамка сочетает три подхода. Концепция мультикультурного гражданства у Уилла Кимлики трактуется как механизм согласования индивидуальных и групповых прав в либеральном государстве (Kymlicka, 1995); в ростовском контексте это проявляется как функциональный мультикультурализм, в рамках которого диаспоры занимают взаимодополняющие ниши – культурно-образовательную (армянская община) и экономико-логистическую (азербайджанская), что повышает устойчивость городской системы. Идея согласования различий через институциональные практики корреспондирует с работами Стивена Вертовека по мультикультурным режимам и транснационализму (Vertovec, 2010). Концепция диаспоры как категории практики у Роджера Брубейкера акцентирует динамичную артикуляцию идентичности через действия и публичные репрезентации (Brubaker, 2005). В рассматриваемом кейсе это выражается в последовательности правовой легализации, репутационного выстраивания и символической дипломатии. Теория социального капитала в редакции Джеймса Коулмана и Роберта Патнэма позволяет описать трансформацию доверия, которая реализуется от земляческих сетей к профессионально-репутационным и правовым механизмам включения, а в терминах Патнэма — движение от преимущественно «bonding» к более выраженному «bridging capital» (Coleman, 1988; Putnam, 2000).

Цель исследования состоит в выявлении механизмов институциональной и культурной адаптации азербайджанской диаспоры в Ростове-на-Дону в 2019–2025 годах и в концептуализации ростовской модели локализованного (функционального) мультикультурализма как результата согласования правовой дисциплины, экономической институционализации и культурной медиативности. Для достижения цели сопоставляются ключевые событийные узлы 2019, 2021 и 2025 годов, официальный и медиадискурс, а также демографические ряды по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года и Всероссийской переписи населения 2020 года (Росстат, 2012; Ростовстат, 2022) с теоретическими рамками, предложенными Уиллом Кимликой, Роджером Брубейкером, Джеймсом Коулманом и Робертом Патнэмом.

Результаты

Эволюция азербайджанской диаспоры Ростова-на-Дону в 2019–2025 гг. демонстрирует переход от фазы неформальной экономики к институциональной интеграции. Инцидент на рынке «Аксай» (январь 2019 г.) стал рубежным моментом, зафиксировав предел автономии неформальных практик и запустив легализацию предпринимательства (Посольство Азербайджана в РФ, 15.01.2019). Почти одновременно представители диаспоры публично заявили о неприятии провокаций и приоритете правового поведения (АзерТАдж, 11.01.2019). Эти шаги задали рамку дисциплины и коллективной ответственности и в терминах социальной теории соответствуют усилению «связывающего» капитала – внутригруппового доверия и саморегуляции (Putnam, 2000).

В 2021 г. начались структурные изменения в экономике общины. Запуск оптово-распределительного комплекса «Агро Молл» (хутор Ленина, ул. Гейдара Алиева, 1) стал символом институциональной модернизации – перехода от «аксайской» розницы к регулируемой логистике с новыми правилами доступа к инфраструктуре, прозрачными арендными политиками и технологической интеграцией поставок (161.ru, 08.11.2021). Возникшие в 2021 г. споры вокруг тарифов и арендных ставок (ФедералПресс, 30.04.2021; АиФ Ростов, 11.2021) показали конфликт привычных механизмов земляческого самоуправления с формальными регламентами рынка, однако закрепили неизбежность игры по институциональным правилам и перевели часть внутриобщинных практик в правовую плоскость.

Демографическая картина ростовской агломерации на протяжении 2010–2020-х гг. поддерживает асимметричную, но устойчивую конфигурацию. По переписи 2010 г. в Ростове-на-Дону армяне составили 3,4 % (41 553 человека), азербайджанцы – 0,6 % (6 739 человек); в примыкающем Мясниковском районе доля армян достигала 56,1 %, формируя институционально укорененный «центр тяжести» армянской инфраструктуры. По переписи 2020 г. в самом Ростове-на-Дону доля армян составила 2,62 % (26 675 человек), азербайджанцев – 0,37 % (3 801 человек), что свидетельствует о сохранении значимой, но дифференцированной представленности обеих общин (Росстат, 2012; Ростовстат, 2022).

На этой основе в городской повседневности воспроизводится комплементарность ролей. В частности, армянская инфраструктура концентрирует культурно-образовательные и коммеморативные форматы (вузовские проекты, музейные и памятные инициативы), тогда как азербайджанская община укрепляет предпринимательские и логистические практики, поддерживая их публичными городскими мероприятиями. В 2019–2020 гг. усилился «связывающий» капитал – внутренняя дисциплина и правовые практики ответственности после аксайского эпизода, а в 2021–2025 гг. к нему добавился «перекрестный» капитал – включение в городские сети, партнерство с институциями и регулярное участие в публичных форматах. Таким образом, траектория не отрицает раннюю консолидацию, а надстраивает поверх нее более широкие горизонтальные связи.

На фоне эскалации в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. обе диаспоры в регионе предприняли публичные усилия по предотвращению переноса конфликта на городское пространство. Медиа фиксировали заявления о недопустимости столкновений и приверженности правовым рамкам (Новые Известия, 29.09.2020; Интерфакс, 28.09.2020). Такой тип публичной позиции можно рассматривать как практику символической деконфликтности, когда самоидентификация артикулируется через социальное действие – отказ от конфронтации и выбор нейтральной публичной рамки, – что согласуется с подходом Р. Брубейкера к «диаспоре как категории практики».

С 2020 г. складывается узнаваемая «ноябрьская» сцена межкультурных мероприятий, поддерживающая предсказуемые точки контакта общин. Опорную роль играет фестиваль «Народов Дона дружная семья», дополняемый детскими и молодежными смотрами фольклора, выставочно-ярмарочными днями национальных кухонь и ремесел, а также циклами Дней национальных культур на университетских и региональных площадках. В этих программах стабильно присутствуют армянские и азербайджанские коллективы; общее администрирование культурной повестки и участие муниципальных операторов придают событиям регулярность, а городской медиасегмент закрепляет их в публичной памяти (ДОН-24, 07.11.2023; BezFormata, 03.11.2023). В совокупности эти форматы работают как мягкий протокол взаимного узнавания и как механизм поддержания визуальной нормы совместного присутствия, уменьшая потребность в острых политических сигналах.

Брендинговым кейсом азербайджанской стороны служит «Праздник граната». Фестиваль стартовал в Ростове-на-Дону в 2018 г., к 2022 г. медиа фиксировали его проведение и репертуарную наполненность, а в 2024 г. выходили открытые анонсы для горожан (Наше время, 29.11.2018; Дон-ТР, 09.11.2022; Наше время, 27.10.2024). Этот формат выступает как низовая дипломатия повседневности, поскольку он культурно легитимирует присутствие общины и расширяет ее видимость за пределы торгово-логистической ниши, одновременно предоставляя дружественную и неконфликтную точку встречи для других этнокультурных групп.

С армянской стороны устойчивость публичного присутствия обеспечивается разветвленной инфраструктурой Нахичеванской-на-Дону общины и ее медиальным следом. Такие регулярно публикуемые источники, как архивы номеров, анонсы и отчеты демонстрируют постоянство культурных и коммеморативных программ, участие

творческих коллективов, институционализированное взаимодействие с городскими площадками и образовательными учреждениями. В устойчивый репертуар входят памятные даты, чествования локальных героев и спортивных коллективов, образовательные и музейные инициативы. Через сетевое сотрудничество с домами культуры, университетами и муниципальными операторами эта линия стабильно интегрируется в общегородской календарь (npao.ru, раздел «Архив номеров»; материалы 2023–2025; ЮФУ: старт Дней армянской культуры, 18.02.2021).

Важным примером публичной сцены, где пересекаются институции и общины, стал Международный фестиваль этнических свадеб 11 октября 2025 г. в Городском доме творчества, на котором региональная азербайджанская автономия представила свадебный обряд. Организаторы артикулировали цель как укрепление межкультурных связей и обмен практиками репрезентации традиций (ФНКА АзерРос, 20.10.2025). Подобные форматы служат маркерами закрепления предсказуемой публичной рамки, переводя чувствительные внешнеполитические контексты в безопасные для города формы культурной репрезентации.

Обобщая, после 2020 г. регулярное взаимодействие диаспор держится на трех взаимодополняющих основаниях.

Во-первых, на календарной повторяемости крупных межнациональных фестивалей и сопутствующих им тематических линиях (фольклор, кухня, ремесла, университетские Дни культур), которые формируют у общин и горожан устойчивые ожидания совместного присутствия (ДОН-24, 07.11.2023).

Во-вторых, на нишевой комплементарности, где азербайджанские гастрономическо-фольклорные и предпринимательско-логистические форматы дополняют армянскую институциональную культурную линию, не конкурируя за одну и ту же публичную сцену и тем самым уплотняя социальный капитал.

В-третьих, на организаторской инфраструктуре (Областной дом народного творчества, местные дома культуры, университетские площадки, региональные медиа), обеспечивающей процедурную предсказуемость и тиражирование удачных решений; суммарно это поддерживает визуальную норму совместного присутствия и снижает риск политизации этничности в повседневности.

Летние сигналы охлаждения в российско-азербайджанских отношениях 2025 г. придали культурным инициативам дополнительный политико-символический смысл. Публичные выступления диаспоры в таких форматах выполняли функцию мягкой символической дипломатии – снижали вероятность интерпретаций, способных конвертировать внешнеполитические раздражители в локальную напряженность. В этой логике «десегментация идентичности» проявляется как перевод этничности из мобилизационной категории в ресурс межкультурного диалога и городской рутины.

Заключение

Таким образом, ростовская модель мультикультурализма характеризуется высокой степенью включенности этнических сообществ в городскую жизнь при сохранении их самоидентичности. Согласованные действия диаспор и местных властей, регулярное участие в образовательных и культурных программах и работа муниципальной инфраструктуры формируют структуру «локализованного мультикультурализма» – практики, в которой разнообразие становится ресурсом региональной устойчивости и управляемой публичной повседневности.

С 2019 по 2025 гг. азербайджанская диаспора Ростова-на-Дону прошла путь от преобладания неформальных экономических практик к устойчивому институциональному участию и признанию в городской сцене.

Экономическая легализация и логистическая интеграция, междиаспорные практики сдерживания конфликтов и режим символической деконфликтности, а также

мягкая символическая дипломатия через повторяемые культурные форматы обеспечили переход от преимущественно внутриобщинного доверия к наращиванию перекрестных связей с городскими актерами.

Ростовский пример задает основу для сравнения с другими региональными центрами (Астрахань, Краснодар, Саратов), где наблюдаются схожие траектории локальной институционализации и адаптации постсоветских диаспор при сохранении демографической асимметрии и различной плотности инфраструктур. Такое сопоставление позволит выявить пределы устойчивости локализованного мультикультурализма и условия, при которых он превращается в долгосрочную норму совместного присутствия.

Литература

- Азербайджанская диаспора Ростова приглашает на «Праздник граната».* Общество // NVGAZETA.RU Газета Ростовской области. URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12376/634000/>
- Армянские и азербайджанские диаспоры обещают не провоцировать стычки в России.* Дарья Вознесенская // Портал Новые Известия. URL: <https://newizv.ru/news/2020-09-29/armyanskie-i-azerbaydzhanskie-diaspory-obeschayut-ne-provotsirovat-stychki-v-rossii-315937>
- Архив номеров за 2023 год* // Нахичеванская-на-Дону армянская община. URL: <https://nnao.ru/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B7%D0%B0-2023-%D0%B3%D0%BE%D0%B4/>
- Архив номеров за 2024 год* // Нахичеванская-на-Дону армянская община. URL: <https://nnao.ru/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B7%D0%B0-2024-%D0%B3%D0%BE%D0%B4/>
- Архив номеров за 2025 год* // Нахичеванская-на-Дону армянская община. URL: <https://nnao.ru/%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2-%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B7%D0%B0-2025-%D0%B3%D0%BE%D0%B4/>
- Brubaker, R.* The 'Diaspora' Diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. – 2005. – Vol. 28, № 1. – P. 1–19. – <https://doi.org/10.18522/10.1080/0141987042000289997>.
- Coleman, J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120. – <https://doi.org/10.18522/10.1086/228943>.
- В Ростове провели Нар-байрамы — праздник граната.* Культура и развлечения // Дон-ТР. URL: <https://dontr.ru/novosti/v-rostove-proveli-nar-bayramy-prazdnik-granata/>
- В связи с инцидентом на рынке «Аксай» в Ростове-на-Дону.* Новости // Официальный портал Посольства Азербайджанской Республики в РФ. URL: <https://moscow.mfa.gov.az/ru/news/v-svyazi-s-incidentom-na-rynke-aksai-v-rostove-na-donu>
- В ЮФУ дали старт Дням армянской культуры.* Пресс-центр ЮФУ // Официальный портал Южного федерального университета. URL: <https://sfedu.ru/press-center/news/64912>
- Vertovec, S.* Transnationalism. – L.: Routledge, 2010. URL: <https://www.routledge.com/Transnationalism/Vertovec/p/book/9780415432993>
- Глава азербайджанской диаспоры...* Новости // Интерфакс – Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/news/glava-azerbaydzhanskoj-diaspory-v-rostovskoy-oblasti-obeshchal-ne-dopustit-konfliktov-s-armyanami-na-fone-sobytiy-v-karabahe>
- Константиновск. Фестиваль «Народов Дона дружная семья».* Портал BezFormata. URL: <https://konstantinovsk.bezformata.com/listnews/narodov-dona-druzhnaya-semya/123616518/>

- Конфликт малого и среднего бизнеса: почему бастуют торговцы «Агро Молла».* Светлана Федоревская // Аргументы и факты (ROSTOV.AIF.RU). URL:https://rostov.aif.ru/money/price/konflikt_malogo_i_srednego_biznesa_pochemu_bastuyut_torgovcy_agromolla
- Конфликт малого и среднего бизнеса: почему бастуют торговцы «Агро Молла».* Мария Гридина // ФедералПресс. URL: <https://fedpress.ru/news/61/society/2730548>
- Kymlicka, W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. – Oxford: Oxford University Press, 1995. URL: <https://global.oup.com/academic/product/multicultural-citizenship-9780198290919>
- На Дону отметили праздник граната.* Культура // NVGAZETA.RU Газета Ростовской области. URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12381/612301/>
- На празднике граната.* Культура // NVGAZETA.RU Газета Ростовской области. URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12381/539352/>
- Народов Дона дружная семья.* Телеканал «Дон 24» // DON24.RU. URL: <https://don24.ru/rubric/obshchestvo/narodov-dona-druzhnaya-semya.html>
- Праздник граната: Фестиваль национальных традиций «Цвет настроения – красный».* Регионы на связи // ФНКА АзерПос. URL: <https://fnkaa.ru/festival-natsionalnyh-traditsij-tsvet-nastroeniya-krasnyj-prazdnik-granata/>
- Праздник граната.* Новости // NVGAZETA.RU Газета Ростовской области URL:<https://www.nvgazeta.ru/news/14488/539250/>
- Представители азербайджанской диаспоры Ростовской области выступили с обращением.* Общество // АзерТАдж. URL:https://azertag.az/ru/xeber/predstaviteli_azerbaidzhanskoi_diaspory_rostovskoi_oblasti_vystupili_s_obrashcheniem-1232517
- Putnam, R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – N.Y.: Simon & Schuster, 2000. URL: <https://www.simonandschuster.com/books/Bowling-Alone/Robert-D-Putnam/9780743203043>
- Рыба в мутной воде: как конфронтация с Азербайджаном скажется на Ростовской области.* Дарья Демидова // rostovgazeta.ru URL:<https://rostovgazeta.ru/news/2025-07-03/ryba-v-mutnoy-vode-kak-konfrontatsiya-s-azerbaydzhanom-skazhetsya-na-rostovskoy-oblasti-5427876>
- Там на улице Гейдара Алиева строится «Агро Молл».* 161.ru. URL: <https://161.ru/text/business/2021/11/08/70237058/>
- Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области (Ростовстат).* Всерос. перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками населения Ростовской области. – Ростов-н/Д, 2022. URL: <https://61.rosstat.gov.ru/folder/57001>
- Федеральная служба государственной статистики (Росстат).* Всерос. перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. – М., 2012. URL:<https://61.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том+4+Национальный+состав+и+владение+языками,+гражданство+%28Книга+1%29.pdf>
- Фестиваль этнических свадеб в Ростове объединил культуры...* Культурный центр // ФНКА АзерПос. URL: <https://fnkaa.ru/festival-etnicheskih-svadeb-v-rostove-obedinil-kultury-azerbajdzhanskaya-obshhina-predstavila-svoi-obychai/>

References

Agro Moll is being built on Heydar Aliyev Street = *Tam na ulitse Geydara Alieva stroitsya «Agro Moll».* 161.ru. 2021 Nov 8. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://161.ru/text/business/2021/11/08/70237058/> (In Russ.).

All-Russian Population Census 2010. Vol. 4. Ethnic composition and language proficiency, citizenship = *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010 goda. Tom 4...* Rosstat. Moscow; 2012. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://61.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom+4+...pdf> (In Russ.).

All-Russian Population Census 2020. Vol. 5. Ethnic composition... = *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2020 goda. Tom 5...* Rostovstat; 2022. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://61.rosstat.gov.ru/folder/57001> (In Russ.).

Armenian and Azerbaijani diasporas promise not to provoke clashes in Russia = *Armyanskie i azerbaydzhanskie diaspory...* *Voznesenskaya D.* *Novye Izvestiya.* 2020 Sep 29. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://newizv.ru/> (In Russ.).

At the Pomegranate Festival = *Na prazdnike granata.* NVGAZETA.RU. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://www.nvgazeta.ru/news/12381/539352/> (In Russ.).

Azerbaijani diaspora of Rostov invites to the "Pomegranate Festival" = *Azerbaydzhanskaya diaspora Rostova priglashaet na «Prazdnik granata».* NVGAZETA.RU. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://www.nvgazeta.ru/news/12376/634000/> (In Russ.).

Brubaker R. The 'Diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies.* 2005; 28(1):1-19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>

Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology.* 1988; 94:95-120. <https://doi.org/10.1086/228943>

Conflict of small and medium-sized businesses: why "Agro Moll" traders are protesting = *Konflikt malogo i srednego biznesa...* *Fedorevskaya S.* *Argumenty i Fakty.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://rostov.aif.ru/> (In Russ.).

Conflict of small and medium-sized businesses... = *Konflikt malogo i srednego biznesa...* *Gridina M.* *FederalPress.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://fedpress.ru/> (In Russ.).

Ethnic weddings festival in Rostov united cultures: Azerbaijani community presented its customs = *Festival etnicheskikh svadeb v Rostove...* FNKA AzerRos. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://fnkaa.ru/festival-etnicheskikh-svadeb> (In Russ.).

Fish in troubled waters: how confrontation with Azerbaijan will affect Rostov Oblast = *Ryba v mutnoy vode...* *Demidova D.* *Rostovgazeta.ru.* 2025 Jul 3. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://rostovgazeta.ru/news/> (In Russ.).

Head of the Azerbaijani diaspora in Rostov Oblast promised to prevent conflicts with Armenians... = *Glava azerbaydzhanskoy diaspory...* *Interfax-Russia.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://www.interfax-russia.ru/> (In Russ.).

Issues archive for 2023 = *Arkhiv nomerov za 2023 god.* *Nakhichevanskaya-na-Donu Armenian community.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://nnao.ru/> (In Russ.).

Issues archive for 2024 = *Arkhiv nomerov za 2024 god.* *Nakhichevanskaya-na-Donu Armenian community.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://nnao.ru/> (In Russ.).

Issues archive for 2025 = *Arkhiv nomerov za 2025 god.* *Nakhichevanskaya-na-Donu Armenian community.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://nnao.ru/> (In Russ.).

Konstantinovsk. Festival "Peoples of the Don Are One Friendly Family" = *Konstantinovsk. Festival «Narodov Dona druzhnaya semya».* *BezFormata.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://konstantinovsk.bezformata.com/> (In Russ.).

Kymlicka W. Multicultural citizenship: a liberal theory of minority rights. Oxford: Oxford University Press; 1995.

Nar Bayramy, the Pomegranate Festival, was held in Rostov-on-Don = *V Rostove proveli Nar-bayramy...* *Don-TR.* Accessed 31.10.2025. Available at: <https://dontr.ru/> (In Russ.).

Peoples of the Don are one friendly family = *Narodov Dona druzhnaya semya.* *Don 24.* Accessed 08.12.2025. Available at: <https://don24.ru/> (In Russ.).

Pomegranate Festival = *Prazdnik granata.* NVGAZETA.RU. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://www.nvgazeta.ru/news/14488/539250/> (In Russ.).

Pomegranate Festival celebrated in the Don region = *Na Donu otmetili prazdnik granata*. NVGAZETA.RU. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://www.nvgazeta.ru/news/12381/612301/> (In Russ.).

Pomegranate Festival: national traditions festival "The mood color is red" = *Prazdnik granata: festival natsionalnykh traditsiy...* FNKA AzerRos. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://fnkaa.ru/festival-natsionalnyh-traditsij> (In Russ.).

Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster; 2000.

Regarding the incident at the "Aksay" market in Rostov-on-Don = *V svyazi s intsidentom na rynke «Aksay»...* Embassy of Azerbaijan. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://moscow.mfa.gov.az/> (In Russ.).

Representatives of the Azerbaijani diaspora of Rostov Oblast issued an address = *Predstaviteli azerbaydzhanskoy diaspory...* AZERTAC. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://azertag.az/> (In Russ.).

SFedU launched the Days of Armenian Culture = *V YuFU dali start Dnyam armyanskoy kultury*. Southern Federal University. Accessed 08.12.2025. Available at: <https://sfedu.ru/> (In Russ.).

Vertovec S. Transnationalism. London: Routledge; 2010.

Дата получения рукописи: 30.10.2025

Дата окончания рецензирования: 22.11.2025

Дата принятия к публикации: 24.11.2025

Информация об авторе

Горюшина Евгения Михайловна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); руководитель сектора кавказских исследований – ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН), г. Москва, Россия; e-mail: egoryushina@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Goryushina Evgeniya Mikhailovna – Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University Higher School of Economics (HSE University); Head of the Caucasus Studies Section – Leading Research Fellow, Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), Moscow, Russia; e-mail: egoryushina@hse.ru

The author has no conflict of interest to declare

Научная статья

УДК 314.7

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.4>

EDN PBOJRA

**Факторы формирования этнической идентичности
армянской молодежи на юге России****Геворк Г. Григорян ¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: sunglass@list.ru

Аннотация

Введение. В данной статье рассмотрены основные факторы, которые определяют особенности этнического самосознания армянской молодежи на юге России, определены основы социальных и межэтнических отношений внутри общества. Исследовательскую базу составили социологические исследования, проведенные в ЮНЦ РАН, Институте социологии и регионоведения Южного федерального университета и Кубанском федеральном университете. Этническое самосознание – осознание человеком своей принадлежности к определённой этнической группе. Национальное самосознание – осознание принадлежности к нации как политико-культурному сообществу, включающему разные этносы. Этническая идентичность – совокупность представлений о принадлежности к этнической группе, включающая язык, традиции, культуру, память и самоназвание. Индикаторы этнической идентичности: язык, религия, традиции и обычаи, социальные институты, историческая память.

Методы. В данном исследовании были использованы конструктивистская методология и институциональный подход.

Результаты исследования. В результате исследования раскрыта роль факторов формирования этнической идентичности армянской молодежи на юге России, таких как: диаспора, религия, продолжительность проживания на территории России, национальный язык и национальные традиции, семейные ценности. Выявлено, что цель диаспоры – сохранение этнической идентичности, воспроизводство национальной культуры. Диаспора рассматривается как институциональный фактор формирования этнической идентичности, время проживания на территории как онтологический фактор, а язык и традиции как культурный фактор.

Ключевые слова: этническая идентичность; этническое самосознание; диаспора; армянская молодежь; Юг России.

Для цитирования: Григорян Г. Г. (2025). Факторы формирования этнической идентичности армянской молодежи на Юге России. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.4>

Factors of formation of ethnic identity of Armenian youth in the South of Russia

Gevorg G. Grigoryan ¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: sunglass@list.ru

Abstract.

Introduction. This article examines the main factors that determine the peculiarities of the ethnic identity of Armenian youth in the South of Russia, defines the foundations of social and interethnic relations within society. The research base consists of sociological studies conducted at the UNC RAS, the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University and the Kuban Federal University. Ethnic identity is a person's awareness of belonging to a particular ethnic group. National identity is the awareness of belonging to a nation as a political and cultural community that includes different ethnic groups. Ethnic identity is a set of ideas about belonging to an ethnic group, including language, traditions, culture, memory, and self—designation. Indicators of ethnic identity: language, religion, traditions and customs, social institutions, historical memory.

Methods. In this study, constructivist methodology and an institutional approach were used. The results of the study. As a result of the research, the role of factors in the formation of the ethnic identity of Armenian youth in the South of Russia is revealed, such as: diaspora, religion, length of residence in Russia, national language and national traditions, family values. It is revealed that the purpose of the diaspora is to preserve ethnic identity and reproduce national culture. The diaspora is considered as an institutional factor in the formation of ethnic identity, the time of residence in the territory as an ontological factor, and language and traditions as a cultural factor.

Keywords: ethnic identity; diaspora; Armenian youth; South of Russia.

For citation: Grigoryan G.G. (2025). Factors of formation of ethnic identity of Armenian youth in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 60-68. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.4>

Введение

В новых и быстро меняющихся геополитических условиях особое значение приобретает этническое самоопределение, воспроизводство идентичности своей культуры и традиций на территориях, отдаленных от исторической Родины, способность адаптироваться к условиям, не соответствующим прежним установкам. Формирование многоэтнической гражданской нации сегодня – сложная, но очень важная задача.

Люди из одной этнической группы, которые не проживают на территории своей исторической родины, создают диаспоры. Как пишут Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова, диаспора – это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая социальные институты для развития и функционирования данной общности (Тощенко, Чаптыкова 1996). Обязательным условием сохранения этнокультурной идентичности является общинность и адаптивность.

Армянская диаспора на юге России – одна из наиболее авторитетных, развитых и активных в политическом и культурном отношении. В Стратегии национальной безопасности Республики Армения говорится, что Республика Армения придает важное значение задаче сохранения армянства в диаспоре. Наличие организованной и

эффективно интегрированной в странах проживания диаспоры имеет важное значение с точки зрения повышения уровня международной интегрированности Армении. Диаспоральные структуры играют ключевую роль в сохранении языка, веры, традиций армянской культуры. Через культурные и религиозные центры, этнические СМИ и сеть родственных связей происходит воспроизводство идентичности.

Стратегия национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) направлена на сохранение и укрепление сотрудничества народов РФ, укрепление их духовной общности, создание социально-экономических и политических условий для обеспечения согласия на Северном Кавказе. Такой вектор развития способствует развитию культурных и политических отношений между РФ и диаспорами, которые находятся на ее территории.

Цель работы: выявить и проанализировать факторы воспроизводства этнической идентичности армянской молодежи на юге России. Предмет исследования – механизмы и условия сохранения и воспроизводства этнической идентичности данной социальной группы.

Анализ литературы

Этническое самосознание занимает ключевое место в формировании и поддержке диаспор, поскольку оно позволяет представителям этнической группы чувствовать свою принадлежность к культурному наследию, национальности, традициям, способствует формированию собственного отношения к стране исхода и стране проживания. Согласно Закону о молодежной политике в Краснодарском крае, армянская молодежь юга России проживает на территории с преимущественно русскоязычным населением, и основным направлением в молодежной политике является обеспечение межнационального согласия в молодежной среде (закон Краснодарского края от 04.03.1998 № 123-КЗ).

Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что за более чем двухсотлетний период проживания на территории России у представителей армянской диаспоры сложилась устойчивая российская идентичность. Однако благодаря наличию этнической солидарности, поддержке соотечественников, трансляции национальной культуры и этнокультурной самобытности, большинство молодых армян на юге России не испытывают чувства отчужденности. Как правило, сложность может заключаться только в синтезе и сочетании культур (культуры армянского народа и русского).

В.А. Тишков в своей работе «Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России» обратил внимание на состояние межэтнических отношений в молодежной среде на юге России, где студенческая молодежь в представлениях о родине балансирует между общероссийским и региональным самосознаниями. 56% ассоциируют родину со своим регионом и половина, 51% – со страной в целом (Тишков, Бараш, Степанов, 2017). Именно молодежь южной части России обращает внимание на важность этнической принадлежности в большей степени, нежели представители других регионов. Тишков делает вывод, что этническая и религиозная идентичность в молодежной среде стоит на втором месте после семейной и гражданской идентичности.

Л.М. Дробижева в своей статье, посвященной проблеме формирования интегрирующей идентичности в российском обществе, отмечает, что проблема российской идентичности заключается в ее конкурирующем отношении с этнической

идентичностью (Дробижева, 2020). При попытке определить концептуальные подходы к пониманию общероссийской гражданской общности, Л.М. Дробижева ссылается также на идеи В.А. Тишкова, который ввел понятие «нации-государства» как российской политической общности, основополагающую для национального государства. Однако, в такой интерпретации, пишет Л.М. Дробижева, российская идентичность должна рассматриваться как национальная, но в нашем сознании она доминирует, скорее, как этнокультурное понятие.

Такие подходы к пониманию этнокультурной идентичности демонстрируют сложность в едином понимании ее смыслового значения. Л.М. Дробижева отмечает, что этническая и гражданская идентичность сосуществуют в сознании людей и позволяют с помощью грамотного политического устройства и демократических норм поддерживать друг друга и сохранять этнокультурное разнообразие и этническое самосознание.

В отличие от этнической идентичности, этническое самосознание является более обширным понятием, поскольку охватывает такие понятия как культура, язык, религиозные и психологические факторы. Этническая идентичность, как подмечают эксперты, основана, в первую очередь, на общности происхождения, ценностей, традиций, преемственности поколений (Шахбанова, 2013). Л.М. Дробижева отмечала, что мы понимаем этническое самосознание не только как отнесение себя к другим по этническому признаку, но и как «образ мы», принимаем стереотипы, происхождение, общее историческое прошлое, культуру, а также «мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа» (Дробижева, 1991). Ю.В. Бромлей считает этническое самосознание обязательным условием существования этноса (Бромлей, 2008).

Результаты исследования

Группа экспертов из Института социологии и регионоведения ЮФУ провели социологическое исследование, посвященное роли армянской диаспоры и сохранению этнокультурной идентичности в донском регионе. В результате было выявлено, что семейная идентичность превосходит все другие идентичности. «По итогам опроса донских армян в 2021 г. выявлены ключевые маркеры идентичности: семья (79,4 %), армянский язык (54,5 %), армянская культура (38,8 %), национальная кухня (33,2 %), ДНК/кровь/генетика (31,8 %), христианское наследие и верование (30,7 %), гордость за армянскую историю (29,5 %) и тесные семейные и родственные связи (29,6 %)» (Батиев, Бедрик, Бинеева и др., 2022). Подчеркивается, что религиозная самоидентификация обусловила и совпала с этнической.

Исследование зафиксировало высокий уровень сохранения национального языка. Исследователи сделали вывод, что язык выступает в качестве внутреннего отношения к нему самого человека, его психологической установки. Многие могут общаться на русском языке, но используют армянский язык внутри семьи, что поддерживает его воспроизводство. Многие представители армянской диаспоры (подавляющее большинство – 85,3%) следят за событиями, которые происходят на их исторической родине, что обусловлено глубокими культурными корнями, чувством сопричастности и солидарности.

Ряд исследований зафиксировал следующие тенденции: более молодое поколение представителей армянской общины (16-24 года) демонстрирует ориентацию на открытость, коммуникабельность, 70% молодых людей считают, что армяне должны помогать другим нациям, если возникает такая необходимость, что проявление самостоятельности в своей жизни приоритетнее строгой ориентации на мнение старшего поколения. Такая тенденция относится скорее к поколенческому фактору, нежели к национальному и этническому. И чем больше срок проживания в данном регионе, тем у респондентов выше степень открытости и культурного разнообразия.

Данные социологического исследования 2021 г. показывают рост вовлеченности армян в жизнь общины, однако, не отменяют необходимости в усовершенствовании ее деятельности, поиска новых способов привлечения молодежи в жизнь диаспоры, новые форматы мероприятий, интеграция в общекультурное пространство и пр. (Батиев, Бедрик, Бинеева и др., 2022)

Социологические исследования другого южного региона России – Краснодарского края – показывают, что этническая идентичность армянской молодежи в этом регионе анализируются через следующие основные факторы: семейные ценности и реализация брачных стратегий, традиции, язык, последствия коллективной травмы, конструирование образа «другого». Также отмечается, что у группы респондентов от 35 лет этническая составляющая, традиции и обычаи играют более значимую роль, чем у молодежи. Причем старшее поколение, независимо от места рождения и срока проживания на территории России, упоминали Армению как основной идентификационный символ (Русия, 2023).

Молодежь от 16 до 35 лет в большинстве случаев занимают компромиссную позицию относительно противоречия между своим армянским происхождением и российским гражданством. Проявляется двойственная гибридная идентичность, которая характеризуется в одинаковой степени выраженности этнических и гражданских компонентов. В условиях же кризисных ситуаций и конфликтов, как отмечается, позиция также неоднозначна (Родина респондента – Армения, но он жил, учился, отдавал воинский долг на территории России).

Данные социологического исследования в Краснодарском крае показали, что происходит трансформация идентификационных компонентов у представителей армянского этноса в зависимости от возраста. Для представителей старшего поколения характерна, как правило, выраженная армянская этническая идентичность. У молодежи 16-35 лет наблюдается наличие двойственной идентичности. «Анализ стенограмм фокус-групп позволяет высказать предположение о трансформации доминирующих идентификационных символов и компонентов у разновозрастных представителей армянства на Кубани. Результаты исследования показывают, что у представителей старшего поколения диаспоры выражена этническая армянская идентичность. Ситуация кардинально меняется в самой молодой возрастной группе (12-16 лет), в которой локальная идентичность самая выраженная. Промежуточное положение среди возрастных когорт занимает молодежь 16-35 лет, которая демонстрирует наличие двойственной идентичности, когда этнический и гражданский признаки в одинаковой степени проявлены и сосуществуют» (Русия, 2023).

В экономической, политической и социальной жизни значение армянской диаспоры, однозначно, велико. Представители диаспоры участвуют в управлении культурными, общественными, благотворительными мероприятиями, различными учреждениями, бизнес-сообществами, занимают должности в политических структурах. «Деятельность крупных армянских центров, таких как Культурно-просветительский центр имени Ованеса Туманяна в г. Краснодаре, не только связана с работой внутри диаспоры, но и привлекает местных жителей в мероприятия и проекты» (Русия, 2023). То есть представители диаспоры интегрируют в свою деятельность работу, направленную на поддержание межкультурных отношений. Эффективная работа с диаспорами и популяризация мероприятий, ориентированных на культурное многообразие и духовно-нравственное развитие молодежи, могут снизить уровень конфликтности на локальном уровне.

Важное место в системе ценностей представителей армянской диаспоры занимают семейные ценности и сохранение религиозной идентичности. Армянская культура отличается устойчивостью, стремлением к сохранению традиций. Основным связующим звеном у представителей диаспор с исторической родиной являются семейные и дружеские взаимоотношения, причем семейная идентификация была и остается главным маркером этнического самосознания как у молодежи, так и у взрослого поколения. Семья выступает транслятором культурных идей, традиций, воспроизводства и поддержки этничности. Семья выступает носителем и передатчиком языка, традиций, обычаев. Это проявляется в обрядах (сватовство, свадьба, имянаречение), воспитании детей, поддержании национальной памяти.

Заключение

Идентичность представителей армянской диаспоры на юге России весьма гибридная, многосоставная, для многих характерны признаки и черты как армянской, так и российской идентичности, культуры, особенно среди молодежи одновременно. Факторы формирования этнической идентичности армянской молодежи на юге России складываются из нескольких условий: диаспора, время проживания на территории, язык и традиции, семейно-брачные ценности. Фактор ослабевает в процессе воспроизводства идентичности, у более молодого поколения язык и семья играют меньшую роль, чем у старшего поколения.

Армянская диаспора на за время своего существования сформировала устойчивую этнокультурную систему с учетом миграционных и ассимиляционных процессов. Этническая идентичность выступает ключевым компонентом этой системы, обеспечивая преемственность поколений и сохранение культурной самобытности.

За свою длительную историю существования армянская диаспора сформировала устойчивую этнокультурную систему с учетом миграционных и ассимиляционных особенностей динамики на Юге России. Именно этническую идентичность можно считать важным компонентом и опорой этнокультурной системы вообще.

Одной из самых целесообразных векторов развития многонациональных полиэтничных государств можно считать образование и поддержание взаимодополняющих идентичностей граждан. При этом необходимо учитывать условия

для достижения свободного выбора гражданами разных этносов, их предпочтения и роль в развитии крупного многонационального государства.

Литература

Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности: монография / Л.В. Батиев, А.В. Бедрик, Н.К. Бинева [и др.] – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2022. – 224 с.

Арутюнян, Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 42–49. – URL: https://socisras.ru/s0132-16250000621-9-1-ru-907/?version_id=80888

Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 440 с.

Дробижева, Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения / Л.М. Дробижева // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 37–50. – <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>

Дробижева, Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) / Л.М. Дробижева // *Духовная культура и этническое самосознание* / отв.ред. Л.М. Дробижева. – М.: АН СССР. ИЭ, 1991. – С. 26–38.

Нахичевань-на-Дону: история и современность (к 240-летию переселения армян на Дон): материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2019 г.) / отв. ред. С.С. Казаров, Л.В. Батиев, С.М. Саядов. – Ростов н/Д.: Foundation, 2019. – 404 с.

О молодежной политике в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 04.03.1998 № 123-КЗ (с изм. и доп.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://docs.cntd.ru/document/461601089>

Русия, Н. Т. Формирование идентичности армянской диаспоры в Краснодарском крае / Н. Т. Русия // *Общество: политика, экономика, право*. – 2023. – № 3. – С. 46–56. <https://doi.org/10.24158/per.2023.3.6>.

Стратегия национальной безопасности Республики Армения // Правительство Республики Армения. URL: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/>

Тишков В.А. Понимание и управление культурным многообразием в России / В.А. Тишков // *Повестка дня для России: Аналитические материалы Фонда "Единство во имя России" за 2007–2008 годы* / отв. ред. В.А. Никонова. – М.: Форум, 2009. – С. 3–15.

Тишков В.А. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России / Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 81–87. – <https://doi.org/10.7868/S0132162517080098>

Тощенко, Ж.Т. Диаспора как объект социологического исследования / Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. // Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 33–42.

Шахбанова, М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования / М.М. Шахбанова // ИАЭЖ. – 2013. – № 1(33). – С. 135–147.

References

- Armenian community on the Don: integration and preservation of ethnocultural identity: monograph. Ed. by L.V. Batiev, A.V. Bedrik, N.K. Bineeva [et al.]. Rostov-on-Don: Southern Federal University; 2022. 224 p. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. Socio-cultural development and national self-awareness. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological studies*. 1990; 7: 42-49. URL: https://socisras.ru/s0132-16250000621-9-1-ru-907/?version_id=80888 (In Russ.)
- Bromley Yu.V. Essays on the theory of ethnos. Moscow: LKI = LKI; 2008. 440 p. (In Russ.)
- Drobizheva, L.M. Ethnic and Historical Self-Awareness of the Peoples of the USSR at the Turn of the Last Decade of the 20th Century (in the Late 1960s – Early 1990s). *Dukhovnaya kul'tura i etnicheskoye samosoznaniye = Spiritual Culture and Ethnic Self-Awareness*. Moscow: AN SSSR. IE; 1991. 26–38. (In Russ.)
- Drobizheva, L.M. Russian Identity: The Search for Definition and the Dynamics of Spread. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2020; 8: 37–50. – <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9> (In Russ.)
- Nakhichevan-on-Don: History and Modernity (on the 240th Anniversary of the Migration of Armenians to the Don): Proceedings of the International Scientific Conference (Rostov-on-Don, October 18–19, 2019). / Ed. by S. S. Kazarov, L. V. Batiev, S. M. Sayadov. Rostov n / D: Foundation; 2019. 404 p. (In Russ.)
- National Security Strategy of the Republic of Armenia. Government of the Republic of Armenia. Accessed 02.06.2024. Available at: <https://www.gov.am/ru/National-Security-Strategy/> (In Russ.)
- On youth policy in Krasnodar Krai: Law of Krasnodar Krai of March 4, 1998, No. 123-KZ (as amended and supplemented). Accessed from the Garant reference and legal system. Accessed 02.06.2024. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/461601089> (In Russ.)
- Rusiya N. T. Formation of the identity of the Armenian diaspora in Krasnodar Krai. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2023; 3(116): 46–56. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.3.6> (In Russ.)
- Shakhbanova M. M. Ethnic Self-Awareness and Ethnic Identity: Modern Research Concepts. *IAEC = IAEC*. 2013; 1(33): 135–147. (In Russ.)
- Tishkov V.A. Identity and Life Strategies of Students in Russia / Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 2017; 8: 81–87. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080098> (In Russ.)
- Tishkov V.A. Understanding and Managing Cultural Diversity in Russia. *Povestka dnya dlya Rossii = Agenda for Russia*. 2009: 3-15. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T., Chaptikova T. I. Diaspora as an Object of Sociological Research. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 1996. 12: 33-42. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 17.07.2025

Дата окончания рецензирования: 25.08.2025

Дата принятия к публикации: 10.09.2025

Информация об авторе

Григорян Геворк Григорьевич – аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; главный редактор газеты «Нахичевань-на-Дону», г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: sunglass@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Gevork Grigoryevich Grigoryan – Postgraduate student at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University. Editor-in-Chief of the newspaper “Nakhichevan-on-Don”, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: sunglass@list.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Социология управления

Научная статья

УДК 304.444

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

EDN PSTQBC

Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности**Валентин П. Бабинцев**¹¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: babintsev@bsueedu.ru

Яна И. Серкина²² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Максим О. Дерин³³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

e-mail: derin-m@mail.ru

*«Нексиализм? Что это такое?»**«Прикладная наука обо всем»,**- объяснил Гросвенор**и переступил порог.**Альфред ван Вогт «Черный хищник»***Аннотация.**

Введение. В статье рассматривается проблема поиска эффективных способов управления общественными процессами в условиях формирования цифровой гибридной реальности. Целью настоящей статьи является обоснование статуса социального инженера как самостоятельного полифункционального актора общественных изменений, имеющего конкретное поле профессиональной деятельности, успешное осуществление которой требует специальной подготовки.

Методы. В статье использованы общенаучные теоретические (сравнительный анализ, системный и институциональный подход) и прикладные (включенное наблюдение в ходе разработки социальных проектов в Белгородской области) методы.

Результаты. В качестве одного из наиболее перспективных предлагается подход, основанный на применении социальных технологий. Они представляют собой алгоритмически выстроенные операции и процедуры, направленные на упорядочение и оптимизацию общественных процессов. Специалисты, разрабатывающие и применяющие социальные технологии, определяются как социальные инженеры. В современном обществе целесообразна институционализация их статуса и включение в состав акторов, реализующих социальную политику. Ее многоуровневый характер дает основание для трех типов социальных инженеров: социальные архитекторы, социальные

проектировщики и социальные технологи.

Выводы. В настоящее время в социальном пространстве нет ни одного «игрока», который соединял бы усилия отдельных специалистов, обладая необходимой для этого концептуальной основой и институализированным статусом. Этот дефицит и должны будут восполнить социальные инженеры. Особенностью деятельности социальных инженеров является то, что, обладая компетенциями в различных сегментах социального пространства, они могут дополнить действующих здесь специалистов и «закрыть» возникающие в них ниши.

Ключевые слова: социальные процессы; социальные технологии; социальная инженерия; социальный инженер; социальный архитектор; социальный технолог; социальный проектировщик; социальное управление.

Для цитирования: Бабинцев В. П., Серкина Я.И., Дерин М. О. (2025). Социальный инженер: перспективы институционализации социального статуса в цифровой реальности. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 70-87. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

Social engineer: the prospects of institutionalization in digital reality

Valentin P. Babinsev¹

¹Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

e-mail: babintsev@bsueedu.ru

Yana I. Serkina²

²Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Maxim O. Derin³

³Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

e-mail: derin-m@mail.ru

*"Nexialism? What is it?"
"Applied science of everything",
Grosvenor explained
and stepped through the door.
Alfred van Vogt "The Black Predator"*

Abstract.

Introduction. The article discusses the problem of finding effective ways to manage social processes in the context of the formation of a digital hybrid reality. The purpose of this article is to substantiate the status of a social engineer as an independent multifunctional actor of social change, having a specific field of professional activity, the successful implementation of which requires special training.

Methods. The article uses general scientific theoretical (comparative analysis, systemic and institutional approach) and applied (included observation during the development of social projects in the Belgorod region) methods.

Results. An approach based on the use of social technologies is proposed as one of the most promising. They are algorithmically structured operations and procedures aimed at

streamlining and optimizing social processes. Specialists who develop and apply social technologies are defined as social engineers. In modern society, it is advisable to institutionalize their status and include them in the actors implementing social policy. Its multilevel nature gives rise to three types of social engineers: social architects, social designers, and social technologists.

Conclusions. Currently, there is not a single "player" in the social space who would combine the efforts of individual specialists, having the necessary conceptual framework and institutionalized status for this. This deficit will have to be filled by social engineers. A special feature of the work of social engineers is that, having competencies in various segments of the social space, they can complement the specialists operating here and "close" the niches that arise in them.

Keywords: social processes; social technologies; social engineering; social engineer; social architect; social technologist; social designer; social management.

For citation: Babinsev V. P., Serkina Ya. I., Derin M. O. (2025). Social engineer: the prospects of institutionalization in digital reality. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 70-87. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.5>

Введение

В области отечественного социально-гуманитарного знания проблема социальных технологий (СТ) стала всерьез обсуждаться в конце 1970-х - начале 80-х годов прошлого века. Несмотря на то, что истоки концепции заключались в идее социальной инженерии, разработанной К. Поппером, обсуждение ее первоначально воспринималось как экстраполяция на отечественную реальность выводов болгарских исследователей. Прежде всего, Н. Стефанова и М. Маркова. Книга первого из них «Общественные науки и социальная технология» была опубликована издательством «Прогресс» в 1976 году; второго – «Технология и эффективность социального управления» – в 1982 году, тем же издательством (Марков, 1982; Стефанов, 1976).

В России выводы болгарских авторов нашли своих сторонников только в начале 90-х годов прошлого века. Наиболее активно продвижением, а в некоторых отношениях, развитием их идей, занимались В.Н. Иванов и В.И. Патрушев. И несмотря на то, что многие из их работ первоначально носили учебно-методический характер (Иванов, Патрушев, 1999; Социальная инженерия... 1997), они «вводили» читателя в «мир социальных технологий».

Эта отрасль социально-гуманитарного знания оказалась весьма перспективной для изучения и формирования новой для России научной школы, центр которой в 90-е годы сместился в Белгород. Здесь он был поддержан ресурсами местных вузов и диссертационного совета, в котором в течение более 25 лет идут защиты диссертаций по проблемам теории и практики социальных технологий (Бабинцев, 2016). Признанными научными авторитетами в изучении этих проблем стали и остаются по настоящее время Н.С. Данакин и Л.Я. Дятченко. Стоит особо подчеркнуть – монографии Л.Я. Дятченко «Социальные технологии в управлении общественными процессами», изданная еще в 1993 году (Дятченко, 1993), и Н.С. Данакина «Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления» (Данакин, 1996) остаются непревзойденными по глубине анализа проблемы социальных технологий. На первую непременно ссылается практически каждый исследователь, разрабатывающий

проблематику социальных технологий, упоминается она практически во всех (весьма немногих) учебниках (Социальные технологии...2024; Лесина, Забокрицкая, 2021). Вторая, к сожалению, была издана Белгородским Центром социальных технологий тиражом всего 600 экземпляров, уже давно стала раритетом и за пределами области практически неизвестна.

Ситуация в области изучения социальных технологий к настоящему времени в научном измерении, безусловно, изменилась, но не в концептуальном отношении. Несмотря на широкое использование этого понятия, только несколько авторов более или менее регулярно публикуют работы, непосредственно посвященные проблемам социальных технологий и социальной инженерии (Щербина, 2014; Уржа, 2020).

Однако социальные технологии начали более или менее активно изучать в вузах. В некоторых из них созданы кафедры социальных технологий. Вполне естественным следствием этого стала подготовка учебных пособий. Три отечественных вуза: РУДН, Финансовый университет и Вятский государственный университет анонсировали подготовку по программе бакалавриата «Социальные технологии и социальная инженерия». Правда, РУДН и Финансовый университет, судя по информации, размещенной на их сайтах, отказались от ее реализации, но данное обстоятельство не отрицает актуальности программы, которую, вероятно, целесообразнее всего осуществлять как программу специалитета. Уровень бакалавриата представляется недостаточным для того, чтобы вчерашние школьники овладели знаниями и навыками, позволяющими им профессионально переустраивать общественные отношения. Возможно, социальных инженеров следовало бы готовить по программам магистратуры. Однако эта наша идея, как показал опыт, встречает критику коллег, которые правомерно указывают на то, что подготовка магистров в России превратилась в очередную симуляцию.

Здесь возникает и еще одна проблема: поскольку, социоинженерная деятельность должна реализоваться на разных уровнях, в перспективе возникнет необходимость готовить специалистов, обладающих различным объемом знаний и навыков. Вероятно, в перспективе это потребует дифференциации уровней подготовки, и ниже мы попытаемся сформулировать свое видение такой дифференциации. Но в настоящее время имеет смысл ставить решаемую при наличных условиях задачу – наладить подготовку специалистов, способных профессионально изменять общественные процессы, руководствуясь при этом не политической конъюнктурой или корпоративными интересами, но рекомендациями науки.

Задача эта представляется не просто важной, но необходимой, уже потому, что геополитический кризис, проявивший себя в российско-украинском приграничье в форме военных действий, выявил проблему дефицита специалистов, способных в ограниченных по месту и времени условиях находить оптимальные управленческие решения, работая при этом с большими массами людей и учитывая не только потребности «сегодняшнего дня», но и долгосрочные перспективы. Но именно этим должна заниматься социальная инженерия. Словарь «Социальные технологии», опять-таки изданный в свое время в Белгороде, определял ее как деятельность, связанную «с использованием знаний, полученных в фундаментальной науке, прикладных исследованиях, в практике для решения повседневных и перспективных задач

управления» (Социальные технологии: толковый словарь, 1995, 176). Особенность социальной инженерии, отличающая ее от других подходов к управлению, заключается в том, она предполагает осуществлять его посредством разработки и внедрения социальных технологий. В самом общем виде их можно определить как набор алгоритмически выстроенных операций и процедур, направленных на упорядочение и оптимизацию деятельности людей.

Обоснование необходимости применения социальных технологий с неизбежностью повлекло за собой постановку вопроса о субъекте их реализации.

Вполне очевидно, что разрабатывать и, по меньшей мере, сопровождать реализацию социально-технологических решений должны профессионально подготовленные люди. Их можно называть по-разному: социальные технологи; социальные инженеры; а в последнее время используют понятие «социальные архитекторы». Но всех случаях речь идет о профессионалах, способных выстраивать систему социальных отношений посредством рационально обоснованных, целенаправленных действий, реализуемых по аналогии с процедурами обработки сырья и материалов. Эти процедуры должны быть научно обоснованы, проверены опытом и скорректированы на основе анализа результатов.

Однако обсуждение проблем социальных технологий до последнего времени велось довольно абстрактно. Его участники, теоретически осмысливая необходимость идентификации субъекта социально-технологической деятельности, обычно не переводили разговор в практическую плоскость. Во-первых, общественная ситуация не требовала интенсивной мобилизации научной мысли и конвертации возникающих в данном контексте идей в организационные решения, да и сама возможность такой операции была сомнительной в условиях менеджеристской системы управления. Во-вторых, отечественная традиция социогуманитарного знания при рассмотрении общественных процессов опиралась преимущественно на квазирациональные мыслительные конструкты. В-третьих, сторонники концепции социальных технологий не могли не учитывать, что публичное поведение основной массы населения страны имеет не целерациональную, а, в лучшем случае, ценностно-рациональную природу, хаотично и может быть упорядочено в ограниченных пределах и весьма специфическим образом – посредством индоктринации базовой идеи. В-четвертых, пространство социального управления уже давно было поделено и «обжито» различными акторами, и появление нового становилось серьезным конфликтогеном.

Однако положение дел радикально изменилось вследствие прямого включения страны в геополитический вооруженный конфликт. Участие в нем потребовало избавления от неэффективных организационных форм, создания мобильных структур, способных работать в условиях гибридной реальности, где как объекты, так и субъекты управления приобретают характер нелинейных социобиотехнических систем (СБТ-систем) (Яницкий, 2018). При этом широкое внедрение цифровых технологий упростило обмен информацией, вывело ее за пределы технической сферы, сформировало класс новых инструментов влияния на человека и на модели его взаимодействия с природой и обществом. Информационные технологии в итоге стали главным «социопреобразующим» фактором.

Таким образом, усиливающаяся социальная нестабильность, помноженная на «цифровую революцию», перевели задачу упорядочения и оптимизации общественных процессов из области теоретических рассуждений в практическую плоскость и фактически пришлось вернуться к идее Пифагора о цифре как основании бытия. Этот возврат не следует считать чисто символической процедурой, поскольку он означает смену парадигмальных оснований человеческого мышления, переход его от (условно) «аналоговой» формы к «цифровой», контуры которой еще только начинают определяться, проявляясь, прежде всего, в процессах, создающих экзистенциальные угрозы для общностей и государств. Становится ясным: в конкурентной борьбе за ограниченные ресурсы победят те, кто быстрее и лучше других организует массовый переход в новую реальность.

Люди, ведущие за собой в данном направлении общество, – социальные инженеры, таким образом, превращаются в «сталкеров» этого перехода.

Целью настоящей статьи является обоснование статуса социального инженера как самостоятельного полифункционального актора общественных изменений, имеющего конкретное поле профессиональной деятельности, успешное осуществление которой требует специальной подготовки.

Результаты

Прежде всего, попытаемся определиться в используемых понятиях, что является довольно сложной задачей в условиях недостаточного объема эмпирических материалов, слабой проработанности теоретико-методологических аспектов темы и наличия сложившейся традиции рассматривать проблемы социальных технологий и социальной инженерии почти исключительно в рамках предметного поля социологии. И, хотя идея социальных технологий была сформулирована именно в социологической науке, сегодня ее рамки становятся тесными для дальнейшей разработки и предполагают использование возможностей других отраслей знания.

Предварительно заметим, что в настоящее время в практике управления отсутствует понятие, которым можно было бы определить специалиста по управлению социальными процессами. Парадокс в том, что в обществе реализуется социальная политика и имеет место социальное управление, но:

1) нет профессии, представители которой были бы специально ориентированы на осуществление этих видов деятельности. В ней участвуют люди, получившие самое различное образование и накопившие некоторый управленческий опыт. Правда, развивается так называемый социальный менеджмент, но он на практике рассматривается как один из элементов системы управления экономикой, а в теории предстает в качестве раздела менеджмента, ориентированного на управление в организациях социальной сферы (Ильенкова, 2008, 5). Следовательно, эта отрасль знания в лучшем случае лишь частично решает проблемы оптимизации социальных процессов на основе технологических процессов. К тому же менеджеристская парадигма управления изрядно скомпрометировала себя. «Российская бюрократия не только адаптировалась к менеджеризму, но и исказила его сущность. Менеджеризм дал российской бюрократии колоссальные возможности по манипулированию профессионалами, которые в условиях новой управленческой идеологии фактически

оказались в ранге придатка к «главным» действующим лицам – эффективным менеджерам» (Ковалев, Дятлов, 2023, 30; Дятлов, Ковалев, 2023);

2) при наличии общего понимания о широком спектре деятельности в сфере социальной политики ее часто сводят к социальному обеспечению и социальной защите, в то время как социальная инженерия предполагает решение более широкого круга задач. Недостаточность данного подхода проявляется, в частности, в поиске адекватной терминологии.

Как уже отмечалось выше, в последнее время в научной литературе и на практике для общей характеристики субъектов деятельности, направленной на оптимизацию общественных процессов, все чаще используются три взаимосвязанных и близких по значению понятия: «социальный инженер»; «социальный технолог»; «социальный архитектор». Мы полагаем, что они близки, но не тождественны. Но, чтобы понять соотношение между понятиями, надо ответить на два вопроса. Первый заключается в том, каков предмет деятельности этого специалиста? Второй – в каком сегменте общественного пространства он может реализовать свои способности, не подменяя и не отменяя функции уже действующих в настоящее время акторов?

Ответ на первый вопрос, казалось бы, очевиден. Объектом деятельности являются социальные процессы. Предметом – социальные технологии (СТ), понимаемые как процедуры и операции оптимизации общественных отношений и социоинженерные практики (СИП). При этом надо учитывать, что даже социальные технологии трактуются двояко – как специфическая область знаний и как набор социальных практик. Суть первой позиции (ее допустимо определить как когнитивную) наиболее четко представлена Л.Я. Дятченко, который дал определение социальной технологии как «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов» (Дятченко, 1993, 52)⁴.

Однако ограничение социальных технологий лишь сферой науки выглядит явно недостаточным. Они не менее важны и в своей практической ипостаси. В.В. Щербина пишет: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене СТ сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление об СТ с решением практических задач социальной сферы; б) СТ относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства СТ выводят из содержания двух его составляющих – термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» (Щербина, 2014, 117). Эти позиции соответствуют, на наш взгляд, прагматическому подходу к интерпретации социальных технологий.

⁴ Данная дефиниция вполне приемлема и сегодня, разве что тезис об обновлении общественных процессов может быть дополнен ссылкой на их цифровую трансформацию.

Он наглядно сформулирован в учебном пособии для вузов «Социальные технологии» под редакцией И.Б. Орловой, где социальная технология определена как «социальное знание, трансформированное в конкретные модели практических действий – для достижения заранее определенных целей» (Социальные технологии..., 2024, 16).

Таким образом, социальный технолог одновременно мыслится как ученый, исследующий общественные процессы и как управленец-практик, то есть социальный инженер. Несомненно, обе диспозиции вполне могут быть соединены, поскольку являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Классическим примером синтеза служит книга Ю.П. Сурмина и Н.В. Туленкова «Теория и практика социальных технологий» (Сурмин, Туленков, 2004).

Принимая идею подобного синтеза, мы полагаем, что специалист, объектом оптимизирующей деятельности которого является предельно широкий спектр общественных отношений, а предметом – социальные технологии, должен знать теорию социального управления, особенно тот ее раздел, который относится к технологиям управления, не «подстраивая» это знание под ситуативные интересы корпоративных структур, но совмещая его с владением практическими навыками разработки и реализации алгоритмически выстроенных процедур изменения социальной реальности.

Однако эта максима, провозглашенная, в частности, в качестве требования при защите диссертаций по специальности «Социология управления» в диссертационном совете по социологическим наукам в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, оказалась в большинстве случаев трудно выполнимой. В настоящее время, если попытки алгоритмизации и предпринимаются соискателями, то обычно сводятся к довольно невнятным рекомендациям относительно общих задач или методов их решения. Все это нередко преподносится как внедрение технологий, понятие которых неоправданно расширяется. Технологиями в рамках такого подхода становятся любые методы и приемы целедостижения и решения общественных проблем (Современная западная социология..., 1990; Касавин, 2012).

В результате элиминируется главный отличительный признак социальной технологии – наличие алгоритмически выстроенных и распределенных по этапам процедур и операций, понятие процедуры подменяется отнюдь не тождественным ему понятием метода. Однако в некоторых (чаще всего учебно-методических) работах предпринимается попытка совместить оба подхода. Так Л.А. Лесина и Л.Д. Забокрицкая пишут: «Специфика технологии в том, что она алгоритмизирует деятельность и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решения сходных задач, достижения заданных результатов посредством профессиональной культуры». Но при этом они отмечают, что «социальная технология предстает в виде процесса оптимизации социального пространства, преодоления его разбалансированности на основе инновационного метода освоения социальной действительности» (Лесина, Забокрицкая, 2021, 29)

Безусловно, проблема соотношения метода управления и социальной технологии не проста. Очевидно, что, с одной стороны, каждый из этапов социальной технологии может отличаться от других методами реализации. С другой стороны, понятие метода является весьма близким понятию процедуры, так как в обоих случаях речь идет о порядке действий в конкретной ситуации. Но обращение к методам автоматически не

означает соблюдения требования действовать по алгоритму. Не всякий метод может быть разделен на этапы, а потому не может быть механически отнесен к классу социальных технологий, ибо требование этапности и последовательности является в данном случае обязательным.

Кроме того, необходимо учитывать сложность построения алгоритмов процессов социального управления. Тем более, если речь идет о так называемых гибких алгоритмах, или алгоритмах с ветвлением⁵. Поэтому чаще всего специалисты ограничиваются паллиативным решением проблемы. Эти, не доведенные до степени полной технологизации, модели, как показали исследования Е.В. Конищевой, могут быть определены в качестве прототехнологий (Конищева, 2023). Но они не могут быть отнесены к социальным технологиям в «чистом виде» и требуют специального анализа.

Однако проблемы оптимизации социальных процессов не сводятся к теоретическим аспектам. Более того, в настоящее время они выглядят даже не менее значимыми, чем теоретические. Среди практических аспектов проблемы выделяются два.

Первый связан с многоуровневым характером оптимизирующих практик. Этих уровней, по меньшей мере, три.

Во-первых, уровень социальной системы страны в целом или, по меньшей мере субъектов федерации; на нем должна решаться задача постоянной оптимизации ее структуры (если использовать модный тренд, – архитектуры). Пожалуй, это наиболее сложный уровень, поскольку сомнения вызывает сама возможность алгоритмизации управления макросоциальными процессами. Однако, если рассмотреть вопрос последовательно и системно, можно заметить – здесь возникают два главных препятствия. Первое видится в следующем: невозможно получить полную информацию и математически описать всю совокупность процессов в человеческом обществе. Тем более, что некоторые из них буквально сопротивляются формализации. Утверждение выглядит довольно убедительным, но все же – это чисто технические трудности, которые в обществе цифровых технологий в принципе могут быть преодолены.

Второе препятствие связано с указанием на отсутствие силы, способной по своему ресурсному потенциалу не «насильственным» (не революционным) путем менять макросистемы. Но аргументом против такого умозаключения является вывод, сформулированный в рамках синергетики, о том, что неравновесные системы в точках бифуркации могут модифицироваться при незначительных воздействиях.

На этом представлении базируется значительная часть футурологических литературных произведений, в которых «минимально необходимое воздействие» (МНВ) обеспечивает максимально ожидаемый результат. Свою версию решения задачи предложил, в частности, в свое время известный американский фантаст Айзек Азимов в книге «Конец вечности». И вряд следует относиться к таким идеям только как к утопическим проектам, тем более, что многие прогнозы писателя сбылись.

Во-вторых, уровень больших территориальных и иных общностей, предполагающий оптимизацию процесса разработки и реализации процессов социального проектирования их развития.

⁵ Насколько нам известно, в отечественной социологии впервые вопрос о разработке таких алгоритмов был поставлен И.В. Бурмыкиной (Бурмыкина, 2009).

В-третьих, уровень отдельных организаций, локальных (местных) сообществ, на котором оптимизируются их структура и повседневные практики.

С учетом этого деления субъекты, на практике реализующие идею оптимизации могут быть разделены на три типа: социальные архитекторы, социальные проектировщики и социальные технологи. В целом их вполне можно рассматривать как социальных инженеров – специалистов по выстраиванию оптимальной для сложившихся условий конфигурации социальной организации и ее последующего целенаправленного изменения.

С этих позиций и должен рассматриваться второй аспект проблемы – позиционирование социального инженера среди акторов, участвующих в управлении общественными процессами, которых достаточно много, и которым при институционализации его статуса необходимо будет «потесниться» в пространственном отношении и «поделиться» в ресурсном. Чтобы оценить перспективу решения этих задач, целесообразно, хотя бы в общем виде, представить себе распределение ролей других игроков, задействованных в этом сегменте социального пространства.

К числу основных акторов (статус некоторых из них институционализирован, положение других не имеет строгого институционального закрепления) относятся:

- государственные и муниципальные служащие; они осуществляют организующее и регулирующее воздействие на общество и его части, используя властные полномочия;
- социальные работники – их функции связаны с участием в практической реализации социальной политики в той ее части, которая предполагает социальное обеспечение, обслуживание и социальную защиту наименее обеспеченных групп граждан;
- менеджеры, область деятельности которых – управление организациями (в нашем случае – социальными организациями);
- политики и политологи – если первые участвуют в организации, распределении и использовании власти в обществе, то вторые обслуживают их интересы, выступая в качестве экспертов, специалистов по работе с общественным мнением, консультантов;
- социологи – их работа сводится к изучению общественных процессов; в идеальном варианте – к разработке рекомендаций для практиков⁶.

Каждый из этих специалистов занимает, таким образом, конкретную часть социального пространства⁷, оставляя другие сферы своим коллегам и зачастую не координируя с ними свои действия. Отношение представителей этих квазикорпораций

⁶ Отметим, что социологи, особенно практики, проводящие заказные исследования, весьма неохотно откликаются на предложения давать конкретные практические рекомендации заказчику. Так, в свое время в одном из интервью Г. Кертман (ведущий аналитик Фонда «Общественное мнение»), объяснял: «Недавно я столкнулся с совершенно анекдотическим проявлением этой тенденции. На обсуждении результатов нашего исследования не последний представитель министерства – что характерно, министерства образования и науки – произнес буквально следующее: «Вы что, считаете, что ваша задача – получить информацию, проанализировать ее – и все? А кто будет основное делать? Принимать управленческие решения? Кадровые решения? Кто будет делать практические выводы? Кто?» На полном серьезе. Отвечаю: «Извините, вы будете принимать. Потому что, вообще-то, государство – это вы. Если мы будем принимать управленческие решения – мы будем государством. Но мы будем плохим государством, менее эффективным». Но представитель министерства остался при своем мнении» (Данные опросов используют фатально..., 2013).

⁷ Иногда эти части сегментов совершенно произвольно накладываются друг на друга, что создает дополнительные проблемы для технологизации общественных процессов.

(а они вполне заслуживают такого определения в силу замкнутости на групповые интересы, специфики сознания и способов решения проблем) к перспективам преобразования социального пространства характеризуется односторонностью. Данное обстоятельство служит главным аргументом при объяснении того, почему нельзя ограничиться их обучением социальным технологиям, хотя этим, несомненно, надо заниматься. Но даже владея ими, корпоративные субъекты будут ограничивать сферу применения социальной инженерии пределами своей отрасли. К тому же существует риск обременения социально-технологического подхода заимствованными из «славного» прошлого квазикорпораций стереотипами и предубеждениями.

Обсуждение результатов

Наиболее значимой отправной точкой для организации научного дискурса по проблематике социальных технологий и социоинженерии является то, что превращение вопроса о воспроизводстве российской, в основе своей русской, православно-христианской цивилизации и культуры, в вопрос о ее выживании предполагает признание факта необходимости изменения принципов и правил социального строительства. Технология его должна быть передана в руки профессионалов, которые найдут наиболее эффективные способы практической реализации целей государства и утверждения традиционных ценностей.

В настоящее время в социальном пространстве нет ни одного «игрока», который соединял бы усилия отдельных специалистов, обладая необходимой для этого концептуальной основой и институализированным статусом. Этот дефицит и должны будут восполнить социальные инженеры.

Идея подобного универсального специалиста впервые была сформулирована не ученым, а американским фантастом Альфредом Элтоном ван Вогтом и получила свое воплощение в концепции «нексиализма» (от «нексус» – связь). Он определял нексиализм как науку «об упорядоченном соединении знаний одной области знаний со знаниями других областей» (Нексиализм Ван Вогта..., 2022).

Выполнить задачу такого соединения вполне способен социальный инженер, в той мере, в какой он, владея методологией системного анализа и обладая некими общими компетенциями в различных областях, может понять и дополнить действующих в них специалистов и ликвидировать пробелы, возникающие вследствие недостаточной эффективности межотраслевых связей. Ему не нужно быть «мастером на все руки». Достаточно уметь то, что пока не могут качественно выполнить «узкие специалисты» – видеть общую логику развития социальных процессов, прогнозировать их вероятные следствия и определять наиболее оптимальные способы решения проблем. Социальный инженер должен быть способен интегрировать усилия специалистов, работающих в разных сферах, в случаях, когда они могут дополнить друг друга. В частности, политики и политологи обычно недостаточно готовы к участию в практической социально-защитной деятельности. Пытаясь оказать конкретную помощь нуждающимся, они иногда выбирают далеко не лучшие варианты акций. В этом им могут оказать содействие социальные работники и волонтеры при условии их предварительной ориентации на такую помощь.

Профиль социального инженера должен определяться на основе диагностики проблемных полей в деятельности различных акторов, участвующих в оптимизации общественных процессов. И очевидно, что он будет модифицироваться по мере изменения социальной ситуации и накопления опыта. Нельзя исключить возможности, что в перспективе социальный инженер превратится в более универсального специалиста по регулированию социобиотехнических систем, за которыми, очевидно, стоит будущее.

Мы установили, что предметом деятельности социальных инженеров являются социальные технологии и социоинженерные практики. Они не включают в себя всю массу социальных действий, которые можно условно определить как «традиционные», учитывая крайне редкое до последнего времени применение алгоритмического подхода к преобразованию реальности в социальном управлении Россией. СТ и СИП среди прочих практик выделяются по ряду параметров:

- пределы использования. Применение СТ и СИП ограничивается стандартными ситуациями (например, ситуациями кризисного характера или же возникающими в ходе социальной мобилизации населения), они не предназначены для решения всего комплекса вопросов, которые могут возникнуть в процессе управления. Принципиально важно обоснованно определить те процессы, которые требуют технологизации, и те, где она представляется излишней и даже вредной;

- функции. Если большинство применяемых «традиционных» подходов в социальном управлении ориентированы на получение содержательного результатов, то СТ и СИП – на обеспечение структурно-организационных условий их достижения;

- субъекты. Субъектами «традиционных» процедур в управлении и регулировании социальных процессов может быть любой индивид или группа, СТ и СИП, если они не имитируются, требуют профессионально-компетентного подхода;

- критерии оценки результативности. В большинстве случаев социальные практики оцениваются по тому реальному эффекту, который они оказывают на жизнь граждан; при применении СТ и СИП не менее важным является формальное соответствие процедур изначально сформулированным и проверенным на опыте правилам.

Институционализация статуса социального инженера предполагает выполнение ряда формальных, но при этом необходимых требований:

- необходимым предварительным условием институционализации статуса социального инженера является институционализация социальной инженерии в качестве вида профессиональной деятельности, предметным воплощением которой является подготовка соответствующего профессионального стандарта;

- признание, что социальный инженер – это не хобби, не общественное поручение и даже не социальное служение, но специфическая профессия и одновременно официальная должность (несколько должностей) в системе публичного управления, учреждаемая официально при участии государственных, муниципальных и гражданских структур и занимаемая на основе оферты посредством конкурсных процедур;

- перечень этих должностей предполагает их нормативно-правовое закрепление применительно к каждому уровню общественной организации. Определение форм такого закрепления требует специального анализа, но, скорее всего, они должны быть установлены на местном уровне уставом муниципального образования; на уровне

субъекта РФ его Конституцией или уставами; ими же определяется численность социальных инженеров и, если необходимо, организационный статус (центр, агентство, совет и т.п.);

- социальный инженер несет ответственность за свои действия перед органами власти и институтами гражданского общества (их представителями могут быть общественные палаты) на уровне своей деятельности;

- в полномочия социального инженера должны входить: анализ проблемных ситуаций на любом уровне социальной организации, оценка вариантов их решения на основе критерия оптимальности; выбор максимально соответствующего оптимуму; определение необходимого для его реализации набора алгоритмов, участие в их реализации и рефлексия результатов.

Инструментами, обеспечивающими движение по этому маршруту, в каждом конкретном случае должны стать социально-технологические карты (СТК). Под картой мы понимаем стандартизированный документ, который содержит необходимые сведения, инструкции для выполнения последовательных процедур, направленных на оптимизацию какого-либо процесса.

При подготовке карты следует учитывать необходимость синхронизации технологических решений и действий на трех рассмотренных выше уровнях. На первом (начальном) карты должны включать в себя технологии, направленные на изменение рутинных практик, применяемых в повседневной жизни. На втором – алгоритмы преобразования условий жизнедеятельности отдельных общностей. Представляется, что подготовка карт применительно к этим уровням не создаст особых трудностей.

Но они возникают применительно к третьему, наиболее сложному уровню, на котором предполагается разработка и реализация технологий выстраивания архитектуры будущих социальных систем в виде моделей, описывающих состояние организаций, процессов и культурно-символических структур применительно к регионам или стране в целом. Важность этой работы, казалось бы, осознана властью. В России объявлен конкурс социальных архитекторов с целью поиска и отбора лучших специалистов в этой области. Однако уже на начальном этапе заметна попытка механически перевести в категорию социальных архитекторов бывших профессиональных политологов, лишившихся в силу ряда обстоятельств привычной сферы своей деятельности. Это компрометирует саму идею и отбрасывает общество далеко назад в отношении применения технологий в сфере социального строительства.

Институционализация статуса социальных инженеров имеет смысл, если на всех уровнях общественной организации они выступают не как приглашенные эксперты, а как непосредственные участники управленческого процесса. Они, по меньшей мере пока, не должны (да и не могут) сами принимать решения, но на всех этапах технологизации общественных процессов их предназначение – участвовать в ней, упорядочивая и синхронизируя изменения, интегрируя знания, при этом разделяя ответственность за полученные результаты.

Рассматривая проблему статуса социального инженера в обществе необходимо обсудить ее в чисто прагматическом плане, ответив на два вопроса: где найти ресурсы и где найти кадры?

Ответ на первый возвращает нас к вопросу о соотношении социологии и социальной инженерии. Сегодня во всех регионах в различных масштабах проводятся социологические исследования, тратятся значительные средства на так называемую «работу с общественностью». Общественная польза от этих практик очень часто сомнительна. В большинстве случаев они обслуживают интересы отдельных руководителей или элитных групп. Было бы целесообразно направить хотя бы часть расходуемых в ходе этих действий средств на развитие социальной инженерии. Опыт такой деятельности был накоплен в Белгородской области в период «доменеджеристского» управления и связан с разработкой и реализацией Программы улучшения качества жизни населения Белгородской области (2003 – 2008 годы) и Стратегии формирования регионального солидарного общества (2011 – 2025 годы). Во многом успешность их осуществления позволила региону до начала 20-х годов постоянно входить число лидирующих по показателю качества жизни субъектов Российской Федерации. Утрата позиций в последние годы связана со сменой руководства и с превращением области в «прифронтовой» регион в ходе специальной военной операции на Украине.

Проблема кадров социальных инженеров может быть решена путем включения ее в перечень профессий и организации обучения специалистов по этому направлению. Довольно ясно, что масштаб задач требует системного подхода к подготовке социальных инженеров и их последующего профессионального развития.

Заключение

Социальная конкуренция в современном обществе требует от общественных систем быть постоянно готовыми к изменениям, поиску оптимальных форм самоорганизации и самоуправления. К решению данной задачи необходимо подходить профессионально, максимально используя выводы и рекомендации не только социогуманитарных, но также технических и естественных наук. При этом не следует бояться нетрадиционных решений, в том числе найденных в прошлом, и по тем или иным причинам оказавшихся недостаточно востребованными. В полной мере это относится к социальной инженерии. Выводы, сделанные авторами этой концепции, сложившейся в общих чертах в прошлом веке, в условиях цифрового общества приобретают новые смыслы и могут быть применены для решения широкого круга задач на цифровом этапе развития. Особенностью его является возникновение феномена так называемой НБИКС-конвергенции, проявившейся во взаимодействии и взаимопроникновении нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий – технологий принципиально нового класса, которые можно определить как конвергентные.

Их формирование меняет представления о содержании, субъектах и результатах социально-технологической и социоинженерной деятельности. И, возможно, впервые возникают условия для оформления социальной инженерии в самостоятельную отрасль деятельности и институционализации статуса ее субъекта – социального инженера. Пока трудно однозначно решить, в какой степени может осуществиться такая возможность. Но эта перспектива требует, по меньшей мере, профессионального обсуждения в среде специалистов.

Литература

- Бабинцев, В.П.* Белгородская школа исследователей социальных технологий / В.П. Бабинцев // Высшее образование в России. – 2016. – № 2. – С. 132 – 136. – EDN: VKPYMR
- Бурмыкина, И.В.* Управление формированием и развитием социально-технологической культуры современного менеджера / И.В. Бурмыкина. – Белгород: Издательство БелГУ, 2009. – 358 с. – ISBN 978-5-9571-0374-7.
- Данакин, Н.С.* Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления / Н.С. Данакин. – Белгород: Белгородский центр социальных технологий, 1996. – 271 с.
- Данные опросов используют фатально, катастрофически неправильно. Интервью с Г. Кертманом. ФОМ: Результаты опросов общественного мнения о политике, экономике и повседневной жизни россиян. 17.10.2013. – URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11132>.
- Дятлов, А. В., Ковалев В. В.* Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А. В. Дятлов, В.В. Ковалев // Вестник Института социологии. – 2023. – Том 14. – № 2. – С. 70–91. – EDN: RGIKSM. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>.
- Дятченко, Л.Я.* Социальные технологии в управлении общественными процессами / Л.Я. Дятченко. – Белгород: Центр социальных технологий, 1993. – 343 с.
- Иванов, В.Н., Патрушев В.И.* Социальные технологии. Курс лекций / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев. – Москва: Московский государственный социальный университет «Союз», 1999. – 432 с. – ISBN 5-7139-0126-2.
- Ильенкова, С.Д., Кузнецов В.И.* Социальный менеджмент: учебно-методический комплекс / С.Д. Ильенкова, В.И. Кузнецов. – Москва: Издательский центр ЕАОИ, 2008. – 116 с.
- Касавин, И.Т.* Социальные технологии и социальные практики / И.Т. Касавин // Эпистимология и философия. Наука. – 2012. – Вып. XXXI. – № 1. – С. 52–55. – EDN: OZLUZT.
- Ковалев, В.В., Дятлов А.В.* Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Вестник университета. – 2023. – № 7. – С. 24-32. – EDN: XGDYIY. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>.
- Конищева, Е.В.* Регулирование взаимодействий субъектов образовательного пространства вуза в ситуациях профессионально-жизненных затруднений: автореферат диссертации... канд. социол. н. / Е. В. Конищева. – Белгород, 2023. – 21 с.
- Лесина, Л.А., Забокрицкая Л.Д.* Социальные технологии государственного и муниципального управления : учебное пособие / Л.А. Левина, Л.Д. Забокрицкая. – Екатеринбург: издательство Уральского университета, 2021. – 164 с. – ISBN 978-5-7996-3291-5.
- Марков, М.* Технология и эффективность социального управления: пер. с болг. / Марко Марков; под ред. и с предисл. Т. В. Керимовой. – Москва: Прогресс, 1982. – 267 с.
- Нексиализм Ван Вогта, или идея преимущества генералистского подхода. ЯндексДзен. 27.04.2022
URL:<https://dzen.ru/a/YmkNNAf28lLu0Wxn?ysclid=m5gkuuc7ae989044560>
- Современная западная социология : словарь / Сост. Давыдов Ю. Н. и др. – Москва : Политиздат, 1990. – 432 с. – ISBN 5-250-00355-9.

Социальная инженерия: учебно-методическое пособие для студентов социологического факультета / В.С. Дудченко, В.Н. Иванов, Ю.А. Крючков, Б.В. Матвеев, В.И. Патрушев, И.Л. Симоненко, О.А. Уржа, В.Н. Шаленко, В.В. Щербина. – Москва: МГСУ «Союз», 1997. – 38 с. – EDN: VWIOMR.

Социальные технологии : толковый словарь / под ред. В.Н. Иванова (отв. ред.) и др. – Москва : Луч; Белгород : Центр социальных технологий, 1995. – 309 с.

Социальные технологии: учебное пособие для вузов /под ред. И.Б. Орловой. – Москва: Юрайт, 2024. – 180с. – ISBN 978-5-534-18568-3.

Стефанов, Н. Общественные науки и социальная технология.: пер. с болг. / предисл. и общ. ред. д-ра техн. наук, проф. В. Г. Шорина. – Москва : Прогресс, 1976. – 250 с.

Сурмин, Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: Учеб. Пособие / Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков. – Киев : Межрегиональная академия управления персоналом, 2004. – 608 с. – ISBN 966-608-449-X.

Уржа, О.А. Социальная инженерия – методология социально-ориентированного управления / О.А. Уржа. – Москва: 4 Принт, 2020. – 100 с. – ISBN: 978-5-6043731-4-9.

Щербина, В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние / В.В. Щербина // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 113–124. – EDN: SMHNTP.

Яницкий, О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания / О.Н. Яницкий // Социологическая наука и социальная практика. – 2018. – Т. 6. – № 1 (21). – С. 7-22. – EDN: YTPTYP. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>.

References

Babintsev V.P. Belgorod school of social technology researchers. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher education in Russia*. 2016; (2):132-136. (In Russ.).

Burmykina, I.V. Management of the formation and development of the socio-technological culture of a modern manager. *Belgorod: Izdatelstvo BelGU = Belgorod: BelSU Publishing House*; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-9571-0374-7.

Danakin N.S. Theoretical and methodological foundations of designing social management technologies. *Belgorod: Belgorodskii tsentr sotsialnikh tekhnologii = Belgorod: Belgorod Center for Social Technologies*; 1996. (In Russ.).

Dyatchenko L.Ya. Social technologies in the management of social processes. *Belgorod: Tsentr sotsialnikh tekhnologii = Belgorod: Center for Social Technologies*; 1993. (In Russ.).

Dyatlov A.V., Kovalev V. V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 70-91. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>.

Ilyenkova S.D., Kuznetsov V.I. Social management: An educational and methodological complex. *Moskva: Izdatelskii tsentr YeAOI = Moscow: Publishing Center of the EAOI*; 2008. (In Russ.).

Ivanov V.N., Patrushev V.I. Social technologies. A course of lectures. *Moskva: Moskovskii gosudarstvennii sotsialnii universitet «Soyuz» = Moscow: Moscow State Social University «Soyuz»*; 1999. (In Russ.). ISBN 5-7139-0126-2.

Kasavin I.T. Social technologies and social practices. *Epistimologiya i filosofiya. Nauka = Epistimology and philosophy. Nauka*. 2012; 31 (1): 52-55. (In Russ.).

Konishcheva E.V. Regulation of interactions of subjects of the educational space of the university in situations of professional and life difficulties. Abstract of the dissertation... cand. Sociol. n. Belgorod; 2023. (In Russ.).

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, health care. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2023; (7): 24-32. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>.

Lesina L.A., Zabokritskaya L.D. Social technologies of state and municipal management : a textbook. *Yekaterinburg: izdatelstvo Uralskogo universiteta = Yekaterinburg: Ural Publishing House University*; 2021 (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3291-5.

Markov M. Technology and effectiveness of social management: translated from English / Marko Markov; ed. and with a preface by T. V. Kerimova. *Moskva: Progress = Moscow: Progress Publ*; 1982. (In Russ.).

Modern Western Sociology : A Dictionary / Comp. Davydov Yu. N. and others. *Moskva : Politizdat = Moscow : Politizdat*; 1990 (In Russ.). ISBN 5-250-00355-9.

Shcherbina V.V. Social technologies: the history of the emergence of the term, the transformation of content, the current state. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2014; (7): 113-124. (In Russ.).

Social engineering: an educational and methodological guide for students of the Faculty of Sociology / V.S. Dudchenko, V.N. Ivanov, Yu.A. Kryuchkov, B.V. Matveev, V.I. Patrushev, I.L. Simonenko, O.A. Urzha, V.N. Shalenko, V.V. Shcherbina. *Moskva: MGSU «Soyuz» = Moscow: MGSU Soyuz*; 1997. (In Russ.).

Social technologies : an explanatory dictionary / edited by V.N. Ivanov (ed.) and others. *Moskva : Luch; Belgorod : Tsentri sotsialnikh tekhnologii = Moscow : Luch; Belgorod : Center of Social Technologies*; 1995. (In Russ.).

Social technologies: a textbook for universities / edited by I.B. Orlova. *Moskva: Yurait = Moscow: Yurait*; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-534-18568-3.

Stefanov N. Social sciences and social technology.: translated from English / pre-disl. and the general editorship of Doctor of Technical Sciences, prof. V. G. Shorin. *Moskva : Progress = Moscow : Progress Publ*; 1976 (In Russ.)

Surmin Yu. P., Tulenkov N. V. Theory of social technologies: Textbook. *Kiev : Mezhhregionalnaya akademiya upravleniya personalom = Kyiv : Interregional Academy of Personnel Management*; 2004. (In Russ.). ISBN 966-608-449-X.

Survey data is used fatally, catastrophically incorrectly. Interview with G. Kertman. FOM: Results of public opinion polls on politics, economics and everyday life of Russians 17.10.2013. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11132> (accessed 12.10.2025). (In Russ.).

Urzha O.A. Social engineering – methodology of socially oriented management. *Moskva: 4 Print = Moscow: 4 Print*; 2020. (In Russ.). ISBN: 978-5-6043731-4-9.

Van Vogt's nexialism, or the idea of the advantage of a generalist approach. Jan-Dexdzen. 27.04.2022 URL:<https://dzen.ru/a/YmkNNAf28lLu0Wxn?ysclid=m5gkuuc7ae989044560>. (In Russ.).

Yanitskiy O.N. On the problem of modernization of humanitarian knowledge. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2018; 6(21): 7-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>.

Дата получения рукописи: 13.10.2025
Дата окончания рецензирования: 18.11.2025
Дата принятия к публикации: 20.11.2025

Информация об авторах

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: babintsev@bsuedu.ru

Серкина Яна Игоревна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Дерин Максим Олегович – аспирант кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; e-mail: derin_m@bsuedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Babintsev Valentin Pavlovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: babintsev@bsuedu.ru

Serkina Yana Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: serkina_ya@bsuedu.ru

Derin Maxim Olegovich – Postgraduate Student of the Department of Social Technologies and Public Administration Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; e-mail: derin_m@bsuedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.6>

EDN SYXGQB

К вопросу о социальной стратификации университетского сообщества в условиях менеджериалистского управления

Олег Б. Томилин ¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева

г. Саранск, Россия

e-mail: tomilinob@mail.ru

Аннотация.

Введение. В настоящей статье проблемного характера рассмотрены результаты современной трансформации управления университетами в условиях «квази-рынка» образовательных, исследовательских, инновационных и иных услуг.

Методы. Методом исследования является критический анализ российских и зарубежных научных источников об менеджериалистском управлении высшими учебными заведениями в контексте финансовой модели ограниченных бюджетных ресурсов.

Результаты и их обсуждение. В статье обсуждены причины появления менеджериализма как метода управления университетами в условиях «квази-рынка» образовательных, исследовательских, инновационных и иных услуг. Показана объективность происходящей социальной стратификации университетского сообщества на управленческую элиту – салиариат и «прекаризованный слой» академического персонала (профессорско-преподавательский состав, научные работники). Новизной статьи является анализ происходящей самоидентификации управленческой элиты как социальной страты, созданной государством в бюджетной социальной сфере для функционирования социальных институтов в финансовой модели ограниченных средств. Статья может быть интересна для руководящих работников высшего образования и российского академического сообщества.

Ключевые слова: менеджериализм; социальная стратификация; салиариат; прекариат.

Для цитирования: Томилин О.Б. (2025). К вопросу о социальной стратификации университетского сообщества в условиях менеджериалистского управления. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 88-103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.6>

On the issue of social stratification of the university community in the context of managerial management

Oleg B. Tomilin¹

¹National Research Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: tomilinob@mail.ru

Abstract.

Introduction. This problem-focused article considers the outcomes of the contemporary transformation of university management within the "quasi-market" for educational, research, innovation, and other services.

Methods. The methodology involves a critical analysis of Russian and international literary sources related to the emergence and evolution of managerialism in university management under a financial model of limited budgetary resources.

Results and its discussion. The article discusses the reasons for the emergence of managerialism as a method of university management in the conditions of a "quasi-market" of educational, research, innovation, and other services. The article shows the objectivity of the ongoing social stratification within the university community, separating it into a management elite (the salariat) and a "precariat layer" of academic staff (professors, lecturers, researchers). The article's novelty lies in the analysis of the ongoing self-identification of the managerial elite as a social stratum, established by the state within the public social sphere to enable social institutions to function under a limited-funds financial model. The article may be of interest to higher education administrators and the Russian academic community.

Keywords: managerialism; social stratification; salariat; precariat.

For citation: Tomilin, O.B. On the Social Stratification of the University Community in the Context of Managerialist Governance. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 88-103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.6>.

Введение

Система высшего образования, будучи социальным институтом общества, подвергается значительным потрясениям, когда существенным образом изменяются социально-экономические основы функционирования социума. Эта сентенция в полной мере относится к деятельности российской высшей школы с 90-х годов прошлого века по настоящее время. Проблемы происходящих трансформаций усугубляются тем, что мировая высшая школа, начиная с последней четверти XX столетия, находится в поиске нового равновесного состояния, который связан с внедрением в ее деятельность финансовой модели ограниченных бюджетных ресурсов, что можно рассматривать как деятельность в условиях перманентного скрытого кризисного состояния. Поэтому «копирование» организационных, содержательных и управленческих практик извне с пока еще неизвестными перспективами осложняет принятие решений.

В сложившейся ситуации принципиально возможны два направления действий. Первое – это обращение к собственному прошлому, в котором все ясно и успешно. Такой формат действий можно назвать движением с головой, повернутой назад. Будущность этого подхода бесперспективна: «в одну и ту же воду нельзя войти дважды».

Второе – это поиск решений путем проб и ошибок. Такой формат действий, имеющий близкий горизонт видения, может быть сопоставлен с движением с завязанными глазами. Повязка на глазах – это отсутствие понимания фундаментальных тенденций функционирования общества постмодерна, к которым можно отнести формирование новой совокупности социальных страт, образующих социум.

Протекающая в обществе потребления социальная стратификация порождает новую систему интересов социальных страт, явные и латентные коллизии, возникающие в социуме, поиск форматов организации взаимодействия социальных страт в процессе их совместной деятельности. Процесс социальной стратификации захватил и современную высшую школу. Исследование фундаментальных закономерностей этого процесса, понимание которых может позволить построить эффективно функционирующую систему высшего образования, и является целью настоящей работы.

Социальные факторы перехода к менеджералистскому управлению

Степень удовлетворения потребностей членов общества обуславливается экономическими возможностями общественного производства. В индустриальном обществе уровень развития материального производства обеспечил не только высокую обеспеченность биологических потребностей членов общества, но также открыл возможность широкого потребления новых нематериальных продуктов, которые обеспечивали комфортность существования и жизнедеятельности человека и которые можно назвать услугами. Развитие производства услуг естественным образом требовало увеличения численности людей, занимающихся их выполнением. По данным Бюро статистики США доля работников сферы услуг, которых называют обслуживающим классом, в структуре рабочей силы постоянно возрастает и достигла в 2000 году величины 43,2%, тогда как доля работников материального производства (рабочий класс и сельскохозяйственные рабочие) составила только 26,7% (U.S. Bureau of the Census, 2000).

Производство нематериальных продуктов в виде разнообразных услуг превратилось в самостоятельную постоянно развивающуюся индустрию. Услуга, как заказ общества потребления, приобрела все признаки товарного продукта. Подобное социально-экономическое состояние общества является качественно новым, рождая ценностный паттерн, отличный от предыдущих этапов истории, что дало основания назвать это состояние общества обществом потребления.

Общество потребления сформировало свой запрос к социальным институтам, образованию, в частности. Этот запрос касался содержания образования как нематериального продукта. Появление такого запроса объективно: рост и становление нового социального класса требует *акцентированного образования* его членов. Проявлением данного запроса стал в 80-е годы XX века всплеск интереса к высшему образованию, положивший начало такому явлению как «массовизация» высшего образования. Число студентов к концу века существенно увеличилось, достигая 50% населения в европейских странах (Elton, 2008).

Резюмируя вышеизложенное, можно охарактеризовать запрос общества потребления к содержанию высшего образования. Это должно быть общекультурное образование, фактологическое изложение предметных знаний (набор известных

установленных фактов) без структурно-логических связей дисциплины (дополнительные факты доставляют многочисленные источники). В содержании подготовки кадров для обслуживающего класса естественным образом в значительной степени выпадает категория «знание», оставляя «умения», «навыки», «владение навыками».

«Массовизация» высшего образования и необходимость увеличения его бюджетного финансирования совпали во времени с нарастанием старения населения стран Европы, увеличением числа пенсионеров, жизнь которых обеспечивается обязательствами государства. Эти социальные процессы привели к дефициту бюджетных средств на полноценное поддержание нематериальных производств, который особо проявился в финансировании таких социальных институтов как высшее образование, здравоохранение, наука, культура.

Общие для мировой высшей школы экономические условия деятельности потребовали качественных изменений в управлении университетами (Carvalho, Videira, 2019), которые заключается в организации университетской деятельности в условиях финансовой модели сильно ограниченных средств. Мировая практика показывает, что произошло уменьшение финансирования большей части университетов с полного до лишь пятой части текущего бюджета (Davis, 2023). Состояние государственного недофинансирования высшего образования относительно заявленных обязательств сохраняется в настоящее время и в российской высшей школе (Двенадцать решений для нового образования, 2018). Новейшая история высшего образования показывает, что университеты продолжают функционировать и при недостаточном финансовом обеспечении, но только в инерционном состоянии. «При попытках вывести ее (систему – курсив наш) из этого состояния происходит разбалансировка системы, эффекты недофинансирования обостряются» (Двенадцать решений для нового образования, 2018, С.15). Финансовая модель сильно ограниченных средств может быть соотнесена со скрытым предкризисным состоянием организации. Это утверждение чрезвычайно важно, чтобы в дальнейшем понять содержание инструментария менеджмента высшими учебными заведениями.

Сокращение бюджетного финансирования высшей школы естественно в первую очередь состояло из исключения статей расходов на виды затрат с длительной фондоотдачей, к которым относятся расходы на поддержание и развитие инфраструктуры образовательной и исследовательской деятельности университетов. Этот очевидный шаг содержал не слишком скрытые угрозы. Конкуренция в исследовательской деятельности – это не только конкуренция «умов», в значительной степени это конкуренция оснащения деятельности «умов». Незрелость или отставание материально-технической базы превращает деятельность «умов» в генерацию обещающих догадок, а не осязаемых результатов. Современная материально-техническая база университетов – это среда, в которой происходит формирование компетенций в образовании и генерация открытий в исследованиях.

Отмеченные выше риски, безусловно, осознавались и принимались меры по их смягчению. Так, например, в 90-е годы в Европе в практике высшего образования появилась сетевая форма обучения (Networking Learning), как реализация идеологии открытых образовательных ресурсов, обеспечивающая коллективное поддержание

качества формируемых компетенций. В исследовательской деятельности схожую роль стали играть создаваемые и укрепляемые центры коллективного пользования уникального научного оборудования. Конечно, обещающие догадки в исследовательской деятельности могли быть превращены в результаты с помощью внешнего инвестора. Но реализация такого подхода обусловлена экономическим состоянием и возможностями соответствующих стейкхолдеров, что связано с экономическим состоянием государства в целом.

Сокращение бюджетного финансирования российской высшей школы усугублялось экономическими проблемами перехода к новому социально-экономическому укладу. Расхожий мем о лидерстве советского высшего образования не учитывал состояния инфраструктуры вузов, которое было не развитым и существенно устаревшим, особенно в региональных университетах. «Утечка умов», кроме всего прочего, в значительной степени определялась естественной потребностью ученых реализовать свои обещающие догадки. Осознание угрожающего состояния инфраструктуры российской высшей школы вызвало к жизни проекты создания статусных университетов: федеральных, национальных исследовательских, опорных. Выделяемые ресурсы целевым образом направлялись на модернизацию и развитие материально-технического оснащения образовательной и исследовательской деятельности.

Великобритания была первой европейской страной, в которой возникшая проблема финансирования социальных институтов, решалась путем бюрократического администрирования, направленного на повышение эффективности нематериального производства. Так, например, система высшего образования трансформировалась в «квази-рынок» образовательных и исследовательских услуг, предоставляемых университетами, за получение ресурсных инвестиций (государственных и иных). Полагалось, что повышение эффективности деятельности социальных институтов восполнит их бюджетное недофинансирование. Проводимая административная реформа получила название нового государственного управления NPM (new public management), представляя собой широкий набор успешных инструментальных процедур управления, заимствованных и адаптированных из корпоративного сектора экономики.

Однако различия в функционировании материальных и нематериальных производств, безусловно, породили проблему эффективности проводимой адаптации заимствованного управленческого инструментария в жизни социальных институтов. Благодаря этому, начальный период введения NPM характеризовался низкой результативностью проводимых реформ. Так, например, в работе (Briggs, 2006) показано, что создаваемая конкуренция за студентов в европейских странах не привела к серьезному «рыночному давлению» на университеты. На причины такого итога указывает образное классическое утверждение Р. Дима «Существует большая разница в управлении группой сотрудников на заводе и управлении преподавателями.... Попытка управления преподавателями – это как выпас стада кошек» (Deem, 2010).

Все это потребовало теоретического осмысления проблем адаптации управленческих практик, заимствованных из корпоративного сектора экономики (Osborn, Gaebler, 1992; Pollitt, 1992; Terry, 1998). В целом решение проблемы адаптации управленческих практик корпоративного сектора экономики наиболее полно

представлен в виде семи аспектов менеджмента в работах К. Худа (Hood, 1991; Hood, 2000). Эти семь аспектов с последующими дополнениями (Aucoin, 2005; Denhardt, Denhardt, 2015), представляемыми как NPM-2, не смогли полностью исчерпать проблему адаптации корпоративных практик в управлении государственными социальными институтами (Поспелова, Казакова, 2015). Однако, несмотря на существующие проблемы, опыт внедрения NPM дает основание определить менеджериализм как управление государственными социальными институтами в рамках финансовой модели сильно ограниченных средств. Длительность существования во времени такой формы управления с неизбежностью привело к становлению идеологии менеджериализма и специфических методов ее реализации.

Самоидентификация управленческих элит

Внедрение корпоративных практик управления в нематериальное производство потребовало своего адекватного кадрового обеспечения. Решение этой задачи также имело свои трудности, главной из которых являлось, как уже отмечалось выше, отсутствие обоснованной теории управления производства нематериальных продуктов нематериальными инструментами, знание которой должны применять в своей практике «новые менеджеры». Отдельные теоретические подходы, как теория организационной справедливости (Greenberg, 1987), качество управления (Fukuyama, 2013), неовеберианский нарратив (Pollitt, Bourcqueart, 2004) и т.д. пока не связаны в единую картину.

Задача кадрового обеспечения нового государственного управления в социальных институтах решалась привлечением в качестве менеджеров высшего звена специалистов из корпоративного сектора экономики и государственных органов. Формирование новых управленческих элит при таком подходе не требовало навыков практической работы в области, которой они руководили. Последнее обстоятельство становилось драйвером самоидентификации управленческих элит в социальных институтах государства как нового самостоятельного социального слоя (Jacoby, 1985), называемого в литературе салиариатом (Стэндинг, 2014). В современной литературе отмечалось, что появление управленческой элиты – это не просто появление новой технократической административной ортодоксальности (Ковалев, Дятлов, 2024; Deem, Vrehony, 2005). Это появление идеологии, соединяющей идеи и практики организации производства нематериальных услуги управления этой деятельностью под воздействием государства как основного бенефициара (Томилин, 2023; Томилин, 2024). Трансформация менеджериализма из нового инструментария управления социальными институтами в идеологический феномен поддерживается количественным ростом салиариата как социального слоя, обладающего легитимной властью, но прямо не оказывающего нематериальные услуги потребителю (Томилин, 2022; Farrell, Morris, 2003). Основная задача – безоговорочное выполнение воли учредителя. Этот новый социальный слой в отличие от обслуживающего класса в США идентифицируется как креативный класс, составляющий в 2000 году 30,1% всей рабочей силы (U.S. Bureau of the Census, 2000).

Отметим, что классовый характер социального слоя общества усиливается, когда осознание идеологической общности, пусть даже не провозглашаемой, дополняется собственными экономическими интересами. Основой для реализации собственных

экономических интересов управленческой элитой в случае высшего образования является право самостоятельного расходования внебюджетных средств университетов. Экономические интересы управленческой элиты при отсутствии собственности на орудия и средства производства реализуются обеспечением роста собственного благосостояния в виде роста заработной платы.

Эту тенденцию можно исследовать на основе ежегодной открытой информации о среднемесячной заработной плате руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров федеральных учреждений и федеральных государственных унитарных предприятий, подведомственных Минобрнауки РФ. Рассмотрены данные для 217 университетов, для каждого из университетов находилась среднемесячная зарплата управленческой элиты в 2021, 2022, 2023 гг. Для удобства анализа полученных данных все университеты разбиты на группы по институциональному статусу: федеральные университеты (ФУ), национальные исследовательские университеты (НИУ), нестатусные университеты (региональные университеты без ФУ и НИУ), классические университеты без ФУ и НИУ, профильные университеты без ФУ и НИУ, государственные автономные университеты, университеты Москвы и Санкт-Петербурга без ФУ и НИУ. Сводные данные представлены в таблице 1.

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно отметить следующее. Во-первых, во всех группах университетов за прошедшие 3 года в более чем 90% вузов произошло увеличение среднемесячной зарплаты членов управленческой элиты, несмотря на то, что в среднем на 4% увеличился ее состав. Во-вторых, среднее медианное значение роста среднемесячной зарплаты членов управленческой элиты лежит в интервале 18,1% – 32,6%. В-третьих, за три года рост расходов на содержание управленческой элиты в консолидированном бюджете классических и профильных университетов составил 25,4% – 27,6%.

Показанный материал однозначно свидетельствует об устойчивой реализации собственных экономических интересов управленческой элиты в процессе своей деятельности. Рост среднемесячной зарплаты управленческой элиты осуществляется за счет внебюджетных источников университетов. Однако объем внебюджетного финансирования деятельности университетов за рассматриваемых период времени вряд ли увеличился на такую же величину, на которую увеличилось среднее медианное значение роста среднемесячной зарплаты членов высшей администрации университета. Отмеченный опережающий рост может быть достигнут двумя путями: сокращением статей расходов и повышением уровня «эксплуатации» ППС (уровня переработки) путем введения в плановые задания разнообразных видов деятельности, приносящих доход.

Самоидентификация управленческих элит в высшем образовании привела к «пролетаризации» академического персонала в мировой высшей школе (Ylijoki, Henriksson, 2017), приобретая форму создания прекариата (Тощенко, 2015) – социальной страты с нестандартной и неустойчивой (неполной) занятостью и нестабильностью оплаты труда, определяемой эффективным контрактом (Курбатова, Донова, 2019; Ylijoki, Henriksson, 2017).

Таким образом, менеджериализм выводит на сцену высшего образования двух основных игроков: салиариат (управленческая элита) и прекариат (академический персонал). Причем эти игроки становятся равновеликими в количественном отношении:

так, например, в британских вузах 51% университетской рабочей силы работает на должностях, не связанных с академической деятельностью (Gibbs, Kharouf, 2022; Reed, 2022), в высшей школе России отмечается устойчивый количественный рост управленческой элиты (23,8% за период 2015-2021 гг.) и столь же устойчивое количественное уменьшение ППС (20,3% за период 2015-2021 гг.) и учебно-вспомогательного персонала (26,1% за период 2015-2021 гг.) (Воробьева, 2022).

Таблица 1. Динамика усредненных по группам университетов среднемесячных заработных плат руководителей, их заместителей и главных бухгалтеров за период 2021-2023 гг.

Тип университета	Кол-во	Кол-во университетов, увеличивших среднемесячную зарплату управленческой элите	Интервал изменения численности управленческой элиты, чел.	Интервал изменений роста средней месячной зарплаты в %	Среднее медианное значение роста среднемесячной зарплаты в %	Интервал изменения годовых расходов на содержание управленческой элиты с учетом отчислений в социальные фонды, млн. руб.	Рост расходов в бюджете университета на содержание управленческой элиты в %
Федеральные университеты	10	9 (90,0%)	9,2 – 9,8	2,6 - 89,0	19,9	43,883 – 59,685	36,0
Национальные исследовательские университеты	27	26 (96,3%)	8,3 – 8,6	0,4 - 110,2	18,1	53,417 – 69,404	29,9
Нестатусные государственные университеты	180	169 (93,9%)	7,3 – 7,3	0,2 - 97,5	23,3	28,766 – 36,509	26,9
Классические государственные университеты без ФУ и НИУ	70	65 (92,8%)	7,4 – 7,7	0,2 - 78,9	25,1	24,882 – 31,762	27,6
Профильные государственные университеты без ФУ и НИУ	110	104 (94,5%)	7,2 – 7,0	1,4 - 96,5	25,7	31,023 – 38,908	25,4
Автономные государственные университеты без ФУ и НИУ	34	32 (94,1%)	8,7 – 9,0	0,4 - 90,6	18,7	52,852 – 63,238	19,7
Университеты г. Москвы без ФУ и НИУ	22	21 (95,5%)	8,2 – 7,5	12,0 - 97,4	32,6	59,592 – 72,616	21,6
Университеты Санкт-Петербурга без ФУ и НИУ	13	13 (100%)	7,6 – 8,2	7,3 - 96,5	25,8	44,257 – 73,242	65,5

В то же время можно констатировать различие интересов выделяемых социальных страт в процессе совместной деятельности, что предполагает существование латентных классовых противоречий, которые в перспективе могут приобрести антагонистический характер. Так как отмечаемые социальные страты существуют на государственном поле, то именно государство может и должно стать инициатором создания и проведения в жизнь своеобразного общественного договора внутри социальных институтов. Безусловно, рамки и содержание такого договора является предметом отдельного обсуждения. Можно предположить, что сценой действия такого договора должен стать ученый совет университета как верховный орган власти в вузе. В настоящее время количественные пропорции представительства управленческой элиты и академического персонала в ученом совете весьма расплывчато формулируются в Уставе вуза, что позволяет превратить ученый совет в инструмент менеджериализма. Утверждением учредителем нормы 50 на 50 позволило бы, с одной стороны, обратиться к традиционным академическим свободам и, с другой, – повысить качество управления. Как указывалось выше, академическое сообщество претерпевает пластическую деформацию, порождая новые академические идентичности со своими собственными ценностными паттернами. Поэтому норма представительства академического персонала в ученом совете университета должна сопровождаться набором определенных качественных характеристик представителей.

Заключение

Автор любой научной статьи в заключение обязан обозначить **что** собой представляет содержание настоящей работы и **для кого** оно направлено. Очень часто все это представляется в аннотации дежурной фразой «статья интересна университетскому сообществу». Все как будто сказано верно, но в то же время не сказано ничего. Завершая настоящую статью, попытаюсь более или менее развернуто ответить на поставленные выше вопросы.

Наша жизнь, в том числе трудовая, достаточно скоротечна, но не исчерпывается мгновением. Развитие цивилизации стоит на том, что каждый человек каждый день заглядывает хоть немного в грядущее, чтобы существовать, как социальный субъект, в текущем времени. В этом нам способствуют знания о том, что было, что есть, которые помогают подумать над тем, что будет. Реальные образы будущего, даже если они не исполняются в полной мере, – это точки опоры, как жизни каждого человека, так и существования общества в целом. Эти общие рассуждения в полной мере относятся к определению человеком своего места в протекающих социально-экономических процессах.

Почти полувековая история применения менеджериализма в социальных институтах современного общества создали предпосылки для превращения команды «внешних управленцев» в устойчивую социальную страту, которая с течением времени стала оснащаться своей идеологией и инструментами поддержания своего благоденствия. Социальная страта стала приобретать черты социального класса. Это удивительный результат эпохи постмодерна, когда государство создает легитимную основу для идеологического и экономического взращивания новой идентичности в среде социальных институтов.

Но для сохранения системы высшего образования, как значимого социального института общества, необходимо понимать, что отмеченный процесс выделения в университетском сообществе социальных страт несет за собой клубок тех или иных противоречий разной степени остроты, которые уже сейчас находят свое место в университетской жизни.

Менеджериализм вряд ли приведет к освобождению академического сообщества от малоэффективных работников, в то же время он открыл возможности для рождения в университетской среде операционного ядра новых академических идентичностей путем «пластической деформации» традиционных ментальных ценностей. В литературе (Томилин, 2022; Lam, Campos, 2015) их определяют как *исследователь*, императив деятельности – «академическая свобода связана с глубокой преданностью научной работе, где работа – это жизнь, жизнь – это работа» (Ylijoki, Henriksson, 2017, с. 1299), *преподаватель*, императив деятельности – приверженность преподавательской работе, *штатный научный сотрудник*, императив деятельности – готовность и способность перейти от одного краткосрочного проекта к другому, от контракта на преподавание к контракту на НИР, *наемный работник широкого профиля*, императив деятельности – преданность своему научному коллективу, *академический фрилансер*, императив деятельности – создание посредством использования различных ресурсов признанного и привлекательного собственного бренда, имеющего спрос на рынке труда. Подобная дифференциация не связана прямо с возрастными или гендерными характеристиками, просто новые условия деятельности университетов активировало те или иные доминанты интеллектуального потенциала членов академического сообщества.

Происходящая дифференциация академической идентичности, во-первых, может рассматриваться, как движение к поиску нового равновесного состояния высшего образования. Во-вторых, трансформация академической идентичности может иметь большое практическое значение для совершенствования механизмов мотивации профессорско-преподавательского состава. Отмеченные оба результата, безусловно, необходимо относить к позитивным. Однако, с другой стороны, – дифференциация академической идентичности сдерживает создание новой идеологии работников операционного ядра университетов для эффективной деятельности в условиях нового равновесного состояния. В силу этого академическое сообщество пока не может выступать организованной силой по отношению к управленческой элите в деле создания эффективного управления высшим учебным заведением. Судя по литературе, профессорско-преподавательский состав, в основном, направляет свои интеллектуальные усилия на конъюнктурную адаптацию к методам действующего менеджериализма.

Теперь надо ответить, для кого предназначена настоящая работа. Так как высшее образование столкнулось в своем развитии с таким объективным феноменом общества постмодерна, как функционирование социального института в латентном кризисном состоянии, выход к новому равновесному состоянию, обеспечивающему устойчивое развитие, возможен только объединением интеллектуальных усилий всех работников системы высшего образования от министра до ассистента.

Литература

- Воробьева, И. В.* Социально-трудовое положение преподавателей вуза: элитные специалисты или потенциальные прекарии? /И.В.Воробьева // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31 (10). – С. 69–86. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-10-69-86>.
- Двенадцать решений для нового образования /Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. М.: Высшая школа экономики, апрель. – 2018 г. – 106 с.
- Ковалев, В.В.* Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение. / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Вестник университета. – 2023. – №7. – С. 24 – 32.
- Ковалев, В.В.* Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Наука, культура, общество. – 2024. – Т. 30 (2). – С. 37–50. – <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>.
- Курбатова, М. В.* Эффективный контракт в высшем образовании: результаты реализации проекта / М.В.Курбатова, И.В.Дронова // Journal of Institutional Studies. – 2019. – Т. 11. – С. 122–145. – <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145>.
- Поспелова, Е.А.* Препятствия для внедрения принципов New Public Management в государственных системах развивающихся стран. / Е.А. Поспелова, М.В. Казакова // Финансовый журнал. – 2015. – №1. – С. 99 –110.
- Стэндинг, Г.* Прекариат: новый опасный класс. / Г. Стэндинг. –М.: АдМаргинем Пресс. – 2014. – 328 с.
- Томилин, О. Б.* Отложенные проблемы университетского менеджмента: стратегическое измерение / О.Б.Томилин // Университетское управление: практика и анализ. – 2022. – Т. 26 (2). – С. 38–58. – <https://doi.org/10.15826/umpra.2022.02.011>.
- Томилин, О.Б.* Критический обзор эволюции практик университетского менеджмента / О.Б.Томилин //Университетское управление: практика и анализ. – 2023. – Т. 27(3). – С. 115–130. – <https://doi.org/10.15826/umpra.2023.03.027>.
- Томилин, О.Б.* Тупики университетского менеджмента: концептуальный анализ. / О.Б.Томилин // Университетское управление: практика и анализ. – 2024. – Т. 28 (1). – С.125–143. – <https://doi.org/10.15826/umpra.2024.01.009>.
- Тощенко, Ж. Т.* Прекариат – новый социальный класс / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3–13.
- Aucoin, P.* Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums / P. Aucoin //Governance. – 2005. - No 3(2). – P.115–137. – <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>
- Briggs, S.* An Exploratory Study of the Factors Influencing Undergraduate Student Choice: The Case of Higher Education in Scotland /S. Briggs //Studies in Higher Education. – 2006. – No 3. – P. 6705–6772.
- Carvalho, T.* Losing Autonomy? Restructuring Higher Education Institutions Governance and Relations Between Teaching and Non-Teaching Staff / T. Carvalho, P. Videira // Studies in Higher Education. – 2019. – No 44(4). – P. 762–773.
- Clarke, J., Newman, J.* The Managerial State: Power, Politics and Ideology in the Remaking of Social Welfare /J. Clarke, J. Newman. – London, Sage, 1997. – 192 p.

- Davis, G.* Why I Support the Deregulation of Higher Education. The Conversation. URL: <https://theconversation.com/glyn-davis-why-i-supportthederegulation-of-higher-education-36766> (дата обращения: 08.08.2025)
- Deem, R.* Management as Ideology: the Case of “New Managerialism” in Higher Education /R. Deem, K.J. Brehony // Oxford Review of Education. – 2005. – No 31(2). – P. 217–235. – <https://doi.org/10.1080/03054980500117827>.
- Deem, R.* Herding the Academic Cats / R. Deem // Perspectives, Policy and Practice in Higher Education. – 2010. – No 14(2). – P. 37– 43. – <https://doi.org/10.1080/13603101003776127>.
- Denhardt, J.V.* The New Public Service Revisited / J.V. Denhardt, B. Denhardt // Public Administration Review. – 2015. – No 75(5). – P. 45–50. – <https://doi.org/10.1111/puar.12347>.
- Elton, L.* Collegiality and Complexity: Humboldt’s Relevance to British Universities Today /L. Elton //Higher Education Quarterly. – 2008. – No 62(3). – P. 224 – 236.
- Farrell, C.* The “Neo-Bureaucratic” State: Professionals, Managers and Professional Managers in Schools, General Practices and Social Work /C. Farrell, J. Morris // Organization. – 2003. – No 10(1). – 129–156.
- Fukuyama, F.* What Is Governance? /F. Fukuyama //An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. – 2013. – No 26(3). – P. 347–368. – <https://doi.org/10.1111/gove.12035>.
- Gibbs, T.* The value of co-operation: an examination of the worker lation ships of university professional services staff and consequences for service quality / T. Gibbs, H. Kharouf // Studies in Higher Education. – 2022. – No 47(1). – P. 38–52. – <https://doi.org/10.1080/03075079.2020.1725878>.
- Greenberg, J.* A Taxonomy of Organizational Justice Theories / J. Greenberg //Academy of Management Review. – 1987. – No 12(10). – 9–22.
- Hood, C.* A public Management for all Seasons / C. Hood // Public Administration. – 1991. – No 69(1). – P. 5–19. – <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1991.tb00779.x>
- Hood, C.* Paradoxes of Public Sector, Old Public Management and Public Service Bargains / C. Hood // International Public Management Journal. – 2000. – No 3(1). – P. 1–22.
- Jacoby, S.* Employing bureaucracy: Managers, unions, and the transformation of work in American industry, 1900-1945 / S. Jacoby. – New York: Columbia University Press, 1985. – 245 p.
- Lam, A.* Content to be Sad» or «Runaway Apprentice»? The Psychological Contract and Careers of Young Scientists in the Entrepreneurial University /A. Lam, A. Campos // Human Relations. – 2015. – No 8(5). – P. 811–841. – <https://doi.org/10.1177/00187267145454483>.
- Osborn, D.* Reinventing Government. How the Enterpreneurial Spirit is Transforming the Public Sector / D. Osborn, T. Gaebler. – New York: Plume, 1992. – 405 p.
- Pollitt, C.* Managerialism and the Public Service: the Anglo-American experience / C. Pollitt. – Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1992. – 222 p.
- Pollitt, C.* Public Management Reform: A Comparative Analysis /C. Pollitt, G. Bourcqueart. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 345 p.
- Reed, M.* New Managerialism, Professional Power and Organizational Governance in UK Universities: a Review and Assessment. In: Amaral A., Jones G. A., Karseth B. Governing Higher Education: National Perspectives on Institutional Governance / M. Reed. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 163–185.

Terry, L.D. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement / L.D. Terry // *Public Administration Review*. – 1998. – No 58(3). – P. 195 –199. – <https://doi.org/10.2307/976559>.

U.S. Bureau of the Census, *Statistical Abstract of the United States: 2000*, Washington D.C., 2000.
 Ylijoki, O.-H., Henriksson L. Tribal, Proletarian and Entrepreneurial Career Stories: Junior Academics as a Case in Point / O.-H. Ylijoki, L. Henriksson // *Studies in Higher Education*. – 2017. – No 42(7). – P. 1292–1308. – <https://doi.org/10.1080/03045079.2015.1092129>.

Reference

Vorob'eva I.V. Social and Labor Status of University Teachers: Elite Specialists or Precariat? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2022; 31(10): 69-86. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-10-69-86>_(In Russ).

Twelve solutions for new education. Report of the Center for Strategic Research and the Higher School of Economics. *Moskva: Vysshaya shkola ekonomiki = Moscow: Higher School of Economics*, 2018; 106 p. (In Russ).

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta = University Bulletin*. 2023; 7: 24-32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. (In Russ).

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Nauka, kul'tura, obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2024; 30(2): 37-50. <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>. (In Russ).

Kurbatova M.V. Donova I.V., Effective Contract in Higher Education: Intentions and Outcomes. *Zhurnal institutsional'nikh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2019; 11(2): 122-145. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.2.122-145>. (In Russ).

Pospelova E.A., Kazakova M.V. Obstacles to implementation of new public management principles in government systems of developing countries. *Finansovyy zhurnal = Financial journal*. 2015; 1: 99-110. (In Russ).

Stending G. The Precariat: The New Dangerous Class. *Moskva: Ad Marginem Press = Moscow: Ad Marginem Press*, 2014; 328 p. (In Russ).

Tomilin O.B. Postponed Problems of University Management: A Strategic Dimension. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2022; 26(2): 38-58. <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.02.011>. (In Russ).

Tomilin O.B. Critical Review of the University Management Practices Evolution. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2027(3): 115-130. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.03.027>. (In Russ).

Tomilin O.B. Stalemates of University Managerialism: conceptional analysis. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2024; 28(1): 125-143. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.01.009>. (In Russ).

Toshchenko Zh.T. Precariat – a new social class. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Research*. 2015; 6: 3-13. (In Russ).

Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums. *Governance*, 2005; 3(2): 115-137, <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>_(In Eng).

- Briggs S. An Exploratory Study of the Factors Influencing Undergraduate Student Choice: The Case of Higher Education in Scotland. *Studies in Higher Education*. 2006; 31: 6705–6772.
- Carvalho T., Videira P. Losing Autonomy? Restructuring Higher Education Institutions Governance and Relations Between Teaching and Non-Teaching Staff. *Studies in Higher Education*. 2019; 44(4); 762–773.
- Clarke J., Newman J. The Managerial State: Power, Politics and Ideology in the Remaking of Social Welfare. London: Sage, 1997; 192 p.
- Davis G. Why I Support the Deregulation of Higher Education. The Conversation. URL: <https://theconversation.com/glyn-davis-why-i-support-the-deregulation-of-higher-education-36766> (дата обращения: 08.08.2025).
- Deem R., Brehony K. J. Management as Ideology: the Case of “New Managerialism” in Higher Education. *Oxford Review of Education*. 2005; 31(2): 217–235. <https://doi.org/10.1080/03054980500117827>.
- Deem R. Herding the Academic Cats. Perspectives, *Policy and Practice in Higher Education*. 2010; 14(2): 37-43. <https://doi.org/10.1080/13603101003776127>.
- Denhardt J.V., Denhardt B. The New Public Service Revisited. *Public Administration Review*. 2015; 75(56): 45-50. <https://doi.org/10.1111/puar.12347>.
- Elton L. Collegiality and Complexity: Humboldt’s Relevance to British Universities Today. *Higher Education Quarterly*. 2008; 62(3): 224-236.
- Farrell C., Morris J. The “Neo-Bureaucratic” State: Professionals, Managers and Professional Managers in Schools, General Practices and Social Work. *Organization*. 2003; 10(1): 129–156.
- Fukuyama F., What Is Governance? *An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 2013; 26(3): 347–368. <https://doi.org/10.1111/gove.12035>.
- Gibbs T., Kharouf H. The value of co-operation: an examination of the working relationships of university professional services staff and consequences for service quality. *Studies in Higher Education*. 2022; 47(1): 38-52. <https://doi.org/10.1080/03075079.2020.1725878>.
- Greenberg J. A Taxonomy of Organizational Justice Theories. *Academy of Management Review*. 1987; 12(1): 9-22.
- Hood C. A public Management for all Seasons. *Public Administration*, 1991; 69(1): 5-19. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9299.1991.tb00779.x>
- Hood C. Paradoxes of Public Sector, Old Public Management and Public Service Bargains. *International Public Management Journal*. 2000; 3(1): 1–22.
- Jacoby S. Employing bureaucracy: Managers, unions, and the transformation of work in American industry, 1900-1945. New York: Columbia University Press, 1985; 245 p.
- Lam A., Campos A. Content to be Sad» or «Runaway Apprentice»? The Psychological Contract and Careers of Young Scientists in the Entrepreneurial University. *Human Relations*. 2015; 68(5): 811–841. <https://doi.org/10.1177/00187267145454483>.
- Osborn D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. New York: Plume, 1992; 405 p.
- Pollitt C. Managerialism and the Public Service: the Anglo-American experience. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1992; 222 p.
- Pollitt C., Bourkeart G. Public Management Reform: A Comparative Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2004; 345 p.

Reed M. New Managerialism, Professional Power and Organizational Governance in UK Universities: a Review and Assessment. In: Amaral A., Jones G. A., Karseth B. Governing Higher Education: National Perspectives on Institutional Governance. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002:163–185.

Terry L.D. Administrative Leadership, Neo-Managerialism, and the Public Management Movement. *Public Administration Review*.1998; 58(3): 195-199. <https://doi.org/10.2307/976559>.

U.S. Bureau of the Census, Statistical Abstract of the United States: 2000, Washington D.C., 2000.
Ylijok iO.-H., Henriksson L. Tribal, Proletarian and Entrepreneurial Career Stories: Junior Academics as a Case in Point. *Studies in Higher Education*. 2017; 42(7): 1292–1308. <https://doi.org/10.1080/03045079.2015.1092129>.

Дата получения рукописи:14.08.2025

Дата окончания рецензирования:27.09.2025

Дата принятия к публикации:1.10.2025

Информация об авторе

Томилин Олег Борисович – кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой физической химии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия; e-mail: tomilinob@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Tomilin Oleg Borisovich – Candidate of Sciences in Chemistry, Associate Professor, Head of the Physical Chemistry Chair, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia; e-mail: tomilinob@mail.ru

The author declares no conflict of interests

Научная статья

УДК 316.354:351/354

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.7>

EDN TLEFFE

**Вниз по лестнице, ведущей вверх: заметки о настольной книге для реформаторов
госсектора****Осип А. Казанцев¹**¹Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: okazancev@sfnedu.ru

Аннотация. В статье представлена попытка возобновить обсуждение природы (содержания, семантики, понятия) того, что в академической литературе принято описывать через термины «менеджеризм», «менеджериализм», «новый менеджеризм», «managerialism», «NPM» («New Public Management») и т.д. Возобновление осуществляется благодаря последовательности из трех аналитических действий. На первом акте обосновывается неоднозначность, плюрализм и несогласованность в вопросе определения того предмета, который именуется множеством «менеджеристских» терминов. Обоснование приводится посредством обращения (и последующего сравнительного анализа) к исследовательским работам, так или иначе направленным на дефинитивное прояснение характера, причин и последствий реформ в общественном секторе от конца прошлого столетия. На втором акте производится рецензирование книги Д. Осборна и П. Пластрика «Управление без бюрократов. Пять стратегий обновления государства», которая в той или иной степени представляет собой стартовую точку в осмыслении, обосновании и проектировании реформирования внутри государственного управления. Публикация подобной рецензии (прежде отсутствовавшей в русскоязычной академической литературе) предположительно поможет инициировать критические и концептуальные усилия отечественного сообщества исследователей из сферы управленческих наук по дальнейшей проработке теоретического аппарата для осмысления пореформенного общественного сектора. На заключительном, третьем, этапе приводятся собственные доводы на основании обследованного дискурса и исследовательского рецензирования о том, как, зачем и каким образом можно определить, описать и использовать понятийно-терминологический конструкт «менеджеризм».

Ключевые слова: менеджеризм; идеология менеджеризма; менеджериализм; NPM; New Public Management; административные реформы; «управление без бюрократов»; бюрократия; постбюрократия.

Для цитирования: Казанцев О.А. (2025). Вниз по лестнице, ведущей вверх: заметки о настольной книге для реформаторов госсектора. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 104-143. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.7>

Down the Up Staircase: Notes on a Handbook for Public Sector Reformers

Osip A. Kazantsev¹

¹Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: okazancev@sfedu.ru

Abstract. The article presents an attempt to resume the discussion of the nature (content, semantics, concepts) of what is commonly described in academic literature through the terms «managerism», «managerialism», «new managerialism», «NPM» («New Public Management»), etc. The resumption is carried out through a sequence of three analytical acts. The first act substantiates the ambiguity, pluralism and inconsistency in the definition of the subject, which is designated by a variety of «managerial» terms. The rationale is provided by referring (and subsequent comparative analysis) to research papers aimed in one way or another at definitively clarifying the nature, causes and consequences of reforms in the public sector since the end of the last century. In the second act, we review the book «Banishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing Government» by D. Osborne and P. Plastrik, which to one degree or another represents a starting point in understanding, substantiating and designing public administration reform. The publication of such a review (which was previously absent in the Russian-language academic literature) is expected to help initiate critical and conceptual efforts by the Russian community of researchers from the field of management sciences to further develop the theoretical framework for understanding the post-reform public sector. At the final, third stage, their own arguments are presented on the basis of the examined discourse and research review on how, why and how the conceptual and terminological construct "managerialism" can be defined, described and used.

Keywords: managerism; ideology of managerialism; managerialism; NPM; New Public Management; administrative reforms; "banishing bureaucracy"; bureaucracy; post-bureaucracy.

For citation: Kazantsev O.A. (2025). The Down the Up Staircase: Notes on a Handbook for Public Sector Reformers. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 104-143. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.7>

Введение, или о *Sola Scriptura* для управленческих исследований

В конце 2024 г. состоялась седьмая всероссийская научно-практическая конференция о менеджеристском управлении (менеджеристских инструментах, идеологии менеджеризма и проч.) в российских социальных институтах (ИСИР ЮФУ провел..., 2024). Как и прежде, в ходе выступлений, вопросов и ответов, круглого стола и кулуарных бесед, даже при наличии докладов в защиту управленческих решений на основе менеджеризма (Вялых, 2025), все-таки common sense выступавших был иным и более-менее однородным. А именно managerialism, New Public Management, новый менеджеризм, менеджеристская идеология, новое публичное управление, новое государственное управление или иные синонимичные конструкции (которые здесь

будут сведены к одному-единственному термину «менеджеризм»⁸ трактуются, оцениваются и позиционируются (что в отечественном, что в зарубежном академическом сообществе) как сумма неудачных, вредных и дефектных реформ вместе с итогами и последствиями от последних, которые были инициированы правительствами в различных странах для обновления общественного сектора с конца 1980-ых гг. С одной стороны, подобное «сердечное» согласие (о котором еще будет сказано подробнее) представляет собой не самую худую ситуацию в пестром, плюрастическом и подвижном мире социальных наук, где консенсус — скорее исключение, чем правило. С другой же, сердечность не препятствует концептуальному диссенсусу среди скрытых, явных и противоречащих друг другу определений менеджеризма (коих столь много, что теряется однозначность порицаемого академическим миром предмета для многочисленных исследований). Переиначивая констатируемую некоторыми наблюдателями «методологическую травму» (Троцук, 2017, 248) как затруднение в однозначном, общепринятом и обоснованном концептуальном инструментарии, можно заметить следующее: травмирование в методе затемняется и замещается (почти по-психоаналитическому бессознательно) травмированной академической жизнью (Родионова, 2022), т.е. формализованным, несвободным и проч. пореформенным «несчастливым сознанием» преподавателя-исследователя. Но подобное интересубъективное единство в чувстве ни на йоту не позволяет приблизиться к единообразному, понятийному и рациональному пониманию исследовательского объекта⁹.

Обозначенное положение дел в теории управленческих наук, в т.ч. внутри социологии управления, указывает на желательность продолжения концептуальной работы касательно менеджеризма. В конце концов, даже самое утонченное эмпирическое исследование может разразиться холостым выстрелом мимо поставленной цели, если используемые концептуальные (аналитические, понятийные, когнитивные и т.д.) инструменты имеют «вычислительную» погрешность. Поэтому периодически необходимо производить ревизию в понятийно-аналитическом инструментарии, используемом исследователями. В свое время подобное осуществил Р. Брубейкер в отношении понятия «идентичность» в исследованиях этнических групп и конфликтов между ними (Брубейкер, 2012). Не стараясь повторить «реформатора» социологии

⁸ Не будем на страницах данного исследования подробно останавливаться на том, в какой степени синонимичны, различны или сопоставимы «managerialism» и «NPM» в зарубежном академическом дискурсе, из которого подобные терминологические конструкты и происходят. Обращение внимания в расширенной исследовательской рецензии еще и на подобный вопрос без всякой необходимости увеличит совокупный объем страниц (притом качественно не углубит конечный ответ на заявленный вопрос). Поэтому учитывая, с одной стороны, ситуацию в отечественном дискурсивном пространстве (где данные семантические единицы попросту тождественны), а также обращая внимания на спутанное словоупотребление внутри зарубежной аналитической литературы (Shepherd, 2017, 1672; Eagleton-Pierce, 2020, 773), изберем стратегию синонимии между менеджеризмом и «новым публичным управлением» («новым государственным управлением» и проч.) для упрощения собственной аналитики.

⁹ С. Ярос указывает на нечто аналогичное в зарубежном исследовательском дискурсе о менеджеризме. И так же подчеркивает, что несмотря на ценностное и эмпирическое согласие в понимании последствий менеджеризации, значимо возродить концептуальные и теоретические дискуссии о сути менеджеристской идеологии. В т.ч. для эффективной борьбы с однозначно оцениваемыми прискорбными итогами от осуществления подобной политики: «...отсутствие противоречий между этическим и эмпирическим подходами к менеджеризму можно было бы приветствовать в исследовательском сообществе, часто охваченном междоусобной борьбой. Но я не верю в полезность подобного [бесконфликтного] состояния» (Jaros, 2017, 8). Прим.: перевод собственный.

этносов, попробуем возобновить желаемую концептуальную работу для менеджеристского дискурса. И сделаем это в следующем формате: произведем два стартовых аналитических шага внутри заявленного дискурсивного поля, после чего подойдем к собственным гипотезам касательно разыскиваемой дефиниции.

Во-первых, попробуем «подсветить» заявленное интерпретационное множество вокруг понятийного содержания для менеджеризма, включенного в изучение современных пореформенных институтов образования, здравоохранения и не только. Во-вторых, попытаемся выкристаллизовать некоторое если не эталонное, то стартовое определение для обозначенного предмета, исходя из работы Д. Осборна и П. Пластрика «Управление без бюрократов. Пять стратегий обновления государства» (Осборн, 2001)¹⁰. Ведь последняя зачастую выступает каноническим, конвенциональным и стандартным источником в академическом дискурсе о менеджеризме и реформах на основе указанной идеологии¹¹.

В конечном счете обращение к обозначенной текстовой эмпирике в жанре рецензии значимо еще и потому, что при столь частых упоминаниях и цитированиях, труд Д. Осборна и П. Пластрика так и не попал в сколь-нибудь пристальное исследовательское рассмотрение на русском языке¹². В той или иной степени на данную и предшествующую работы ссылаются: Е.А. Капогузов (Капогузов, 2019, 34)¹³, А.В. Оболонский (Оболонский, 2014, 149)¹⁴, И.Н. Баранов (Баранов, 2012, 54–55)¹⁵, Д. Рэвич

¹⁰ «Vanishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing Government» на языке оригинала вышла в 1997 г.

¹¹ Вместе с другой, более ранней книгой Д. Осборна и Т. Гэблера «Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector», 1992 г. издания.

¹² В отличие от зарубежного дискурса, где наличествует не мало рецензий и на рассматриваемый труд, и на предыдущую работу Д. Осборна уже с Т. Гэблером, например: П. Ду Гай (Du Gay, 1993), Дж. Мартинес (Martinez, 1993), М. Макдональд (MacDonald, 1995), Ч.М. Миллер (Miller, 1998), Д. Баракси (Baracska, 1998) и др.

¹³ «[В 1992 г.] была сделана попытка описать... лучшие практики в общественном секторе США Д. Осборном и Т. Гэблером в работе "Открытие государства заново: как предпринимательский дух трансформирует общественный сектор". Эта книга не только дала серьезный импульс к внедрению лучших практик, особенно на муниципальном уровне, во многих странах, в том числе в ряде стран континентальной модели государственного управления, но и способствовала дальнейшей конвергенции менеджмента частного и общественного секторов и применению технологии бенчмаркинга в общественном секторе. Предполагалось как использование опыта лучших организаций общественного сектора, так и сравнение деятельности конкретных организаций с лучшими практиками в данной сфере деятельности».

¹⁴ «...волна перемен пришла на 1990-е гг. В политическом плане она связана, прежде всего, с деятельностью Комиссии по преобразованию государственного управления ("Reinventing Government") под председательством и при активном участии в ее повседневной работе вице-президента Э. Гора. В плане идейном ее основой стала вышедшая в 1992 г. и буквально сразу возведенная в ранг классики книга "Reinventing Government" Д. Осборна и Т. Гэблера».

¹⁵ «В случае США мы имеем дело с вариацией НГМ, известной как "Reinventing Government" "переосмысление деятельности исполнительных органов власти", или, в одном из вариантов перевода, "перестройка правительства" по названию книги Д. Осборна и Т. Гэблера. Эта книга сыграла ключевую роль в популяризации идей НГМ, причем не только в Соединенных Штатах, но и далеко за их пределами. По своему жанру, это обобщение лучших практик управления в общественном секторе — традиция, заданная в управленческой литературе еще Т. Питерсом и Р. Уотерменом десятью годами ранее. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что книга Осборна и Гэблера сыграла для общественного сектора ту же роль, что трактат Питерса и Уотермена для частного бизнеса. Более того, она стала символом первой президентской кампании Б. Клинтона, а ее выводы обрели статус официальных рекомендаций по повышению эффективности государственного сектора».

(Ravitch, 2011, 14–15)¹⁶, Х.Л. Шахтэр (Schachter, 2008, 265–266)¹⁷, К. Худ (Hood, 2000, 3)¹⁸ и др.

Выход из сада расходящихся интерпретаций: от множественного менеджериализма к «заводским настройкам» по обновлению государственного управления

Метафорически предлагая *Sola Scriptura* как обращение к «писанию» реформаторов госсектора (в терминологии Д. Осборна и П. Пластрика – «инноваторов») за поиском семантического значения и смысловых характеристик у понятия менеджериализма, разворачиваемое исследовательское рецензирование можно описать переименованным заглавием известного романа Беллы Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз» (Кауфман, 1989): вниз по лестнице, ведущей вверх. А именно: необходимо спуститься хронологически и концептуально «вниз», т.е. вернуться назад в сложившемся академическом дискурсе с цветущим множеством интерпретаций, чтобы увидеть если не лес за деревьями, то корни за пышной кроной и древесным стволом. Опять же тщательное прочтение «Управление без бюрократов» может и не дать эталонного определения, но точно послужит полезной материей для дальнейших размышлений и обсуждений. Так или иначе прежде «подкопа» к «корням» посмотрим в «крону», дабы

¹⁶ «И администрация Буша, и администрация Клинтона выступали за рыночные реформы в общественном секторе, включая дерегулирование и приватизацию. Билл Клинтон и "новые демократы" отстаивали "третий путь" между ортодоксальной политикой левых и правых. Представители обеих партий цитировали работы Дэвида Осборна и Теда Гэблера "Reinventing Government" как руководство по сокращению бюрократии и внедрению предпринимательства в правительство. Через 10 месяцев после своей инаугурации президент Клинтон поручил вице-президенту Альберту Гору разработать способы "переосмысления" федеральной бюрократии, и он это сделал. С помощью Дэвида Осборна Гор создал the National Partnership for Reinventing Government, целью которого была адаптация методов управления частным сектором к сектору общественному. Многие из его рекомендаций касались приватизации, сокращения рабочих мест и реализации соглашений о результатах деятельности, в соответствии с которыми учреждения получали бы независимость от нормативных актов в обмен на достижение целевых показателей». Прим.: перевод собственный.

¹⁷ «Теории измерения эффективности могут отводить ключевую роль политике или экспертным знаниям. Если политика является центром принятия решений, то задача измерения состоит в следующем: предоставить информацию, которая поможет агентству соответствовать процессам, результатам и развязкам, которые политическая система считает важными. Методы измерения, в таком случае, должны изменяться в соответствии с целями системы. Если точкой опоры является сама техника, то политические деятели должны формулировать цели с учетом измеримости той или иной переменной. В течение последних 25 лет теоретики и практики НПМ придерживались аполитичной теории измерения. В различных работах, посвященных переосмыслению государственного управления, Дэвид Осборн и его коллеги превозносили оценку эффективности как "важнейшую компетенцию" и указывали, что она играет "центральную роль в процессе переосмысления" [переизобретения, перестройки, обновления и др.]. Хотя они никогда точно не определяли, что они подразумевают под политикой, сторонники НПМ предостерегали администраторов, чтобы измерения оставались политически независимыми, свободными от "примеси" политики. Они хотели, чтобы измерение эффективности "рационализировало бюджетный процесс, заменив политику фактами и цифрами". Аполитичная система оценки была важна, поскольку "политика фокусируется на восприятии и идеологии, а не на результатах". Политический процесс сводит на нет объективность — качество, которое, по мнению сторонников НПМ, широко распространено в частном секторе. Действительно, Осборн и Гэблер призвали правительства повысить объективность, поручив разработку показателей эффективности частным фирмам». Прим.: перевод собственный.

¹⁸ «Общепринятым считается утверждение, что необходимость изменения систем государственного управления [или управления общественным сектором] обусловлена требованиями международной конкурентоспособности и представляет глобальный набор общепринятых идей об институциональном устройстве и передовой управленческой практике. Такие заявления часто выдвигаются сторонниками реформ и являются постоянной темой в трудах ОЭСР. Они же фигурируют в хорошо известном труде Осборна и Гэблера, где заявляется о появлении новой "глобальной парадигмы", а также часто встречаются, хотя и в более квалифицированной форме, в работах более серьезных исследователей». Прим.: перевод собственный.

понять: в чем проблематичность понятийных и дефинитивных рамок среди актуального дискурса о менеджеристве?

Начнем с определений отечественных исследователей. В.В. Ковалев и А.В. Дятлов указывают, что «[м]енеджеризм — это идеология эффективности. Вокруг этой категории разворачиваются ее этические постулаты... [например] конкурентность, деловая активность, готовность к переходу на смежные (более выгодные) специальности, монетизация целей профессиональной деятельности и т.п.» (Ковалев, 2023, 29). Там же авторы добавляют, что «[р]аботник, придерживающийся менеджеристских ценностей, отдален от образа классического профессионала. Для него профессия уже не выступает делом всей жизни. Это место заработка, которое можно легко сменить, если такой ход будет сочтен экономически целесообразным. Однако данная система трудовых ценностей имеет свои последствия. В силу разных причин навязывание менеджеристской идеологии профессионалам влечет за собой ряд крайне негативных тенденций. Обратной стороной ее распространения выступают деформация профессиональной этики, рост имитационных практик, депрофессионализация, снижение социальной ответственности, потеря общественными организациями своего социального предназначения, инверсия качества производимых услуг» (Ковалев, 2023, 29). Интерес здесь представляет то, что менеджеристская идеология понимается как привнесение в жизнь и деятельность коллектива, его управленцев и рядовых работников рыночных ориентиров и бизнес-ценностей. Иначе говоря, в цитируемой статье менеджеризм предстает как идеологический императив «орыночивания» (маркетизации, коммодификации и проч.) для прежде нерыночного институционального и организационного пространства.

Конечно, нельзя не уточнить, что в указанной же статье есть и еще одна «точка сборки» для понятия менеджеризма¹⁹: «[к]оличественные показатели становятся основой, на которой выстраиваются иные компоненты менеджеризма. На этом каркасе размещаются две структурные части: де бюрократизация управления и применение рыночных элементов в профессиональной деятельности» (Ковалев, 2023, 27). Подобное суждение можно представить как еще одно и, на первый взгляд, более основательное определение менеджеристской идеологии в виде формулы «менеджеризм = внедрение количественных показателей + де бюрократизация + применение рыночных элементов в профессиональной деятельности». Более основательное по отношению к предыдущей дефиниции для рассматриваемого объекта в указанной статье, где менеджеристская идеология — это «дрейф» рыночных по происхождению ценностей в нерыночные институты и внерыночные организации. Но подобная основательность оказывается относительной, ведь поначалу кажущееся присутствие «рыночного определения» в «определении широком» почти что диалектически переворачивается в историческом фрагменте внутри исследования В.В. Ковалева и А.В. Дятлова: «[и]стоки менеджеристской идеологии проистекают от вполне прагматичного основания — повысить эффективность работы коммерческих организаций... Бизнес вышел из режима ручного управления, и даже сам собственник крупного капитала уступил место за управленческим пультом своей корпорации эффективным менеджерам... В таких

¹⁹ Которое используется нами в собственных исследованиях (Казанцев, 2025, 67–68).

условиях на передний план вышли, во-первых, создание оптимальной модели управления, чтобы избежать дублирования полномочий и образования неэффективных структур, во-вторых, поиск новых инструментов стимулирования работников, которые позволили бы решить проблему отчуждения и непосредственно связанной с ней низкой мотивацией труда. Выбор в пользу менеджериализма связывается именно с решением проблемы мотивации» (Ковалев, 2023, 26–27).

Данная пространная цитата не просто извлекает из рассматриваемой статьи пассаж о генезисе менеджеристской идеологии, но и представляет еще одну вариацию для дефиниции к данному понятию. И все это – только в рамках одного текста. Почему можно утверждать о наличии еще одного определения, не сводимого к двум предыдущим? Первая дефиниция (далее возникающие определения как в исследовании В.В. Ковалева и А.В. Дятлова, так и других авторов будем указывать в порядковой последовательности через следующие обозначения: «менеджеризм 1», «менеджеризм 2», «менеджеризм 3» и далее), т.е. «менеджеризм 1», указывает на процесс уподобления функционирования некоторого института, суммы организаций, ее сотрудников и управленцев, рыночным отношениям. Вторая, т.е. «менеджеризм 2», включает более емкий понятийный объем: перевод некоторой институциональной и организационной деятельности на язык количественных показателей и внедрение дебиюрократизации и рыночных элементов как инструментов реализации квантификации. Представленный же отрывок показывает еще одну грань в семантической и концептуальной палитре по осмыслению менеджеристского предмета: на менеджеризм («менеджеризм 3») как специфическую оптимизацию производственной деятельности в крупных коммерческих компаниях. Или, привнося «художественное сжатие» для цитаты выше, «приручение» усложнившегося и расширившегося функционирования компаний. То, что подобная характеристика «тянет» именно на определение, подтверждается следующим фактом: авторы вводят дополнительный конструкт, «государственный менеджеризм» (Ковалев, 2023, 27). Не столь важно в настоящем контексте, какие родовидовые, общие и различные, черты есть между государственным и негосударственным менеджеризмом, но постулирование первого придает основательности в выделении еще одного определения для менеджеристской идеологии («менеджеризм 3»).

Статья В.В. Ковалева и А.В. Дятлова эвристически еще более содержательна, чем представлено выше, но необходимо указать и на других исследователей, которые тоже и по-своему постарались справиться со сложностью, доходящей до таинственности в пореформенном государственном управлении (общественным сектором). Или, выражаясь словами одного из пионеров в исследованиях менеджеризма²⁰, К. Худа, до

²⁰ Для создания нужного контекста касательно сложности в идентификации менеджеризма (или «новой государственной политики» и т.д.), обратимся к отрывку из статьи И.Н. Баранова с изложением идей К. Худа и Г. Питерса по этому поводу: «[к]ратко описывая три этапа развития НГМ в начале статьи, авторы обращают внимание на его относительно некодифицированность... которая, наряду со значительной ролью практиков в формулировании и распространении его идей, привела к превращению НГМ в своего рода религиозное учение. Продолжая эту аналогию, Худ и Питерс отмечают, что на начальном этапе "новый государственный менеджмент превратился в нечто мистическое — невозможно было найти двух авторов, которые предложили бы один и тот же набор принципов". Ситуация изменилась к концу 1990-х гг., когда образовалась критическая масса исследований, формализующих НГМ, привязывающих его к хорошо знакомым ученым дисциплинарным подходам. Эти подходы и стали инструментами критического анализа ряда непредвиденных, а часто и противоположных ожидаемым, эффектов (парадоксов) НГМ, которым посвящена основная часть статьи» (Баранов, 2012, 56). Констатируя общую ситуацию в дискурсе о менеджеризме, сам автор указывает на следующее: «[е]диной теории НГМ не существует

чего-то «мистического» (Баранов, 2012, 56). Для расширения дефинитивного ряда и демонстрации отсутствия концептуального единства в понимании предмета у целого списка авторов, обратимся к исследованию за авторством В.В. Вольчика, М.А. Коротцева и Е.В. Маслюковой: «[и]деология менеджери́зма подразумевает реализацию комплекса управленческих технологий, направленных прежде всего на формирование совокупности показателей, фиксирующих результаты работы организаций в общественном секторе... разработка и применение подобных управленческих технологий и инструментов были обеспечены во многом благодаря развитию ряда неолиберальных теорий экономической науки, обосновывающих эффективность выбора в общественном секторе... технологии нового менеджери́зма представляли собой, по сути, прикладные управленческие механизмы, основанные на этих теоретических концептах» (Вольчик, 2019, 16–17). Несмотря на то, что в приведенном определении есть общие параметры с одной из версий дефиниций для менеджери́зма внутри работы В.В. Ковалева и А.В. Дятлова (а именно с «менеджеризмом 2»), все же представленный отрывок скорее вводит еще одно самостоятельное понятие – «менеджеризм 4». В последнем менеджеристская идеология предстает как практическая политика для осуществления теоретических идей из неолиберализма. Иначе говоря, менеджери́зм есть реализация на практике неолиберальных идей.

Основная проблема в подобного рода определении состоит в том, что неизвестное определяется через неизвестное. Или, как минимум, неизвестное стараются понять через спорное. Так, например, Р. Капелюшников прослеживает способы, генезис и контексты употребления для концепта (гипотезы, понятия, термина и проч.) неолиберализма, обосновывая и демонстрируя идеологизированность, неопределенность и абстрактность последнего (Капелюшников, 2022). Разумеется, можно указать на то, что исследователь не объял все теоретические²¹ и практические²² источники для генерирования в эмпирической реальности того объекта, который терминологически и описывается неолиберальной конструкцией. Но не учитывать достаточно внятной и явной сложности в использовании концепта неолиберализма для производства концептуальной внятности и смысловой явности при определении менеджери́зма после выхода работы Р. Капелюшникова невозможно. Тем более что в недавних исследованиях (Матвеев, 2025) неолиберальная парадигма если и понимается как нечто реальное, то уже в режиме прошедшего времени. Поэтому определять менеджеристский предмет как актуальное явление через феномен спорный, идеологизированный и, возможно, отбывший свое – стратегия не самая перспективная. Так или иначе пройдем далее по «рынку дефиниций» для менеджеристского феномена.

К примеру, Е.А. Капогузов, опираясь на упомянутого ранее К. Худа и частично

ни в одной из дисциплин, изучающих это движение (экономика, политические науки, социология, теория организации и т.д.). Теоретические построения, касающиеся идей нового государственного менеджмента, представлены множеством источников, часто конфликтующих друг с другом по своим положениям» (Баранов, 2012, 57).

²¹ Например, вне рассмотрения Р. Капелюшникова остается интеллектуальная реконструкция неолиберальных идей и движений, совершенная К. Слободяном (Slobodian, 2025).

²² Вне рассмотрения остались нетрадиционные и малоизвестные имена в истории политического становления неолиберальной политической доктрины, к примеру, Л. Пауэлл (Дэвид Харви..., 2016).

солидаризируясь с некоторыми аспектами из «менеджеризма 2»²³ и «менеджеризма 4»²⁴, предлагает следующее определение: «НГМ предполагал активное применение опыта частного сектора, в особенности инструментов, повышающих экономическую эффективность использования бюджетных ресурсов... Специфика реализации менеджеристского инструментария заключалась в необходимости его "пакетного применения", что объясняется взаимосвязанностью и логической последовательностью предпринимаемых мер. Это касается всех подсистем государственного управления: бюджетирования, управления персоналом, процессами, программами и проектами, маркетингом, отчетностью и др.» (Капогузов, 2023, 127–128). Среди ключевых инструментальных элементов для (реализации) идеологии менеджеризма исследователь указывает: управление по результатам; бюджетирование, ориентированное на результат; подотчетность на разных уровнях; принципы проектного финансирования и стратегического планирования в деятельность государственных органов; механизмы конкуренции, как реальной, так и квазиконкуренции; философия «служения обществу», т.е. принципы сервисного государства (Капогузов, 2023, 128–129).

Заявленное Е.А. Капогузовым можно «упаковать» в еще одну дефиницию для менеджеризма, в «менеджеризм 5». А именно менеджеристская идеология предстает в таком фокусе как одновременное и одномоментное внедрение в государственный сектор набора рыночных, квазирыночных и не только управленческих технологий. Пусть исследователь и указывает на открытость перечня для самих технологических единиц, тем не менее акцент делается на «пакетность», одновременность (как не поэлементное, а единовременное и комплексное внедрение) и специфичность внедряемых элементов в управление госсектором. Далее перейдем к представителям зарубежного дискурса, внося последние звенья в цепь интерпретаций менеджеризма.

С. Ярос, так же, как и Е.А. Капогузов, отмечает более и менее расширенные трактовки к понятию менеджеристской идеологии²⁵, но выделяет более-менее общую формулу для предмета рассмотрения. А именно в подобном определении («менеджеризм 6») указанный идеологический конструкт представляет веру в возможность использования особых методов и технологий для повышения эффективности управленческих решений и деятельности некоторой организации в целом, а также указывает на уникальную роль менеджеров во внедрении и использовании такого рода методик (Jaros, 2017, 1). Притом особый смысловой и теоретический оттенок в подобной

²³ В том смысле, что и «менеджеризм 2», и дефиниция Е.А. Капогузова предполагают перенос рыночных элементов из частного сектора в сектор государственный, т.е. некоммерческий.

²⁴ Солидаризируясь в разрезе тех теоретических оснований, на которых произведен менеджеризм (и «новый государственный менеджмент», который у Е.А. Капогузова, так же, как и в настоящей статье и не только, ставится в отношении синонимии с термином «менеджеризм»; или, по крайней мере, в отношении на концептуальном уровне близко подходящие к тождественности), пусть и не обозначая их как неолиберальные.

²⁵ Правда, для Е.А. Капогузова «расширенная» и «узкая» версии менеджеризма различаются по своему теоретическому основанию (во второй вариации доминирует только теории общественного выбора, в первой — помимо указанного, еще и различные социологические, политологические и проч. концепции и подходы). Для С. Яроса критерий различения двух менеджеризмов лежит в ином, а именно в мощности воздействия у данной управленческой идеологии: экспансивный подход (Jaros, 2017, 3–4) к менеджеристскому феномену описывает последний как доминирующий дискурс в глобальном обществе, который необходимо аналитически демаскировать и этически осудить, а подход сфокусированный (Jaros, 2017, 6) ставит под сомнение гегемонистский характер у подобного предмета изучения и предлагает эмпирически исследовать различные институциональные и организационные формы, подвергшиеся менеджеризации.

версии определения уделяется сокращению свободы действий работников на фоне роста автономии менеджмента (Jaros, 2017, 1). Отдельно стоит отметить, что исследователь прочерчивает генетическую связь между менеджериализмом и неолиберализмом, как и в определении «менеджеризм 4» (Jaros, 2017, 2).

М. Иглтон-Пирс, в свою очередь (во вводной статье к специальному выпуску *Review of International Political Economy*, посвященному исследованиям менеджериализма с т.з. политэкономии), соучаствует в выработке еще одного, самостоятельного и самодостаточного, определения для менеджеристского предмета. С одной стороны, как и в дефинитивных образцах выше («менеджеризм 4», «менеджеризм 5», «менеджеризм 6»), исследователь прослеживает и диагностирует определенные связи между менеджериализмом и неолиберализмом (Eagleton-Pierce, 2020, 765)²⁶. Хотя и указывает, стоит отметить, на опасность слишком прямолинейных интерпретаций «неолиберализм порождает менеджеризацию» (Eagleton-Pierce, 2020, 767). С другой, менеджеристское управление (как и в «менеджеризм 3», и в «менеджеризм 6») тоже понимается как нечто, присущее не только лишь общественному, но и коммерческому (частному, «образцово» рыночному) сектору (Eagleton-Pierce, 2020, 773). Так или иначе М. Иглтон-Пирс выделяет «базовый смысл», т.е. некоторое абстрактное основание для концепции менеджериализма: это те процессы, благодаря которым управленческие идеи и практики распространяются во времени (Eagleton-Pierce, 2020, 767). Данный «базовый смысл» сходен с «менеджеризмом 5» как идеологическом производством здравого смысла о том, что миром можно и нужно управлять посредством рациональных, эффективных и технократических решений (Eagleton-Pierce, 2020, 768). Подобное идейное основание для менеджеристского предмета, трактуемого в самом широком из возможных вариантов, допустимо свести к простой формулировке: первичной установке об управляемости как чем-то самом по себе разумеющемся (Eagleton-Pierce, 2020, 768). Добавляя так же к базовому смыслу менеджериализма такие атрибуты, как рационализм и стремление к контролю (Eagleton-Pierce, 2020, 768), М. Иглтон-Пирс проблематизирует понимание менеджеристского предмета в исследовательском дискурсе. Ведь указанные характеристики зачастую принимаются за чистую монету и не подвергаются критическому осмыслению (Eagleton-Pierce, 2020, 769)²⁷. В связи со сказанным становится невозможным привнести историческое измерение и концептуальную локализацию при изучении конкретных проявлений менеджериализма (Eagleton-Pierce, 2020, 769).

²⁶ Но показательно, что автор так же отмечает сложность, чрезмерную универсальность и разномастность подходов к пониманию с множеством оттенков значения при определении менеджериализма в академической литературе (Eagleton-Pierce, 2020, 764).

²⁷ Подобную критическую установку полезно сопоставить с аналогичной в предлагаемой и конструируемой методологии по изучению этничности (этносов, этнических конфликтов, интеграции этноцентрированных сообществ и т.д.) Р. Брубейкером: «...участники конфликтов регулярно представляют этнические, расовые и национальные конфликты в группистских, даже примордиалистских терминах. Они часто воспринимают этнические группы, расы или нации как действующих лиц (героев и мучеников) соответствующих столкновений. Но это не означает, что аналитики должны поступать так же. Мы должны, конечно, серьезно относиться к расхожим категориям и представлениям участников, поскольку они отчасти составляют объекты исследования. Но мы не должны некритически принимать категории этнополитической практики в качестве собственных категорий социального анализа» (Брубейкер, 2012, 27).

В свою очередь, привнесение подобного измерения и достижение локализованного фокуса на конкретном предмете позволило бы, например, обнаружить истоки менеджеристской логики и в управленческих процессах внутри военно-промышленного комплекса США (Eagleton-Pierce, 2020, 773), и в самостоятельных, но совпадающих поисках инструментов и идей как в частном, так и в общественном секторе прошлого века вообще (Eagleton-Pierce, 2020, 773). Как подчеркивает М. Иглтон-Пирс, авторы в указанном специальном выпуске *Review of International Political Economy* настаивают на развороте в понимании менеджеристского предмета от усиления роли рынка к классу управленцев, принимающих реальные решения (Eagleton-Pierce, 2020, 774). И все-таки завершая представление идей по данному автору, следует привести следующую формулировку под обозначением «менеджеризм 7»: менеджеризм – это не просто техническое средство для проведения политики, но сам процесс принятия решений, а также способ разработки и осуществления политических идей (Eagleton-Pierce, 2020, 770)²⁸.

Замкнем цепь из примеров определений для менеджеристской идеологии еще двумя работами, опять же для демонстрации семантической пестроты в изучаемом предмете. Так, к примеру, С. Шепард указывает на такие характеристики менеджеризма, которые можно суммировать в следующее понятие («менеджеризм 8»). Менеджеристский феномен — это идеологическая схема, включающая в себя: утверждение о возможности ценностно-нейтрального и универсального управления как особой деятельности; а также убеждение, что подобное могут выполнять лишь особенные профессионалы с опорой на привнесение рыночных инструментов (Shepherd, 2017, 1672–1674). К. Доран, как и предыдущие из обозначенных исследователей, так же указывает на проблематичность в формулировке однозначного определения менеджеризма (Doran, 2016, 81). И на то, что многие из присутствующих в дискурсе дефиниций отсылают к различным идеологическим и ценностно-оценочным позициям авторов (Doran, 2016, 86). Так или иначе, при всем разнообразии понятийных подходов к менеджеристскому предмету, К. Доран предлагает как временное и компромиссное (позволяющее охватить весь исследовательский дискурс), такое определение («менеджеризм 9»): идеология менеджеризма — вера в то, что оптимизировать производительность и результативность в любой организации можно за счет применения управленческих знаний, теорий и методов, т.е. менеджмента как эмпирики и науки (Doran, 2016, 81).

Дальнейшее привнесение дополнительных дефиниций для идеологии менеджеризма возможно, но прагматически не обосновано. Ведь другие намеренные упоминания или целенаправленные построения определений для источника менеджеризации лишь изменят частотность тех или иных перечисленных элементарных характеристик (употребляемых при составлении понятия для конструкта «идеология менеджеризма»), не добавив принципиально новых к общему перечню. Последних, как видно по табл. 1, можно выделить 16 единиц путем разложения 9 дефиниций выше на

²⁸ В таком понимании видится эффект смещения целей средствами, о чем упоминают и В.В. Ковалев с А.В. Дятловым (Дятлов, 2023, 71).

простые составные части²⁹. Так или иначе может показаться, что допустимо «хитро» сложить все дефиниции, «разложенные» на «атомарные признаки», в нечто единое на иных основаниях. Произвести некоторую «деконструкцию» или создать «портрет» менеджериства на основе метода семейных сходств (Кузин, 2014, 48). Но прямо противоположные элементы (например, «ценностно-нейтральное управление» и «привнесение рыночных ценностей» или «зарождение в частном секторе» и «зарождение в госсекторе») мешают осуществить подобное.

Поэтому допустимо решить проблему понятийной диффузии для менеджеристского предмета иным относительно простым действием, сравнимым по простоте с разрезанием Гордиева узла. А именно возможно применить метод типологических операций (Бабич, 2012), посредством которого получится редуцировать («схлопнуть», «коллапсировать», «обнулить») табличные элементы с наименьшей частотностью. Оставшиеся, в свою очередь, могут быть просуммированы и далее синтезированы в одно-единственное определение для идеологии менеджериства. Основная проблема такой стратегии в том, насколько абстрактной и, в конечном счете, полезной окажется полученная таким образом дефиниция. Так, применив прагматическую редукцию, оставив наиболее частотные (от 7 до 9 упоминаний), можно получить следующее определение для менеджеристской идеологии («типологически заданный менеджериств №1»): «менеджеристство = повышение экономической эффективности как цель + способ рационализации управления». Если расширить допустимый порог частотности (от 6 до 9 упоминаний), то возможно вывести «типологически заданный менеджериств №2»: «менеджеристство = повышение экономической эффективности как цель + управление, которое можно применить в любой сфере + способ рационализации управления + перенос инструментов из частного сектора в госсектор + увеличение полномочий менеджеров». Казалось бы, второе определение, полученное путем специфической концептуальной селекции, не столь абстрактно, как первое (состоящее всего лишь из двух характеристик), притом имеет двойку значимых признаков (часто упоминаемых в литературе о пореформенном государственном управлении): привнесение рыночных технологий (и вообще техник, практик, идей, решений, опыта и проч. из частного экономического сектора) и усиление полномочий (функционала, прав, возможностей, свобод и др.) менеджмента. Но проблематичность подобных черт вскрывается при упоминании «вторичных» свойств менеджериства как идеологии в приведенных и иных работах из исследовательской литературы. А именно весьма часто менеджеристское управление описывается как пост-или антибюрократическое (Ковалев, 2023; Оболонский, 2014).

Во многом противопоставление менеджериства традиционной (классической, веберовской) бюрократии продуцирует основную проблему в принятии той или иной по степени абстрактности дефиниции для рассматриваемого предмета. Если обратиться к одному из отечественных исследователей, ставивших себе задачу сопоставить менеджеристскую управленческую модель с «обычной» бюрократической, А.В. Оболонскому, то следует первоначально констатировать следующее: нет самой по себе

²⁹ Не будем подробно останавливаться на данной процедуре «разложения» приведенных понятийных целостностей на «атомы». Скажем лишь, что каждый читатель волен сам воспроизвести данную операцию, обратившись к упомянутым первоисточникам.

«типичной» бюрократии (Оболонский, 2023, 7–8). Бюрократическое управление предстает как множество исторических (эмпирических) и теоретических (концептуально-обобщенных) типов, одним из которых (возможно) и является менеджеризм. Менеджеристская управленческая модель находится где-то «между» имперской, веберианской, имперско-автократической и проч. модельными видами (Оболонский, 2023, 18). Конечно, можно отринуть предлагаемую автором классификацию или обобщить отдельные бюрократические типы в некий «мета-тип», как раз и противопоставив последний менеджерию. Но и здесь возникнет проблематичность, заставляющая вернуться к предложенному чуть выше синтезированному (второму) определению менеджеристской идеологии как модели для реформирования государственного управления.

Так, к примеру, рыночные инструменты всегда в той или иной степени присутствовали и «преследовали» государственную бюрократию в процессе генезиса последней. Последнее отмечает Т. Атнашев в своей недавней попытке представить бюрократическое управление посредством инструментария интеллектуальной истории (Атнашев, 2025). Исследователь обнаруживает истоки «классической» (современной, модерной, периода Нового времени) бюрократии (по М. Веберу как организации, управляемой посредством письменных правил, педантичного их исполнения, иерархии и единоначалия и др. принципы) – по крайней мере, по английской «генеалогической ветке» – во вполне частной (или, как минимум, частно-государственной) Ост-Индской компании (Атнашев, 2025, 38–39). Более того, «[м]ногие "лучшие практики" корпораций и государств происходят из этой страшной лаборатории современной... бюрократии» (Атнашев, 2025, 40). Примечательно, обращаясь к указанному же исследователю и сопряжению частного и публичного (государственного, общественного), что еще в восемнадцатом веке маркиз де Гурнэ предлагал привнести рыночные элементы в бюрократическое управление и отдать некоторые функции государственных управленцев на аутсорс (Атнашев, 2025, 35).

Возвращаясь к обсуждаемому определению менеджерию, обратимся ко второму предложенному признаку: к возрастанию роли менеджеров. Если вновь вернуться к ресурсам интеллектуальной истории, использованным Т. Атнашевым в собственном исследовательском проекте, водораздел между «обычной» бюрократией и менеджеристским управлением из реального становится мнимым: достаточно долгое время (и не так давно по историческим и научно-историографическим меркам) под бюрократической понималась управленческая модель и в бизнесе, и в государстве (Атнашев, 2025, 112). Некоторая граница в обыденном словоупотреблении и «высокой» теории стала проводиться лишь после выхода работ П. Друкера, в которых менеджеры отличались от бюрократов за счет большей свободы действий в обход неудобного, объемного и сковывающего писанного нормативного корпуса (Атнашев, 2025, 130). Возможно, именно в данной характеристике и скрывается специфичность, уникальность и сущность менеджерию как особой управленческой идеологии? Быть может, но подобная же свобода действий и меньшая деперсонализация характерны и для «южных бюрократий», которые по происхождению и времени появления выходят за пределы менеджеристских реформ (Атнашев, 2025, 112–113).

ценностей (6)									
Перенос инструментов из частного сектора в госсектор (7)	+	+	-	+	+	+	-	+	-
Зарождение в частном секторе (8)	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Зарождение в госсекторе (9)	+	+	-	+	+	-	-	-	-
Зарождение в неолиберальной интеллектуальной традиции (10)	-	-	-	+	+	+	+	-	-
Перевод деятельности на язык количественных индикаторов (11)	-	+	+	+	+	-	-	-	-
Увеличение полномочий менеджеров (12)	-	+	+	-	-	+	+	+	+
Сокращение бюрократического аппарата (13)	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Одновременность внедрения в управленческий механизм рыночных, финансовых и организационных инструментов (14)	-	-	-	-	+	-	-	-	-
Возможность постоянного улучшения (повышения эффективности) в управлении (15)	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Смещение (замещение, замена) целей средствами (16)	-	-	-	-	-	-	+	-	-

Рынок, квантификация или самоуправление: из чего же состоит «материя» менеджеристского управления?

«Управление без бюрократов. Пять стратегий обновления государства» – это «сиквел» предыдущей книги Д. Осборна (в соавторстве с Т. Гэблером)³⁰ «Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector». При этом и сам

³⁰ Т. Гэблер был одним из тех инноваторов, о плодах которых и пишет Д. Осборн (Осборн, 2001, 101).

автор обеих работ (Осборн, 2001, 471)³¹, и комментаторы (Lane, 2006, 7) отмечают, что наличествует «триквел» в лице «The Price of Government: Getting the Results We Need in an Age of Permanent Fiscal Crisis» (2004)³². Так или иначе в настоящем разделе произведем прежде всего рецензирование для второй части в исследовательской трилогии, т.е. для «Управления без бюрократов» (которую лучше было бы перевести иначе: «Изгоняя бюрократию» или «Изгоняя бюрократизм»)³³. Притом несмотря на то, что в академическом дискурсе преимущественно подчеркиваются роль, влияние и значение как для теории, так и для практики менеджериализма именно первой книги (за авторством Д. Осборна и Т. Гэблера), создание исследовательской рецензии по второй работе не поспособствует сворачиванию с «верного пути».

Ведь, во-первых, сами авторы позиционируют рецензируемый текст как закономерное продолжение предыдущего, даже как единый двухсоставной мета-текст: в первом был «дан примерный набросок карты нового мира управления, каким он будет в XXI в.» (Осборн, 2001, 36), а во втором начинается прокладывание «на этой карте дороги, чтобы помочь инноваторам, следуя примеру пионеров, столбить собственные участки» (Осборн, 2001, 36). Во-вторых, «Управление без бюрократов» изобилует прямыми цитатами из «Reinventing Government» и показывает опыт применения рядом инноваторов идей Д. Осборна и Т. Гэблера на практике (что позволяет больше, лучше и глубже контекстуализировать понимание авторами менеджериалистского предмета). В-третьих, более рекомендательный и менее описательный характер второй (выбранной к рецензированию) книги по сравнению с первой так же придает основательности подобному выбору (Осборн, 2001, 41). В любом случае, перейдем к внимательному чтению «Управления без бюрократов», дабы «проложить» дорогу к понятию менеджериализма и «не сбиться» с намеченного пути.

Остановимся на структуре книги. Труд Д. Осборна и П. Пластрика состоит из трех разделов, которые суммарно включают 10 глав, не считая введения. Какого-то строго тематического различия между отделами книги не наличествует, но можно сформулировать функциональные роли каждого в следующем виде. Первый раздел (стр. 57–128) в сжатом варианте и более лаконичном формате представляет положения из предыдущей работы Д. Осборна. Второй отдел (стр. 130–452) направлен на демонстрацию многообразия примеров по осуществлению в управленческой действительности советов (опять же, из прошлой книги), включая детализацию (относительно указанных обобщенно-абстрактных советов) инструментов, решений и

³¹ Хотя в указанном месте речь, скорее, шла о другой, так же совместной, работе Д. Осборна и П. Пластрика: «Reinventor's Fieldbook. Tools for Transforming Your Government».

³² В соавторстве с П. Хатчинсоном.

³³ Притом to banish может пониматься не только как изгнание физического лица (например, ссылка как наказание), но и изгнание злых духов, что добавляет вполне конкретного, не нейтрального, ценностного контекста для работы Д. Осборна и П. Пластрика. Касательно перевода терминов также стоит привести замечание одного из переводчиков и редактора книги, Л.И. Лопатникова. А именно касательно слова «reinventing». Зачастую данное слово переводится в отечественной литературе как «обновление», хотя для русскоязычного читателя более понятным, как указывает редактор и переводчик, было бы слово «перестройка» (Осборн, 2001, 12). Тем более что последнее (в виде непосредственного калькирования: «perestroika») вводится самими авторами уже в «Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector» (Осборн, 2001, 12). Так или иначе «reinventing» ближе по контексту к «переизобретению», «переоткрытию», «реконструкции» и проч. терминам, которые отсылают к широким и глубоким изменениям в экономической, политической, административно-управленческой, социальной и культурной сферах жизни (Осборн, 2001, 12).

технологий для изменения внутри управления госсектора. Наконец, финальный раздел (стр. 454–516) предлагает варианты по сочетанию и имплементации перечисленного инструментального множества, продемонстрированного в предыдущей секции из работы Д. Осборна и П. Пластрика. Таким образом, движение мысли у вдохновителей инноваторов внутри государственного управления может быть заключено в подобную формулу: «абстрактные принципы по перестройке государства —> конкретные решения из эмпирических примеров по реализации данных абстрактных принципов —> комбинации приведенных решений для различных стечений обстоятельств». В ходе рецензирования (т.е. настоящего раздела статьи) обратим особое внимание на первый отдел из книги Д. Осборна и П. Пластрика, чтобы прояснить идеальные (в смысле М. Вебера) характеристики для менеджеристской идеологии.

Что же авторы понимают под радикальным обновлением и перестройкой государственного управления? В параграфе «Что не следует понимать под обновлением» Д. Осборн и П. Пластрик указывают на то, что обновленчество не подразумевает: изменения в политической сфере (реформы законодательства, парламента, сроков пребывания на тех или иных выборочных местах и т.д.); простую реорганизацию в виде перестановки управленческих «кирпичиков» или перераспределение функционала; борьбу с коррупцией и прочими злоупотреблениями; а также «не обязательно означает сокращение [количества служащих]» (Осборн, 2001, 43). Перестройка «в подлинном смысле» – это проектирование и преобразование прежних государственных агентств и ведомств в такие организации, которые «постоянно ищут способы повысить свою эффективность» (Осборн, 2001, 43). Отдельно авторы останавливаются на том, что обновление госуправления не равно приватизации, ведь переход «от государственных монополий к частной монополии редко приводит к успеху» (Осборн, 2001, 44). Эфемерная и сложно определяемая эффективность позиционируются Д. Осборном и П. Пластриком в таком пассаже: «[г]раждане в индустриальных демократических государствах требуют не просто более дешевого правительства, они требуют правительства, которое действует. Они хотят большей продуктивности, но они также хотят приращения стоимости – как говорят англичане, они хотят "отдачи от денег". Спросите себя: хотите ли вы получить более дешевые школы или лучшие школы? Более дешевую полицию или меньший уровень преступности? Более дешевые программы обучения или лучшую работу?» (Осборн, 2001, 44–45). Таким образом, на указанных страницах можно найти подтверждение двум характеристикам, которые отмечались в определениях менеджеризма выше. С одной стороны, первый признак («Повышение экономической эффективности как цель»), наиболее частотный по составленной таблице, находится и у Д. Осборна и П. Пластрика. С другой, наименее частотная характеристика (пятнадцатая, «Возможность постоянного улучшения в управлении»), так же находит свое обоснование.

В том же параграфе авторы останавливаются на существенном различии между государственным и частным секторами: [«м]ежду бизнесом и государственным управлением – большая разница... частные организации существуют внутри более крупных систем, или рынков, которые в основном весьма функциональны... [эти частные] организации имеют четкие цели и задачи... [знают, как] измерять окончательные результаты своей деятельности, работают в условиях конкуренции, испытывают весьма реальные последствия своих успехов или неудач, несут

ответственность перед своими потребителями... большинство организаций [из государственного сектора] существуют внутри явно дисфункциональных систем» (Осборн, 2001, 45). В связи с дисфункциональностью среды, обновление лишь организаций мало что даст, поэтому необходимы глубокие («стратегические», по Д. Осборну) изменения в самой сумме институтов³⁴. Только это позволит перестать действовать государственным управленцам, служащим и сотрудникам в «бюрократическом стиле» (Осборн, 2001, 46).

Появление «предпринимательских правительств», т.е. таких организаций из госсектора, которые работают не по законам бюрократии, развернулось (исходя из слов авторов) «само по себе». Иначе говоря, оно являет собой до некоторой степени естественный процесс, притом «[это] не случайно. Мы полагаем, это отражает неизбежный исторический сдвиг от одной парадигмы к другой» (Осборн, 2001, 49). Собственно, далее, в параграфе из заключительного раздела («Сдвиг парадигм») авторы описывают преобразование в управлении госсектором через терминологию Т. Куна как (революционную) смену одного мировоззрения и миропонимания (только не в науке, а в государственном управлении) у госслужащих на принципиально другое (Осборн, 2001, 408–409). В рамках исторических примеров Д. Осборн и П. Пластрик показывают, что еще в девятнадцатом столетии, до массовой и повсеместной индустриализации, среди европейских стран доминировала парадигма минимального государства («небольшое правительство с ограниченной сферой влияния»); но логика истории и новые вызовы «заставили» институциональные государственные структуры «изобрести бюрократию» (Осборн, 2001, 51). Наверное, уже в этом месте стоит сказать, что описание (прежде всего английского имперского) правительства прошлого как минимизированного управленческого аппарата³⁵, где даже почта, порты и маяки находились в частном владении (вплоть до того, что британских ссыльных перевозили в Австралию так же коммерческие суда) в чем-то напоминает «постперестроечное» государственное управление. Ведь предполагается уменьшение функционала государства, аутсорс «лишних» функций в пользу частного сектора и сокращение зарегулированности внутри различных общественных сфер. Все это намекает на то, что «предпринимательская революция» на самом деле являет собой «управленческую контрреволюцию». Возможно необходимую, важную и нужную – но подобные оценки должно выдвинуть лишь по итогу конкретных эмпирических исследований.

Далее, в первой главе, Д. Осборн и П. Пластрик описывают опыт управленческих реформ в Великобритании, предлагая для концептуализации реформирования метафору

³⁴ Что напоминает соответствующие рассуждения Д. Норта о политических рынках (Норт, 1997, 87, 139, 176) как преимущественно неэффективных (т.е. дисфункциональных в терминологии Д. Осборна), которые могут стать более эффективными при привнесении в последние конкурентных механизмов (судов, парламентов, демократии и т.д.). Аналогичные теоретические ходы с подкреплением в лице экономических моделей можно наблюдать по текстам У. Нисканена (Оболонский, 2009, 60–61), которые так же зачастую включаются в интеллектуальную историю становления менеджеристской доктрины (Aicop, 1990, 116–117).

³⁵ Позиция (не бесспорная, как покажем далее) Л.И. Лопатникова о том, что идеи Д. Осборна и соавторов восходят к положениям экономического (классического) либерализма и, следовательно, к новшествам неоклассической экономической теории (в т.ч. монетаризма М. Фридмана), можно обозначить как отождествление описываемого минимального правительства (или государства) с «естественным размером госсектора» (или «естественным объемом / размером государства»). В конечном счете, это тождество следует из аналогии с естественным уровнем безработицы (при которой только и возможен экономический рост, на который ссылаются и авторы «Управления без бюрокрагов»; о чем, опять же, скажем позднее).

ДНК и генной инженерии: изменить неповоротливую государственную машину можно, изменив некоторые «гены» в системе управления. А именно «цели системы, ее стимулы, ее системы отчетности, ее структуру властных полномочий... [и] образ поведения и мыслей служащих (культура поведения)» (Осборн, 2001, 81). Собственно, данные «генные аллеи» формируют пять стратегий, создающих концептуальную рамку для перестройки государственного управления: основную стратегию; стратегию, ориентированную на результаты; стратегию, ориентированную на потребителя; стратегию управления; стратегию культуры поведения (Осборн, 2001, 82). Данные стратегии призваны перестроить институциональную среду, в которой существуют публичные (государственные, общественные, некоммерческие) организации для реконструкции деятельности последних (Осборн, 2001, 78). Объединение той или иной стратегической линии с другой (или с другими) порождает метаинструменты — управленческую технологию, усиливающую и ускоряющую перестройку государственных организаций через «кумулятивный» (или даже «эмерджентный») эффект от комбинации указанных элементов (Осборн, 2001, 87–88). Более того: «пять стратегий часто перекрывают друг друга... Комбинировать две или более стратегий в одном инструменте настолько естественно, что границы между стратегиями совершенно стираются. Мы разделили стратегии лишь с той целью, чтобы дать читателям ясное представление о том, как лучше использовать возможные стратегии, подходы и инструменты (Осборн, 2001, 88). Среди метаинструментов Д. Осборн и П. Пластрик обозначают такие, как целевое бюджетирование, гибкие условия работы, конкурентное предложение, предпринимательские фонды, внутреннее управление, системы конкурентного общественного выбора, ваучерные и гарантийные программы, общее управление качеством, обновление процесса бизнеса, свободное предложение услуг и общественные органы самоуправления (Осборн, 2001, 460).

Во второй главе в центре эмпирики находится пример управленческой перестройки Командования тактической авиации США, которая производилась генералом У.Л. Кричем (с 1978 года и продолжилась под руководством другого генерала, Дж.М. Ло, уже после войны в Персидском заливе с адаптацией Командования к мирному времени). Собственно, данный экземпляр обновленного управления демонстрирует организацию, обновляемую постоянно и непрерывно (Осборн, 2001, 107). Характеристика, которая в таблице выше обозначена как «возможность постоянного улучшения (повышения эффективности) в управлении». Так или иначе в данной главе Д. Осборн и П. Пластрик дают определение для стратегий и инструментов: «[п]од стратегиями мы понимаем действия, которые переписывают генетический код, под инструментами – подручные средства, которые могут быть использованы для реализации этих стратегий» (Осборн, 2001, 117). Так же авторы вкратце характеризуют каждую из стратегических линий: стратегия, ориентированная на потребителя, означает смену оптики служащих, организаций и управленцев с удовлетворения вышестоящих начальников на непосредственных потребителей (Осборн, 2001, 123–124); стратегия, ориентированная на результаты, предполагает от выборных руководителей оптимизацию, сокращение и закрытие тех учреждений, которые не перестраиваются в режим постоянного повышения эффективности, а также необходимость поощрения для тех, кто подобную перестройку совершил (Осборн, 2001, 124–125); стратегия управления

является отказом от централизованного принятия управленческих решений, включая решения по вопросам финансирования (Осборн, 2001, 125); стратегия культуры представляет изменение мотиваций и отношения к работе, самим себе и другим у служащих, а также у клиентов (граждан) и у третьих лиц, например, СМИ (Осборн, 2001, 126–127). В конечном счете, описанные стратеги становятся возможны посредством многочисленных «сделок», где одни акторы (например, правительство и иные народные избранники) отдают часть контроля над решениями и финансовыми потоками другим агентам (к примеру, школьным организациям и родительскому самоуправлению) для достижения поставленных целей (например, повышения качества образования). Но в любом случае для осуществления указанного (Осборн, 2001, 127–128) необходимо предпринять меры по реализации основной стратегии, а именно «отбраковать функции [государства], которые перестают служить общественным целям или могут лучше выполняться частным сектором или иным уровнем государственного управления» (Осборн, 2001, 82). В своем метафорическом ключе авторы «Управления без бюрократов» описывают данную стратегическую операцию как проведение водораздела между «прокладкой курса» (того, что делает только государство, например, создает общие правовые правила для всех и др.) и «греблей» (оказания многочисленного и широкого спектра государственных услуг, некоторые из которых могут реализовываться не только лишь государством) (Осборн, 2001, 81).

В целом, исходя из представленных рассуждений Д. Осборна и П. Пластрика, включенных в содержание введения, первой и второй глав, допустимо очертить примерное авторское определение для менеджериализма. Во-первых, как указывают все исследователи из предыдущего раздела статьи, менеджеристская идеология направлена на повышение эффективности в экономическом духе внутри общественного сектора (как перманентное повышение качества услуг с постоянным сокращением издержек на производство оных). Иными словами, государственное управление, проходя перестройку как менеджериализацию (как внедрение стратегий, описываемых и выявляемых / разрабатываемых Д. Осборном и П. Пластриком в управленческие практики организаций из госсектора), должно стать некоторым комплексом из «фирм» с возрастающей отдачей (Артур, 2005). Во-вторых, что уже было указано в первом пункте, но следует выделить особо: рост эффективности, обеспечиваемый постоянным обновлением управленческих механизмов и регулярной адаптацией организаций из общественного сектора, должен быть постоянным, ускоряющимся и усиливающимся. Эталонный облик подобного «постперестроечного» государственного учреждения по Д. Осборну и П. Пластрику рисует критик последних, Ж.-Э. Лэйн, делая акцент³⁶ на перманентности адаптации к новому и эффективному развитию: «[это] саморазвивающаяся организация, которая сама по себе поддерживает экономию и обеспечивает эффективность, как если бы такие цели были присущи подобной организационной единице» (Lane, 2006, 10). В-третьих, обращаясь к выдвинутым авторами стратегиям как «овеществленным» принципам и установкам менеджеристской идеологии, можно выдвинуть следующую характеристику для последней: всеобщая оптимизация при проектировании, администрировании и создании общественного блага (государственных услуг). Как представляется, подобное смысловое

³⁶ И в несколько иронично-критичном ключе сравнивая претензию на новизну и значимость идей Д. Осборна с коперниканской революцией (Lane, 2006, 10).

«сжатие» из суммы формулировок Д. Осборна и П. Пластрика наиболее полно передает ролевое значение для каждой стратегии.

Ведь, к примеру: в основной стратегии первоначально различить (оптимизировать) значимые функции государства, от которых оно не должно отступать, от второстепенных, третьестепенных и т.д.; в стратегии, ориентированной на результаты, реорганизовать (оптимизировать) работу, управление и деятельность госучреждений через изменения стимулов, т.е. посредством поощрения и наказания за высокую / низкую результативность, поддающуюся количественной оценке; в стратегии, ориентированной на потребителя, изменение подотчетности с вышестоящих глав на конечных потребителей изменяет (оптимизирует) усилия и действия служащих на удовлетворение запросов граждан; стратегия управления «спрессовывает» (оптимизирует) цепочку принятия решений внутри бюрократической иерархии в пользу нижних уровней и децентрализации, ведущей к сокращению самой должностной «пирамиды»; в конце концов, стратегия культуры уменьшает (оптимизирует) затратность на «муштровку» служащих через обучение для развития у них качеств и черт, способствующих автономии, самостоятельности и качественной работе. Так понятая оптимизация, с одной стороны, соответствует сказанному о существовании каждой из стратегических линий в «Управлении без бюрократов» (Осборн, 2001, 81–87). С другой, подобное абстрагирование учитывает все или, по крайней мере, большинство из разбросанных по тексту авторами нюансов, исключений и уточнений. Например, уже упомянутая ранее недостаточность или даже избыточность и ненужность в простой приватизации или сокращении служащих для создания государственного управления «нового поколения».

Среди подобной коррекции для собственных управленческих рекомендаций (не только для абстрагированной из стратегий оптимизации как черте менеджериума выше) Д. Осборн и П. Пластрик указывают, например, на следующее: «не все виды деятельности государственных организаций могут быть помещены в рыночную среду или подчиняться условиям конкуренции» (Осборн, 2001, 83); «[н]ельзя управлять правительством, как бизнесом... [но] можно управлять государственными предприятиями так же, как фирмами» (Осборн, 2001, 222); «измерение степени эффективности... само по себе... не имеет достаточной силы, способной привести к фундаментальным изменениям... [ведь необходимо] привязывание стимулов к оценке эффективности государственных организаций» (Осборн, 2001, 216–217); «предполагают, что материальное поощрение является наиболее сильным побудительным мотивом. Деньги важны для многих служащих, но это не единственное, что ими движет. Многие даже не ставят их на первое место» (Осборн, 2001, 236); «если... потребности [отдельных потребителей] противоречат потребностям общества, последние должны иметь приоритет [над индивидуальными запросами]» (Осборн, 2001, 289); «опасно смешивать тех, кого проверяют на соблюдение норм, и потребителей. Очевидно, что обеспечение безопасности населения должно быть более важно для полиции и работников тюрем, чем удовлетворение запросов преступников» (Осборн, 2001, 290–291); «[кроме расширения самостоятельности организаций и служащих, следует использовать] предоставление полномочий обществу, передавая управление округам, владельцам предприятий, родителям школьников и другим сообществам» (Осборн, 2001, 343). Оглядывая

перечисленное, можно убедиться в том, что представление о менеджеризации государственного управления как о «просто» приватизации, монетизации государственных услуг, коммодификации общественного блага, дебюрократизации в смысле сокращения сотрудников по линии госслужбы или передаче производства значимых ресурсов общего доступа «на откуп» рынку — не верное как минимум касательно работ Д. Осборна с соавторами.

Рыночные отношения, квантификация, увольнения, наделение полномочиями, дерегулирование, ориентация на клиента и т.д., и т.п. — все это и не только «лишь» технологический арсенал и инструментарий для управления в постперестроечном государстве. Менеджеристское управление в общественном секторе, исходя из позиций и положений авторов «Управление без бюрократов», являет собой цепь из саморазвивающихся организаций, целью которых является постоянное повышение собственной эффективности (как комбинации из роста качества услуг и снижения издержек на создание последних) и адаптация к изменчивой внешней среде через разнообразные оптимизационные инструменты. Иначе говоря, менеджеризм можно представить как управленческую идеологию, состоящую из трех структурных компонентов: «перманентного самообновления» (переименовывая под контекст книги и ее комментаторов признак под номером пятнадцать из таблицы выше); «повышения экономической эффективности как цели» (первый табличный параметр); «всеобщей оптимизации при проектировании, администрировании и создании общественного блага (государственных услуг)» (данная характеристика может быть лишь частично и не до конца сопоставлена с позициями из таблицы под номерами пять, шесть, одиннадцать, двенадцать и тринадцать). Такие параметры, как происхождение менеджеристской идеологии либо в частном, либо в государственном секторе или вообще в неолиберальной интеллектуальной традиции выносятся исследователями и в некоторой степени творцами («мультипликаторами» в смысле умножения, усиления и распространения) менеджеризации за пределы рассмотрения. Скорее, вспоминая некоторые фразы Д. Осборна и П. Пластрика, истоки менеджеристского преобразования сначала западных, а потом и иных государственных систем выводятся из логики или движения самой истории. Иначе говоря, стечение объективных обстоятельств заставило поступать только одним-единственным образом, не иначе, в итоге сформировав конкретные идеи (теоретические установки для практического воплощения) у определенных людей (активистов, инноваторов, исследователей, политиков, граждан и т.д.).

Воплощение подобного постбюрократического (обновленного, перестроенного, реконструированного) государства Д. Осборн и П. Пластрик видят в самых разнообразных и напрямую не связанных друг с другом событиях на «административном глобусе»: реализация программы «Следующие шаги» в Великобритании при М. Тэтчер (первая глава и далее); масштабная реформа внутри госуправления Новой Зеландии по превращению правительственных агентств в предприятия государственной собственности (четвертая глава и далее); реформирование рынка коммунальных услуг в Индианаполисе (пятая глава); школьная инновация в Форист-Лейк, штат Миннесота (шестая глава); обновление управленческих механизмов в Национальной службе охраны лесов (седьмая глава) и др. Так или иначе данные «точки бифуркации», разделяющие

(исходя из позиции авторов) две эпохальные парадигмы в управлении общественным сектором, фиксируются посреди исторического отрезка от конца 1970-ых к началу 1980-ых гг.

Занимаясь подобным летописанием рождения и распространения менеджеристской идеологии, исследователи подчеркивают угрозы регрессивных откатов от намеченного курса из-за сопротивления народных масс и управленцев прежней генерации (Осборн, 2001, 145), а также проблему «недореформированности»: «[o]рганизация за организацией начали обнаруживать одни и те же закономерности. Когда инноваторы использовали четыре первые стратегии [т.е. основную, ориентированную на результаты, ориентированную на потребителя, а также стратегию управления], оказывалось, что сложившаяся культура поведения [бюрократов, служащих, управленцев и работников] подавляла и ослабляла силу воздействия этих стратегий» (Осборн, 2001, 400). Более того, расширяя последнее замечание, следует указать вот на что: без реформирования в лице радикального преобразования поведения, мировоззрения и культурных установок госслужащих, обновление государства по Д. Осборну и П. Пластрику попросту не случится. Произойдет «мимикрия» старой бюрократии под новую постбюрократию (Осборн, 2001, 401), а культурно-поведенческие паттерны сотрудников в муниципальных и государственных организациях примут форму «тайного сопротивления, неучастия, даже упадка настроения людей» (Осборн, 2001, 400). Иначе говоря, управление на основе менеджеристской идеологии имеет потенциал того, что можно обозначить как «оппортунистическое перерождение». Перерождение, во многом вторящее законам Паркинсона или выводам критично настроенных по отношению к бюрократическому управлению теоретикам общественного выбора (Атнашев, 2025, 43, 130–131).

Указанная «пометка на полях» Д. Осборна и П. Пластрика приводит к последнему нюансированию, которое следует зафиксировать касательно образа менеджеристской идеологии в «Управлении без бюрократов» прежде перехода к дискурсу об этом и остальных трудах авторов. Несмотря на регулярные указания исследователей о том, что многообразие инструментов и относительная автономия пяти обозначенных стратегий друг относительно друга допускает творческое «сопряжение» вместе со «свободной» комбинаторикой разнообразных элементов между собой, необходима некая «сквозная стратегия». Иными словами, некоторая «мета-стратегия», которая бы корректировала движение тех или иных метаинструментов точно по направлению в «мишень» культуры, поведения и ценностей государственных служащих. В конечном счете, на данную комплексность указывают и сами Д. Осборн и П. Пластрик: «стратегия культуры важна, но недостаточна... для того чтобы трансформировать государственный сектор, требуются все пять стратегий» (Осборн, 2001, 404). Не придя по итогу к преобразованию внутренних установок в «ментальных схемах» сотрудников, никакие измененные по лекалам авторов внешние стимулы не возымеют позитивного эффекта. В целом, данный пункт можно выделить в самостоятельную характеристику для менеджеристской идеологии (в ее понимании авторами «Управления без бюрократов»). Притом подобная черта будет напоминать несколько скорректированную позицию под номером четырнадцать из таблицы выше: «одновременность внедрения в управленческий механизм рыночных, финансовых и организационных инструментов» (только не

«одновременность», а «комплексность» или «системность»). Но все-таки такой признак почти полностью перекрывается содержательной полнотой другого параметра. Того, что был обозначен как «всеобщая оптимизация при проектировании, администрировании и создании общественного блага (государственных услуг)».

Данный пассаж (о значимости трансформации внутренних установок, обуславливающих поведение сотрудников, и требования комплексности реформ для достижения изменений в «психологическом нутре» у бюрократов) вполне подходит для завершения раздела с рецензированием. И, следовательно, для перехода к вписыванию мысли Д. Осборна и соавторов в широкий политический и интеллектуальный контекст реформ внутри государственного сектора. Но перед стартом финального отдела внутри статьи в самостоятельном абзаце еще раз обрисуем образ идеологии менеджериализма у авторов «Управления без бюрократов»:

- 1) перманентное самообновление;
- 2) повышение экономической эффективности как цель;
- 3) всеобщая оптимизация при проектировании, администрировании и создании общественного блага.

После, вне и вокруг «поваренной» книги для реформаторов: репрезентация дискурсивного контекста

Добившись извлечения, прояснения и уточнения для первоначального смысла менеджериализма, обратимся к творчеству Д. Осборна и его соавторов с другой стороны. А именно перейдем от понятийной (ретроспективной) концептуализации к контекстуализации «менеджеристской трилогии» за авторством американских консультантов-аналитиков. Иначе говоря, попробуем ответить на такой вопрос: как были восприняты в политической (практической) и научной (теоретической) сферах труды Д. Осборна, П. Пластрика, Т. Гэблера и П. Хатчинсона?

Рассматривая с указанной целью извилистый «ландшафт» в дискурсе наук об управлении с 1990-ых гг. по настоящее время, особенно остановимся на «сюжетах» с критикой менеджеристских «инструкций» по перестройке государства. По причине изобилия и многогранности подобного рода работ, в той или иной степени направленных на полемику с Д. Осборном и соавторами, предпримем оптимизирующий собственные усилия ход. Иначе говоря, сведем разбросанные по многочисленным критическим публикациям аргументы против идеологии менеджериализма из указанной книжной трилогии к нескольким «антитезисам». Но начнем данный раздел с определения того значения, которое имеют трактаты Д. Осборна, П. Пластрика и Т. Гэблера в дискурсивном пространстве об управлении.

До некоторой степени эффект от публикации «Reinventing Government» и последующих работ можно сравнить с выходом статьи «Сознание, мозг и программы» Дж. Серла (Cole, 2024). Последняя породила когнитивистику как дисциплину, направленную на синтезирование вразумительного ответа относительно критического запала американского философа; а «трилогия о менеджериализме» оформила тягу среди исследователей из управленческих научных дисциплин ко все новым и новым попыткам рационально опровергнуть обоснованность, прогрессивность и необходимость предлагаемых реформ для общественного сектора. И, добавим, во многом сформировала

науки об управлении в их сегодняшнем, настоящем и актуальном, виде, преимущественно выстроенном вокруг аргументации против «менеджеристского государства». В любом случае степень распространения провокационных книг Д. Осборна в среде канадских (MacDonald, 1995, 97), американских (Thompson, 1998, 233) и британских (Du Gay, 1993, 647) реформатов репрезентирует влияние идей, в них заложенных. Ссылки на «Reinventing Government», «Управление без бюрократов» и «The Price of Government» стали «библиографической константой» как для более современных исследований по управлению (Aaronson, 2023), так и для признанных классическими трудов (Классики теории..., 2003). Во многом описание для новозеландских реформ, выбранное Д. Осборном и П. Пластриком, верно по отношению к их собственной книге (и первой, и второй части в трилогии): «большой взрыв» (Осборн, 2021, 134). Так или иначе основные практические соображения из двух первых книг в «менеджеристской трилогии» крайне напоминают политические рекомендации ОСЭР, что отмечали и сами авторы (Осборн, 2001, 21) – в том смысле, что именно они стали источником вдохновения для наднациональных институциональных предпринимателей (Bakir, 2021, 398).

Далее, переходя к обозрению критических и оппонирующих подходов к идеям Д. Осборна с соавторами, отметим два следующих предварительных аспекта. Первый: за горизонтом дальнейшего рассмотрения останутся идеологически насыщенные замечания (MacDonald, 1995, 97)³⁷ и стилистические сетования (Miller, 1998, 169)³⁸. Второй: при обследовании дискурсивного поля внутри управленческих исследований допустимо извлечь три исчерпывающих³⁹ контр- или антитезисов к идеям Д. Осборна с соавторами⁴⁰. Перечислим и рассмотрим по отдельности каждый далее: реальная деполитизация; мнимая неидеологичность; внутренняя противоречивость. Во многом как и ранее представленные стратегии авторов «Управления без бюрократов», указанные далее критические аргументы перекрывают друг друга и друг с другом схожи.

1) *Реальная деполитизация*. Несмотря на то, что Д. Осборн и П. Пластрик вроде бы придерживаются разграничения политического (ценностно-целевого и управленческого (технически-инструментального)⁴¹, т.е. не распространяют собственный подход к полю принятия решений в политике и выбору государственно-национальных ориентиров, комментаторы подчеркивали устремление авторов к сокращению первой сферы и расширению второй.

Намеки на скептическое отношение авторов «Управления без бюрократов» к положительной роли политичности (в самом широком смысле, как вовлечения

³⁷ «Эти авторы беззастенчиво пропагандируют государство в роли служанки промышленности/капитала, хотя и придерживаются смягченного образа "партнера"». Прим.: перевод собственный.

³⁸ «Книга слишком упрощенная, перенасыщенная лозунгами и противоречиями, чтобы служить дорожной картой, как это было задумано авторами». Прим.: перевод собственный.

³⁹ Исчерпывающих как наиболее репрезентирующих академический дискурс с критикой идей авторов «трилогии о менеджеризме».

⁴⁰ Вне рассмотрения вынужденно оставим менее распространенные (и тем не менее интересные) аргументационные стратегии противников Д. Осборна и П. Пластрика. Например: теоретическую неоднозначность внутри некоторых тезисов у отцов-основателей менеджеризма, допустим, касательно обезличенности классической бюрократии (Du Gay, 1993); сомнительную революционность и спорную новизну идей авторов «трилогии о менеджеризме» (Page, 2005); невозможность свести «ценность» государства к «цене» (Lane, 2006).

⁴¹ Что видно, к примеру, из такого авторского пассажа: «[менеджеристская] перестройка государства не имеет отношения к изменениям в политической сфере» (Осборн, 2001, 43).

сторонних агентов в «технические» дела управленцев СМИ, избирателей, выборных политиков и иже с ними прочих «непрофессионалов») в осуществлении управления можно заметить, например, в таком месте: «[государственные организации] неизбежно [становится] объектом непрекращающихся претензий общественности, транслируемых выборными должностными лицами... [эти организации и их работники] подвергаются придирчивому контролю со стороны законодателей, лоббистов, групп интересов и средств массовой информации» (Осборн, 2001, 398). Выражаясь несколько грубо, «мнения толпы» мешают что бюрократическому, что обновленному государству реализовывать долгосрочные, предварительно отобранные, поставленные и конкретизированные, цели. В связи с последним авторы и советуют политикам, воплощающим менеджеристскую перестройку, следующее: «[чтобы] добиться успеха, политические лидеры должны иметь смелость противостоять интересам, которые способны заблокировать изменения» (Осборн, 2001, 492). И эти изменения во многом касаются измерений, ведь подход, основанный на результативности, как минимум предполагает измеримость результатов для их планирования, сравнения и оценивания.

Как показывает Х.Л. Шахтэр, модель измерений, предлагаемая Д. Осборном и соавторами, носит «агрессивно» аполитичный характер (Schachter, 2008, 265–266). Более того, при таком стремлении к минимизации политического и максимизации объективного (точного, нейтрального, математизированного) «всплывает» ранее отмеченное и В.В. Ковалевым, и М. Иглтоном-Пирсом смещение целей к средствам: «[менеджеризация предполагает, что] политические приоритеты отходят на второй план, уступая место точности. Главный вопрос заключается не в том, какую политику хотят проводить избранные законодатели, а в том, какие инициативы способствуют объективному измерению» (Schachter, 2008, 266)⁴². Проблема заключается в том, что положение о существовании «нейтральных политических мер», к которым можно сформулировать шкалу для объективного измерения эффективности — не что-то очевидное, но скорее контринтуитивное. Следовательно, такой очень спорный тезис, нуждается в аргументации (Schachter, 2008, 266–267). Однако последняя отсутствует в «менеджеристской трилогии». Критику деполитизации продолжает в собственной статье М. Спайсар, но делает это с иной целью. Заостряя читательское внимание не на угрозах вокруг усиления аполитичности государственности управления, но на проникновении совершенно конкретной идеологической установки в то самое государственное управление (Spicer, 2004, 359). В этом месте антитезис о деполитизации «перетекает» в ложность внеидеологической природы, постулируемой для менеджеристского государства его одновременно и создателями, и провозвестниками, и исследователями.

2) *Мнимая неидеологичность*. С одной стороны, некоторые исследователи и комментаторы находят в работах Д. Осборна с соавторами реабилитацию принципа различения политического и управленческого (или политики и администрирования), принадлежащего В. Вильсону и М. Веберу (Miller, 1998, 168). С другой, не трудно увидеть присущие суждениям авторов вполне конкретные нормативные и просто идеологические позиции. Например, Дж. Мартинес отмечает: Д. Осборн, Т. Гэблер и П.

⁴² Прим.: перевод собственный.

Пластик не только бесстрастно описывают то, что «спонтанно» и «в силу исторической логики» происходит внутри американского и иных передовых обществ, но и занимаются долженствованием (Martinez, 1992, 688). Иначе говоря, они выдают желаемое за действительное, притом подпадая под летальное воздействие от «гильотины Юма» (Black, 1964, 106), ведь выводят из сущего (ряда управленческих событий) должное (необходимость дальнейших преобразований в государственном управлении). И это должное, как обнаружил М. Спайсар, далеко не либеральное государство представляется идеологическим желанным эталоном в работах Д. Осборна. Собственно, обратное было бы слишком причудливым, учитывая, что авторы «Управления без бюрократов» и «Reinventing Government» описывают трансформации уже существующих западных, вполне либеральных, государств в нечто иное.

Здесь стоит напомнить, что ранее (в предыдущем разделе), при обсуждении риторики «управленческих парадигм» и «стратегий управления» у Д. Осборна с П. Пластиком, обнаружилось (будто бы) следующее: менеджеристское государство есть возврат к минимальному государству доиндустриальной эпохи. В связи с такой трактовкой управленческая (предпринимательская, антибюрократическая) революция от авторов «трилогии о менеджеризме» оказалась бы контрреволюцией. Но по многочисленным приведенным цитатам (о том, что менеджеризация не есть лишь и только приватизация, сокращение бюрократов и госслужащих, «раздача» производства общественного блага в частные руки и проч.) получается разглядеть не только двойную несводимость менеджеристской управленческой парадигмы ни к парадигме бюрократического государства (государства всеобщего благосостояния), ни к парадигме минимального государства.

Наоборот, последнее (минимальное государство) можно идеологически свести (возвести) к экономическому (классическому) либерализму (который педалировал применительно к менеджеризму Л.И. Лопатников, стараясь представить проект Д. Осборна с соавторами как второе дыхание минимизированного государства)⁴³. А классическую бюрократию, которой как бы противостоит и противопоставлен менеджеристский проект, по аналогии с предыдущим пунктом возможно свети (идеологически вывести) из другого либерализма, на этот раз т.н. политического (или социального)⁴⁴. При такой интерпретации возникает следующая схема: классический

⁴³ «...либеральная экономическая концепция исходит из минимальной роли государства и приоритета частного экономического интереса над общественным. Минимум государства — вот основной постулат экономического либерализма» (Воейков, 2019, 12).

⁴⁴ «Теория социального либерализма гласит, что государство должно использовать свою власть для восстановления социальной справедливости. Социальный либерализм поддерживает введение некоторых ограничений на экономическую конкуренцию. Он также ожидает от правительства предоставления социальной защиты населению (за счет налогов), чтобы создать условия для развития всем талантливым людям, для предотвращения социальных бунтов и просто "для общего блага". Между экономическим и социальным либерализмом существует фундаментальное противоречие. Экономические либералы считают, что позитивные права неизбежно нарушают негативные и потому недопустимы. Они видят функцию государства ограниченной главным образом вопросами обеспечения законности, безопасности и обороны. С их точки зрения, эти функции и так требуют наличия сильной централизованной государственной власти. Напротив, социальные либералы считают, что главная задача государства состоит в социальной защите и обеспечении социальной стабильности: предоставлении питания и жилища нуждающимся, здравоохранении, школьном образовании, пенсионном обеспечении, уходе за детьми, инвалидами и престарелыми, помощи жертвам стихийных бедствий, защите меньшинств, предотвращении преступности, поддержке науки и искусства. Такой подход делает невозможным введение масштабных ограничений на правительство. Таким образом, необходимо констатировать, что либерализм представляет собой систему различных элементов» (Романова, 2014, 144).

(экономический) либерализм порождает минимальное государство (или государство в естественных размерах) в доиндустриальную эпоху, а затем политический (социальный) либерализм зарождает расширенное (большое) государство для индустриальной эры. Но опять же – как в эту последовательность встраивается менеджеристское государство?

Частично ответ дают сами авторы «трилогии о менеджеризме»: обновленное государство и соответствующее ему перестроенное управление есть необходимый ответ на новейший исторический период. Иначе говоря, «реакция» на «стимул» в лице постиндустриального общества (Osborne, 2001, XVI)⁴⁵. Но какая идеологема «кроется» за менеджеристской идеологией? Идеологией, казалось бы, чисто управленческой, т.е. постулирующей неполитические принципы. Неужели и здесь возможно найти нечто политическое? Как полагает М. Спайсар, да. Опираясь на дихотомию, выдвинутую еще М. Оукшоттом касательно европейской (интеллектуальной и событийной) истории политики, комментатор и критик Д. Осборна напоминает: допустимо (как минимум для исторической Европы) выделить два типа политических (общественных, социальных) объединений или ассоциаций. А именно гражданские и целеориентированные союзы (Spicer, 2004, 356). Первые как раз и равны содержательно либеральному правлению или идеологии либерализма (и политического, и экономического), где каждый гражданин способен преследовать собственные цели и исповедовать свои ценности (Spicer, 2004, 357). Иначе говоря, государство в подобной ассоциации не вводит принудительное и всеобщее целеполагание для гражданского коллектива⁴⁶. И, наоборот, целеориентированная ассоциация подразумевает такое государство, которое будет проводить «отбор» целей и ценностных ориентиров, принуждая своих граждан к принятию и движению к одному-единственному целевому идеалу (Spicer, 2004, 357). Как раз с последним и соотносится инструментальное, прагматическое и рационализированное управление по Д. Осборну и П. Пластрику, которое предполагает не просто сокращение политических обсуждений и споров (что уже показывает: авторы согласны с «телеократической» селекцией целевого множества до минимального «пакета» целей), но избрание рациональным образом небольшого числа согласованных друг с другом целей для государственной (бюрократической) машины (Spicer, 2004, 358). Тогда классическая бюрократия сможет быть преобразована в постбюрократию и менеджеристское государство, работающее эффективно.

Но что же это за цели? Несмотря на то, что Д. Осборн и соавторы часто говорят о «значимости того, как управляется государство, а не *ради* чего государством управляют», каждый удачный (по мнению авторов) пример перестройки по лекалам менеджеризма начинаются с подобного рода «предысторий»: «[незадолго до инициации

⁴⁵ «Становление постиндустриальной, основанной на знаниях, глобальной экономики подорвало старые реалии во всем мире, создав прекрасные возможности и породив пугающие проблемы. Бюрократические машины, большие и малые, американские и иностранные, федеральные, региональные и местные, начали реагировать».

⁴⁶ Но т.к. государственная роль в гражданской ассоциации заключается в сохранении «разнообразия человеческих способностей» и в регулировании «разнонаправленных и конфликтующих частных интересов» (Spicer, 2004, 360), в подобном ролевом функционале содержится противоречие. А именно: до какой степени и какими инструментами государство должно позитивно (имеется в виду прямое вовлечение в общественные процессы, например, программы финансовой поддержки для неимущих) и / или негативно (подразумевается создание нормативно-правового поля для пресечения посягания свобод одного лица со стороны другого, например, законы о неприкосновенности частной собственности) реализовать указанную роль? Это и приводит к различению политического (социального) и экономического (классического) либерализма.

реформирования в Великобритании] ВВП стремительно падал» (Осборн, 2001, 56) и «[необходимость реформ в Новой Зеландии стала наиболее внятной, когда старое управление привело] к приостановке экономического роста страны» (Осборн, 2001, 131). Почти каждая история менеджеризации, как показывают творцы «трилогии о менеджеризме», начинается с трагической (почти апокалиптической) точки спада экономического роста, измеримого в международных сравнительных рейтингах или уровне национального ВВП. И основная цель стартующих реформ в Великобритании, США, Канаде, Новой Зеландии, прочих странах – возобновление роста и усиление темпов последнего, фиксируемого в различных абстрактных единицах. К последнему еще вернемся в заключении, а пока просто отметим, что это и есть целевая установка для целеориентированной ассоциации в лице менеджеристского государства. Продолжим дальнейшее рассмотрение критики касательно менеджеризма Д. Осборна и П. Пластрика обзором противоречий в предлагаемых средствах для реализации указанной цели.

3) *Внутренняя противоречивость*. Ч.Дж. Фокс пытается интерпретировать «Управление без бюрократов» как продукт постмодернизма и «постмодернистской символической политики» (Fох, 1996, 256). Не вдаваясь в подробности того, как комментатор понимает понятия «постмодернизм» и «постмодернистская символическая политика», остановимся на следующем примечательном пассаже: [в книге Д. Осборна и П. Пластрика] много хорошего... Однако никто не посмел бы высказать предположение, что подобное могли написать Макс Вебер, Леонард Уайт, Лютер Гулик или члены комиссии Браунлоу и Гувера... Это не только потому, что книга является бестселлером, но и потому, что она нарушает современный (просвещенческий) канон рациональности и последовательности, который до сих пор является руководящей нормой для академической гильдии. Ни один диссертационный комитет, в котором я работал, не одобрил бы данный текст. Ведь в нем нет последовательной теории, которая бы связывала воедино маленькие жемчужины из вдохновляющих историй, которые рассказываются в книге. Показательны... стиль аргументации и терпимость к противоречиям... [а также] объединение противоположных теорий [авторами «Управления без бюрократов»]» (Fох, 1996, 257)⁴⁷. Ч.Дж. Фокс впоследствии расширяет описание и объяснение противоречивости работы Д. Осборна и П. Пластрика, указывая на подмену научной аргументации риторическими приемами и на «балансирование» между акцентом на необходимости усилить роль сообщества и требованием расширить потребительскую власть в руках индивида как частный случай пагубного «единства противоположностей» (Fох, 1996, 258). И, в конце концов, критик указывает на последнее: реализация подобных теоретических установок на практике может привести к обратным от предполагаемым эффектам. К примеру, не к сокращению «пороков бюрократизма», а к их возрастанию (Fох, 1996, 259–260). И от данного антитезиса к менеджеристскому государству короткий путь на встречу следующему контраргументу. Не просто о наличии противоречий в теории, но и об отсутствии теоретического начала в самых значимых местах внутри работ Д. Осборна с соавторами.

⁴⁷ Прим.: перевод собственный.

Заключение, или о предварительных эскизах для будущих управленческих исследований

Выше, путем первичного (до рецензирования) и вторичного (после рецензирования) аналитического рассмотрения дискурса в управленческих науках о феномене менеджериализма, а также, собственно, с помощью составления исследовательской рецензии на книгу Д. Осборна и П. Пластрика «Управление без бюрократов», было продемонстрировано следующее. Во-первых, недостаточность наличных как в зарубежной, так и в отечественной академической литературе дефиниций для достаточного описания сути менеджеристской модели управления. Во-вторых, через обращение к первоисточникам о менеджериализме («Управление без бюрократов»), если не компромиссное, то как минимум стартовое для всех возможных дискуссий о природе менеджериализации определение. В-третьих, обзор критических подходов к реформистским предложениям и революционным идеям Д. Осборна и П. Пластрика (а также Т. Гэблера с Т. Хатчинсоном).

Как представляется, количественные и качественные методики из палитры контент-анализа (аналитики текстовых источников), задействованные в исследовании, помогают оживить, обновить и контекстуализировать дискуссии об идеологии менеджериализма. А именно для начала показать, что «прыжок веры», совершаемый многими исследователями при изучении пореформенного общественного сектора, недостаточен для кристаллизации теоретического облика предмета. Затем и предложить концептуальные возможности для составления в горниле научных споров финального исследовательского образа (и понятийного образца).

Ввиду «пространственных» ограничений, сказать что-либо об альтернативах⁴⁸, критике подобных альтернативных управленческих моделей и иных источниках происхождения (или вдохновения) менеджеристского управления здесь невозможно. Так, например, часто приводимый как изъян в образе «идеального государства» из «трилогии о менеджериализме» клиентоориентированный подход («гражданин = потребитель») – не единственный «экономический» вариант, чтобы «убежать» от бюрократии. Восприятие гражданина в том же экономикоцентричном ключе, правда, не как потребителя (e citizen-as-consumer model), а как собственника (the citizen-owner model), может повысить не только качество государственных услуг, но и расширить возможности участия граждан в политике (Schachter, 1995). Или, быть может, стоит пойти по пути конкретизации, отделив от «экономического» подхода по минимизации (вплоть до полной замены) негативных последствий от бюрократического государства от подхода усиления сообществ и самоуправления. Последний, к примеру, предлагается в известной работе Э. Остром по поиску наиболее успешных механизмов для управления общественными благами (Остром, 2010). Тем не менее, завершая собственные

⁴⁸ Единственное, о чем скажем касательно альтернатив менеджериализму. В связи с тем, что менеджеристское управление (при всем наличных пробелах, концептуальных сложностях и понятийных спорах) все же может быть отнесено к одному из видов бюрократии, к нему допустимо применить такой совет Т. Атнашева по сокращению негативных эффектов от использования подобной управленческой модели: «[для того, чтобы либо изменить бюрократическое управление в лучшую сторону, либо надежно заменить последнее чем-то иным, требуется, чтобы] заказчик [бюрократии, т.е. граждане, политики, правители] должен сам соблюдать правила и опираться на соразмерные бюрократии встречные силы и механизмы... [рынок, право, выборы, делиберацию, меритократию]. Деятельный хозяин или заказчик бюрократии сам должен обладать принципиально небюрократической жизненной мотивацией на достижение конечного результата» (Атнашев, 2025, 14).

размышления, заметим следующее.

Во-первых, частые упоминания проекта менеджеризации по Д. Осборну с коллегами в контексте «неоконсервативного поворота» (Кошкин, 2007, 136) и тэтчеризма с рейгономикой (Вольчик, 2020, 46), видимо, лишь отдаленно имеют соприкосновение с реальностью. Ведь авторы «трилогии о менеджеризме» во многом противопоставляют себя «узколобой» и слишком «идеологизированной» политике М. Тэтчер и Р. Рейгана (Du Gay, 1993, 644). А сам Д. Осборн политически и партийно относится не к республиканским фракциям. И даже возглавлял проекты и институции от Демократической партии⁴⁹. В целом, как показывается в том же «Управлении без бюрократов», баталии правых и левых в парламентах Новой Зеландии, Великобритании и США после ранее принятого (либо теми, либо другими) менеджеристского курса как минимум по управленческим вопросам завершаются. Иначе говоря, менеджеризация укореняется, становясь новой нормальностью в глобальных масштабах. Во многом в связи с указанным аналитические попытки найти «идеологию-причину», левую или правую, либеральную или прогрессивную, реакционную или революционную для «идеологии-следствия» в лице менеджеризма не венчаются успехом. Последующие исследователи должны это учитывать, понимая, что менеджеризация одновременно вне политики (в самых разных смыслах, ведь она напрямую не восходит к любой из известных политических идеологий, а также ее апологеты прямо не выдвигают требований политического характера), но сама политика постепенно проходит через «сито» менеджеризации (в том смысле, что демаркация политического и управленческого шаг за шагом сдвигается по пути сокращения собственно политик и роста «чистого» управления). Опять же, ранее упомянутые лаконичные формулы из работ В.В. Ковалева или М. Иглтона-Пирса про подмену целей средствами описывают подобный эффект.

Во-вторых, отмеченная неуловимость для четкой и однозначной дефиниции менеджеристской идеологии может неявно указывать на возможный способ по обнаружению столь желанного определения. А именно: возможно, даже в предлагаемом Д. Осборном и П. Пластриком определении, стоит смотреть не на высказываемое, а на подразумеваемое. Точнее говоря, не на первоначальные признаки (перманентное самообновление; повышение экономической эффективности как цель; всеобщая оптимизация при проектировании, администрировании и создании общественного блага), а на выводимые из них «вторичные» (инструментальные) характеристики. Так, к примеру, достаточно ясно, что эффективность с необходимостью подразумевает измерение эффективности. Иными словами, воздвижение на первый план достижения эффективного управления влечет за собой принятие квантификации (т.е. «раздробление» принятых качественных целей на количественно фиксируемые задачи, что отсылает еще к основной стратегии – различению «прокладки курса» и «гребли»). И, возможно, именно квантификация, всеобщее устремление к переводу всего качественно политического в количественно администрируемое, есть «корень» менеджеристской управленческой парадигмы. В целом, последнее уже намечалось внутри корпуса дефиниций, предлагаемых В.В. Ковалевым и А.В. Дятловым (Ковалев, 2023). Возникают,

⁴⁹ Правда, данные проекты и институции принадлежали к периоду правления Б. Клинтона и отхода Демократической партии США от левого курса к более центристскому «третьему пути» (Федотова, 2002).

конечно, встречные вопросы, например, как различать и различаются ли вообще, в таком случае, планово-административное управление от менеджеристского. Но подобные вопрошания следует оставить для иного, отдельного и самостоятельного, исследования. Так или иначе подобный сценарий по «разысканиям» менеджеристского понятия подразумевает, что постулируемые авторами-основателями менеджеризма как комплексной управленческой парадигмы могут быть чистой риторикой. И лишь за последней допустимо обнаружить подлинные характерные черты для причины и сущности менеджеризации. Но необходимо понимать, что «игра» с «подлинным», «скрытым», и «явным», «фиктивным», сама может «сорваться» в идеологические построения.

В-третьих, возможно, для преодоления разночтений касательно менеджеризма следует обращаться к ранее не задействованным концептуальным ресурсам. Например, помимо вовлечения возможностей многочисленных вариаций из множества неинституциональных теорий или академической литературы, посвященной исключительно менеджеристскому управлению, следует задействовать: политическую философию (Макинтайр, 2000), аналитику «управленчества» у М. Фуко и его последователей (Каплун, 2019), современные образовательные исследования (Piattoeva, 2020) и т.д. Так или иначе сама широта в ареале распространения менеджеризма предполагает и широту в теоретизировании о нем. Следовательно, необходимо преодоление дисциплинарных границ по пути постижения эмпирических менеджеристских форм.

Полагаем, три предложенные «эскиза» смогут помочь в дальнейшем изучении феноменов менеджеризации, менеджеристского государства и реформ общественного сектора. Так или иначе, предполагаем, что прежде всякого эмпирического исследования той или иной частной (видовой, конкретной) формы или проявления менеджеризма в какой-либо общественной сфере и стране предварительно необходимо выявить и синтезировать родовое понимание.

Литература

- Артур, Б.* Возрастающая отдача и два мира бизнеса / Б. Артур // Terra Economicus. – 2005. – Т. 3, № 4. – С. 7–19. – EDN NYZJSV.
- Атнашев, Т.* Бюрократия, или Порядок без хозяина / Т. Атнашев. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2025. – 168 с.
- Бабич, Н.С.* Концепция типологических операций Пауля Лазарфельда: сущность и роль в современной западной социологии / Н.С. Бабич // Актуальные вопросы современной науки. – 2012. – № 24. – С. 156–168. – EDN PLILAJ.
- Баранов, И.Н.* Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения / И.Н. Баранов // Российский журнал менеджмента. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 51–64. – EDN OWRHDL.
- Брубейкер, Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
- Воейков, М.И.* Либеральная концепция государства и современная экономика / М.И. Воейков, Д.Б. Джабборов // Теоретическая экономика. – 2019. – № 11. – С. 12–19. – EDN TPYDDQ.

- Вольчик, В.В.* Альтернативы менеджериству в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, М.А. Корытцев, Е.В. Маслюкова // *Управленец*. – 2020. – Т. 11, № 6. – С. 44–56. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-4>. – EDN BNPIQZ.
- Вольчик, В.В.* Институты и идеология менеджериства в сфере высшего образования и науки / В.В. Вольчик, М.А. Корытцев, Е.В. Маслюкова // *Управленец*. – 2019. – Т. 10, № 6. – С. 15–27. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2>. – EDN SCIVPE.
- Вялых, Н.А.* Пять тезисов в защиту менеджериства в российском здравоохранении / Н.А. Вялых // *Менеджеризм как идеология управления социальными процессами и институтами: Сборник тезисов VII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 ноября 2024 года*. – Ростов-на-Дону: ИП Беспмятнов С.В., 2025. – С. 13–18. – EDN BYWZLD.
- Дэвид Харви: неолиберализм — это политический проект [2016]. – Режим доступа: <http://openleft.ru/?p=8424>.
- Дятлов, А.В.* Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – <https://doi.org/DOI.10.19181/vis.2023.14.2.3>. – EDN RGIKSM.
- ИСИР ЮФУ провел VII Всероссийскую научно-практическую конференцию «Менеджеризм как идеология управления социальными процессами и институтами» [2024]. – URL: https://www.isir.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2484:isir-yufu-provel-vii-vserossijskuyu-nauchno-prakticheskuyu-konferentsiyu-menedzherizm-kak-ideologiya-upravleniya-sotsialnymi-protsessami-i-institutami&catid=8&Itemid=107.
- Казанцев, О.А.* Менеджеристские инструменты в документах и в лицах: исследование влияний на качество среднего общего образования / О.А. Казанцев // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. – 2025. – № 1(354). – С. 65–77. – <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2025-1-354-65-77>. – EDN PLWBOF.
- Капелюшников, Р.* Приключения «неолиберализма» / Р. Капелюшников // *Логос. Литературно-философский журнал*. – 2022. – Т. 32, № 4. – С. 1–50. – <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49>. – EDN ILFPPA.
- Каплун, В.* Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах / В. Каплун // *Логос. Литературно-философский журнал*. – 2019. – Т. 29, № 2. – С. 179–220. – <https://doi.org//0869-5377-2019-2-179-218>. – EDN ZDJRBB.
- Капогузов, Е.А.* Двойная спираль импорта институтов в российской реформе государственного управления / Е.А. Капогузов // *Управленец*. – 2019. – Т. 10, № 5. – С. 33–40. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-5-4>. – EDN IHKLG.
- Капогузов, Е.А.* Новый государственный менеджмент: эволюция и уроки для России / Е.А. Капогузов // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. – 2023. – № 3. – С. 124–139. – <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-3-124-139>. – EDN RDBLAY.
- Кауфман, Б.* Вверх по лестнице, ведущей вниз / Б. Кауфман. – М.: Радуга, 1989. – 288 с.
- Классики теории государственного управления: американская школа* / под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. – М.: Издательство МГУ, 2003. – 800 с.

- Ковалев, В.В.* Идеология менеджери́зма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Вестник университета. – 2023. – № 7. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. – EDN XGDYIY.
- Кошкин, П.П.* Традиционно-бюрократическая идеология и "новый менеджери́зм" (сравнительный анализ) / П.П. Кошкин // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 1. – С. 133–137. – EDN LJMEWB.
- Кузин, В.И.* Виды общих понятий / В.И. Кузин // Идеи и идеалы. – 2014. – Т. 1, № 2. – С. 42–49. – EDN SMFSIN.
- Макинтайр, А.* После добродетели: Исследования теории морали / А. Макинтайр. – М.: Академический Проект; Екб.: Деловая книга, 2000. – 384 с.
- Матвеев, И.⁵⁰* Сад расходящихся тропок: международная политическая экономия после неолиберализма / И. Матвеев // Социологическое обозрение. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 197–230. – doi: 10.17323/1728-192x-2025-3-197-230.
- Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала». – 1997. – 188 с.
- Оболонский, А.В.* Государственная служба Великобритании: традиции и поиск новой парадигмы / А.В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. – № 2. – С. 57–80. – EDN KKNOEN.
- Оболонский, А.В.* Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) / А.В. Оболонский // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2. – С. 145–170. – EDN SFEZUR.
- Оболонский, А.В.* Не Вебером единым: исторические модели государственной бюрократии (достоинства и недостатки) / А.В. Оболонский // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 1. – С. 7–20. – https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20. – EDN DAKCSS.
- Осборн, Д.* Управление без бюрократов. Пять стратегий обновления государства / Д. Осборн, П. Пластрик. – М.: ОАО Издательская группа «Прогресс», 2001. – 536 с.
- Остром, Э.* Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с.
- Родионова, М.М.* Травма академии: в попытках идиорритмической контекстуализации / М.М. Родионова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 10–28. – <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.1>. – EDN OIDDVT.
- Романова, Е.А.* Трансформация типологии либерализма: проблемы и противоречия / Е.А. Романова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 3. – С. 140–144. – EDN SXUIQZ.
- Троцук, И.* «Лингвистическая катастрофа» социолога, интересующегося текстовым анализом / И. Троцук // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16, № 1 – С. 247–269. – <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-247-269>. – EDN YKUYBF.
- Федотова, В.* Европейский «третий путь» и его символическое значение для России и других стран / В. Федотова // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 3–18. – EDN TWMRHR.

⁵⁰ Матвеев Илья Александрович внесен Минюстом в список иностранных агентов.

- Шихардин, Н.В.* Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма / Н.В. Шихардин // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 11–17. – EDN OOPGV.
- Aaronson, S.A.* Missing persons: The case of national AI strategies / S.A. Aaronson, A. Zable // CIGI Papers. – 2023. – No. 283. – P. 1–28.
- Aicon, P.* Administrative Reform In Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums / P. Aicon // Governance. – 1990. – Vol. 3, No. 2. – P. 115–137. – <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>.
- Bakir, C.* Why does the combination of policy entrepreneur and institutional entrepreneur roles matter for the institutionalization of policy ideas? / C. Bakir, S. Akgunay, K. Coban // Policy Sciences. – 2021. – Vol. 54. – P. 397–422. – <https://doi.org/10.1007/s11077-021-09417-3>.
- Baracskaý, D.* Reviewed Work: Banishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing Government by David Osborne, Peter Plastrik / D. Baracskaý // Presidential Studies Quarterly. – 1998. – Vol. 28, No. 2. – P. 450–454.
- Black, M.* The Gap Between «Is» and «Should» / M. Black // The Philosophical Review. – 1964. – Vol. 73, No. 2. – P. 165–181. – <https://doi.org/10.2307/2183334>.
- Cole, D.* The Chinese Room Argument / D. Cole // The Stanford Encyclopedia of Philosophy [2024]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/chinese-room>.
- Doran, C.* Managerialism: An Ideology and its Evolution / C. Doran // International Journal of Management, Knowledge and Learning. – 2016. – Vol. 5, No. 1. – P. 81–97.
- Du Gay, P.* Review: Entrepreneurial Management in the Public Sector. Reviewed Work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler / P. Du Gay // Work, Employment & Society. – 1993. – Vol. 7, No. 4. – P. 643–648.
- Eagleton-Pierce, M.* Introduction: the political economy of managerialism / M. Eagleton-Pierce, S. Knafo // Review of International Political Economy. – 2020. – Vol. 27, No. 4. – P. 763–779. – <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1735478>.
- Fox, Ch. J.* Reinventing Government as Postmodern Symbolic Politics / Ch. J. Fox // Public Administration Review. – 1996. – Vol. 56, No. 3. – P. 256–262. – <https://doi.org/10.2307/976449>.
- Hood, C.* Paradoxes of public-sector managerialism, old public management and public service bargains / C. Hood. – International Public Management Journal. – 2000. – Vol. 3, No. 1. – P. 1–22. – [https://doi.org/10.1016/S1096-7494\(00\)00032-5](https://doi.org/10.1016/S1096-7494(00)00032-5).
- Jaros, S.* Expansive and Focused Concepts of Managerialism in CMS / S. Jaros // Tamara: Journal for Critical Organization Inquiry. – 2018. – Vol. 16, No. 1. – P. 1–12.
- Lane, J.-E.* Osborne’s Trilogy: A Critique of the Management Philosophy of David Osborne / J.-E. Lane // Halduskultuur. – 2006. – Vol. 7. – P. 6–14.
- MacDonald, M.* Reviewed Work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler / M. MacDonald // Canadian Review of Social Policy. – 1995. – No. 35. – P. 97–101.
- Martinez, J.* Holding «Reinvented Governments» Accountable. Reviewed Work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler / J. Martinez // The Urban Lawyer. – 1992. – Vol. 25, No. 3. – P. 683–691.
- Miller, Ch.M.* Reviewed Work: Banishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing

- Government by David Osborne and Peter Plastrik / Ch.M. Miller // *Political Science Quarterly*. – 1998. – Vol. 113, No. 1. – P. 168–169.
- Osborne, D. *Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector* / D. Osborne, T. Gaebler. – New York: Addison-Wesley, 1992. – 405 p.
- Page, S. What's New about the New Public Management? Administrative Change in the Human Services / S. Page // *Public Administration Review*. – 2005. – Vol. 65, No. 6. – P. 713–727. – <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00500.x>.
- Piattoeva, N. Escaping numbers? The ambiguities of the governance of education through data / N. Piattoeva N., R. Boden // *International Studies in Sociology of Education*. – 2020. – Vol. 29, No. 1–2. – P. 1–18. – <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1725590>.
- Ravitch, D. *The Death and Life of the Great American School System. How Testing and Choice Are Undermining Education* / D. Ravitch. – New York: Basic Books, 2011. – 242 p.
- Schachter, H.L. Feminist Theory and the Political Dimension of Performance Measurement: A Preliminary Analysis / H.L. Schachter // *Public Performance & Management Review*. – 2008. – Vol., 32, No. 2. – P. 263–274. – <https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576320204>.
- Schachter, H.L. *Reinventing Government or Reinventing Ourselves: Two Models for Improving Government* / H. L. Schachter // *Public Administration Review*. – 1995. – Vol. 55, No. 6. – P. 530–537. – <https://doi.org/10.2307/3110344>.
- Shepherd, S. Managerialism: an ideal type / S. Shepherd // *Studies in Higher Education*. – 2017. – Vol. 43, No. 9. – P. 1668–1678. – <https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1281239>.
- Slobodian, Q. *Hayek's Bastards: Race, Gold, IQ, and the Capitalism of the Far Right* / Q. Slobodian. – New York: Zone Books, 2025. 279 p.
- Spicer, M. Public Administration, the History of Ideas, and the Reinventing Government Movement / M. Spicer // *Public Administration Review*. – 2004. – Vol. 64, No. 3. – P. 353–362. – <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00379.x>.
- Thompson, F.G. *Reinventing Government* / F.J. Thompson, N.M. Riccucci // *Annual Review of Political Science*. – 1998. – Vol. 1. – P. 231–257. – <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.231>.

References

- Arthur B. Increasing returns and the two worlds of business. *Terra Economicus*. 2005; 3(4): 7–19. (In Russ.)
- Atnashev T. *Bureaucracy, or Order without a Master*. Saint Petersburg: *Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge = EUSP Press*; 2025. 168 p. (In Russ.)
- Babich N.S. The concept of Paul Lazarsfeld's typological operations: essence and role in contemporary Western sociology. *Aktualnyye voprosy sovremennoy nauki = Aktualnyye voprosy sovremennoy nauki*. 2012; (24): 156–168. (In Russ.)
- Baranov I.N. New public management: the evolution of theory and practice. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2012; 10(1): 51–64. (In Russ.)
- Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Moscow: *Izdatel'skiy dom Vysshej shkoly ekonomiki = HSE Publishing House*; 2012. 408 p. (In Russ.)
- Voeikov M.I., Dzhabborov D.B. The liberal concept of the state and the modern economy. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. 2019; (11): 12–19. (In Russ.)
- Volchik V.V., Koryttsev M.A., Maslyukova E.V. Alternatives to managerism in education and science.

Upravlenets = The Manager. 2020; 11(6): 44–56. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-4> (In Russ.)

Volchik V.V., Koryttsev M.A., Maslyukova E.V. Institutions and ideology of managerism in higher education and science. *Upravlenets = The Manager*. 2019; 10(6): 15–27. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2> (In Russ.)

Vyalykh N.A. Five theses in defense of managerism in Russian healthcare. In: *Managerism as an ideology of managing social processes and institutions: Proceedings of the VII All-Russian scientific-practical conference* (Rostov-on-Don, 22 November 2024). Rostov-on-Don: *IE Bespamyatnov S.V.*; 2025: 13–18. (In Russ.)

David Harvey: Neoliberalism is a political project *Open Left*. 05.08.2016. Available at: <http://openleft.ru/?p=8424> (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. The effectiveness of managing Russian higher education in the practices of applying managerial tools. *Vestnik Instituta Sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14(2): 70–91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3> (In Russ.)

ISR SFU held the VII All-Russian scientific-practical conference “Managerialism as an ideology of managing social processes and institutions” *ISR SFU*. 26.11.2024. Available at: https://www.isir.sfedu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2484:isir-yufu-provel-vii-vserossijskuyu-nauchno-prakticheskuyu-konferentsiyu-menedzherizm-kak-ideologiya-upravleniya-sotsialnymi-protsessami-i-institutami&catid=8&Itemid=107 (In Russ.)

Kazantsev O.A. Managerial Tools in Documents and in Persons: An Investigation of The Impact on The Secondary General Education’ Quality. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya = The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”*. 2025; 1(354): 65–77. <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2025-1-354-65-77> (In Russ.)

Kapelyushnikov R. The adventures of “neoliberalism”. *Logos. Literaturno-filosofskiy zhurnal = Logos*. 2022; 32(4): 1–50. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2022-4-1-49> (In Russ.)

Kaplun V. To stop thinking “power” through “state”: gouvernementalite, Governmentality Studies, and what happened to Michel Foucault’s analytics of power in Russian translations. *Logos. Literaturno-filosofskiy zhurnal = Logos*. 2019; 29(2): 179–220. doi: 0869-5377-2019-2-179-218. (In Russ.)

Kapoguzov E.A. The double helix of institutional import in the Russian public administration reform. *Upravlenets = The Manager*. 2019; 10(5): 33–40. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-5-4> (In Russ.)

Kapoguzov E.A. New public management: evolution and lessons for Russia. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskij zhurnal ECO = EKO*. 2023; (3): 124–139. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-3-124-139> (In Russ.)

Kaufman B. Up the Down Staircase. Moscow: *Raduga = Raduga*; 1989. 288 p. (In Russ.)

Shafritz J., Hyde A. (eds.) *Classics of Public Administration Theory: The American School*. Moscow: *Izdatelstvo MGU = Izdatelstvo MGU*; 2003. 800 p. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, health care. *Vestnik universiteta = Vestnik universiteta*. 2023; (7): 24–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32> (In Russ.)

Koshkin P.P. Traditional-bureaucratic ideology and “new managerialism” (comparative

- analysis). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2007; (1): 133–137. (In Russ.)
- Kuzin V.I. Types of general concepts. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2014; 1(2): 42–49. (In Russ.)
- MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow: *Akademicheskii Proekt = Akademicheskii Proekt*; Ekaterinburg: *Delovaya kniga = Delovaya kniga*; 2000. 384 p. (In Russ.)
- Matveev I. The garden of forking paths: International political economy after neoliberalism. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2025; 24(3): 197–230. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-3-197-230> (In Russ.)
- North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: *Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala" = Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala"*; 1997. 188 p. (In Russ.)
- Obolonsky A.V. The civil service of Great Britain: traditions and the search for a new paradigm. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2009; (2): 57–80. (In Russ.)
- Obolonsky A.V. The crisis of effectiveness of the administrative-bureaucratic state and the search for a way out: the US experience. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2014; (2): 145–170. (In Russ.)
- Obolonsky A.V. Not by Weber alone: historical models of state bureaucracy (advantages and disadvantages). *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Issues of Economic Theory*. 2023; (1): 7–20. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20 (In Russ.)
- Osborne D., Plastrik P. *Banishing Bureaucracy: Five Strategies for Reinventing Government*. Moscow: *JSC Izdatelskaya gruppa "Progress" = JSC Izdatelskaya gruppa "Progress"*; 2001. 536 p. (In Russ.)
- Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Moscow: *IRISEN; Mysl = IRISEN; Mysl*; 2010. 447 p. (In Russ.)
- Rodionova M.M. The trauma of the academy: in attempts at idiorhythmic contextualization. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*. 2022; 14(4): 10–28. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.1> (In Russ.)
- Romanova E.A. The transformation of the typology of liberalism: problems and contradictions. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2014; (3): 140–144. (In Russ.)
- Trotsuk I. The “linguistic catastrophe” of a sociologist interested in text analysis. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2017; 16(1): 247–269. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-247-269> (In Russ.)
- Fedotova V. The European “third way” and its symbolic significance for Russia and other countries. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Russian Sociological Review*. 2002; 2(1): 3–18. (In Russ.)
- Aaronson S.A., Zable A. Missing persons: the case of national AI strategies. *CIGI Papers*. 2023; (283): 1–28.
- Aicon P. Administrative reform in public management: paradigms, principles, paradoxes and pendulums. *Governance*. 1990; 3(2): 115–137. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.1990.tb00111.x>
- Bakir C., Akgunay S., Coban K. Why does the combination of policy entrepreneur and institutional entrepreneur roles matter for the institutionalization of policy ideas? *Policy Sciences*. 2021; 54: 397–422. <https://doi.org/10.1007/s11077-021-09417-3>
- Baracskay D. Reviewed work: *Banishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing*

- Government by David Osborne, Peter Plastrik. *Presidential Studies Quarterly*. 1998; 28(2): 450–454.
- Black M. The gap between “Is” and “Should”. *The Philosophical Review*. 1964; 73(2): 165–181. <https://doi.org/10.2307/2183334>
- Cole D. The Chinese Room Argument. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [2024]. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/chinese-room>
- Doran C. Managerialism: an ideology and its evolution. *International Journal of Management, Knowledge and Learning*. 2016; 5(1): 81–97.
- Du Gay P. Entrepreneurial management in the public sector. Reviewed work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler. *Work, Employment & Society*. 1993; 7(4): 643–648.
- Eagleton-Pierce M., Knafo S. Introduction: the political economy of managerialism. *Review of International Political Economy*. 2020; 27(4): 763–779. <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1735478>
- Fox Ch.J. Reinventing government as postmodern symbolic politics. *Public Administration Review*. 1996; 56(3): 256–262. <https://doi.org/10.2307/976449>
- Hood C. Paradoxes of public-sector managerialism, old public management and public service bargains. *International Public Management Journal*. 2000; 3(1): 1–22. [https://doi.org/10.1016/S1096-7494\(00\)00032-5](https://doi.org/10.1016/S1096-7494(00)00032-5)
- Jaros S. Expansive and focused concepts of managerialism in CMS. *Tamara: Journal for Critical Organization Inquiry*. 2018; 16(1): 1–12.
- Lane J.-E. Osborne’s trilogy: a critique of the management philosophy of David Osborne. *Halduskultuur*. 2006; 7: 6–14.
- MacDonald M. Reviewed work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler. *Canadian Review of Social Policy*. 1995; (35): 97–101.
- Martinez J. Holding “reinvented governments” accountable. Reviewed work: Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector by David Osborne, Ted Gaebler. *The Urban Lawyer*. 1992; 25(3): 683–691.
- Miller Ch.M. Reviewed work: Banishing Bureaucracy: The Five Strategies for Reinventing Government by David Osborne and Peter Plastrik. *Political Science Quarterly*. 1998; 113(1): 168–169.
- Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government: How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. New York: Addison-Wesley; 1992. 405 p.
- Page S. What’s new about the new public management? Administrative change in the human services. *Public Administration Review*. 2005; 65(6): 713–727. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2005.00500.x>
- Piattoeva N., Boden R. Escaping numbers? The ambiguities of the governance of education through data. *International Studies in Sociology of Education*. 2020; 29(1–2): 1–18. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1725590>
- Ravitch D. The Death and Life of the Great American School System: How Testing and Choice Are Undermining Education. New York: Basic Books; 2011. 242 p.
- Schachter H.L. Feminist theory and the political dimension of performance measurement: a preliminary analysis. *Public Performance & Management Review*. 2008; 32(2): 263–274.

<https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576320204>

Schachter H.L. Reinventing government or reinventing ourselves: two models for improving government. *Public Administration Review*. 1995; 55(6): 530–537.

<https://doi.org/10.2307/3110344>

Shepherd S. Managerialism: an ideal type. *Studies in Higher Education*. 2017; 43(9): 1668–1678.

<https://doi.org/10.1080/03075079.2017.1281239>

Slobodian Q. Hayek's Bastards: Race, Gold, IQ, and the Capitalism of the Far Right. *New York: Zone Books*; 2025. 279 p.

Spicer M. Public administration, the history of ideas, and the reinventing government movement. *Public Administration Review*. 2004; 64(3): 353–362. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00379.x>

Thompson F.G., Riccucci N.M. Reinventing government. *Annual Review of Political Science*. 1998; 1: 231–257. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.231>

Дата получения рукописи: 15.10.2025

Дата окончания рецензирования: 18.11.2025

Дата принятия к публикации: 19.11.2025

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич – преподаватель Института социологии и регионоведения, преподаватель Лицея Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: koznew@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kazantsev Osip Andreyevich – Lecturer at the Institute of Sociology and Regional Studies, Teacher at the Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: koznew@bk.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.354.2; 316.473; 65.015.3

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.8>

EDN UWWCEE

Менеджериализация российского законодательства о деятельности медицинских организаций**Юлия И. Исакова¹**¹ Донской государственный технический университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Аннотация

Введение. Предпринимается попытка систематизировать законодательство о деятельности медицинских организаций с точки зрения принятой в настоящее время федеральным центром управленческой идеологии. Актуальность определяется высоким уровнем значимости здравоохранения для современного общества. Цель исследования сформулирована как выявление реального содержания менеджериализации российского законодательства о здравоохранении исходному замыслу начальной стадии реформы.

Методы. Исследование выполнено на основе теоретического подхода Д. Осборн и П. Пластрик, в котором раскрываются фундаментальные основы менеджеристской модели управления. Адаптация общей менеджеристской теории к российским условиям показана через применение работ таких отечественных ученых как В.В. Вольчик и Е.В. Маслюкова, А.В. Дятлов и В.В. Ковалев, М.В. Курбатова и др. Основной эмпирический метод – анализ документов.

Результаты и их обсуждение. Показано, что начальный замысел менеджеристской реформы, которая оформлялась соответствующими нормативными актами, не вполне соответствует финальному результату. Идея состояла в создании модели государственного менеджериализма, при которой государство получит рычаг для распределения финансовых ресурсов строго по показателям эффективности отдельных медицинских организаций. Создания в такой конструкции нормативная модель была преобразована под давлением медицинской общественности в гибридную конструкцию, включающую в себя несколько управленческих практик. В текущий момент финансирование здравоохранения проводится через институт государственного задания, который имеет неоднозначный характер. Отчасти в нем сохраняются элементы государственного менеджериализма, но в значительной степени он действует по менеджеристским правилам, разработанным для коммерческих корпораций. Это порождает противоречивость, неопределенность, неясность в правосубъектности и правоспособности медицинских организаций.

Ключевые слова: менеджериализация; нормативные акты; управление; здравоохранение; медицинские организации; рейтинг; KPI; эффективный контракт.

Для цитирования: Исакова Ю.И. (2025). Менеджерализация российского законодательства о деятельности медицинских организаций. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 144-153. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.8>

Managerialization of Russian legislation on the activities of medical organizations

Yulia I. Isakova¹

¹Don State Technical University

Rostov-on-Don, Russia

e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Abstract

Introduction. An attempt is made to systematize the legislation on the activities of medical organizations from the point of view of the management ideology currently adopted by the federal center. The relevance is determined by the high level of importance of healthcare for modern society. The purpose of the study is formulated as revealing the real content of the managerialization of Russian legislation on healthcare to the initial idea of the initial stage of reform.

Methods. The study is based on the theoretical approach of D. Osborn and P. Plastrik, which reveals the fundamental principles of the managerial model of management. The adaptation of general managerial theory to Russian conditions is shown through the use of the works of such Russian scholars as V.V. Volchik and E.V. Maslyukova, A.V. Dyatlov and V.V. Kovalev, M.V. Kurbatova, and others. The main empirical method is document analysis.

Results and its discussion. It is shown that the initial concept of the managerial reform, which was formalized by relevant regulatory acts, does not fully correspond to the final result. The idea was to create a model of state managerialism, in which the state would have the leverage to distribute financial resources based on the performance indicators of individual medical organizations. However, the regulatory model was transformed into a hybrid structure that includes several management practices under pressure from the medical community. Currently, healthcare funding is provided through the institution of the state assignment, which has a controversial nature. In part, it retains elements of state managerialism, but to a large extent, it operates according to managerialist rules developed for commercial corporations. This creates inconsistencies, uncertainty, and ambiguity in legal personality and legal capacity.

Keywords: managerialization; regulations; management; healthcare; medical organizations; rating; KPI; effective contract.

For citation: Isakova Yu.I. (2025). Managerialization of Russian legislation on the activities of medical organizations. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 144-153. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.8>

Введение

Менеджеристская идеология стала источником принятия управленческих решений во всех сферах российского социума. Не осталась в стороне и система здравоохранения. Здесь действует та же самая логика, с помощью которой объясняется необходимость перехода на новое государственное управление для образования и других социальных институтов. Она сводится к необходимости сделать правительство «более дешевым». Охватывая ситуацию чуть шире, можно сказать о задачах снижения расходов на бюджет

в непроизводящем секторе. Менеджеристское управление нацеливалось именно на это. Говоря конкретнее о медицинских организациях, инициаторы реформ следовали принципу коммерциализации профессиональной деятельности работников здравоохранения. Врачи и медицинские сестры должны научиться зарабатывать деньги и в автономном от государства режиме обслуживать свои финансовые потребности. Это позволило бы снизить им гарантированные федеральными нормами заработные платы, а самим образовательным организациям перейти на нечто подобное хозяйственной самостоятельности, включая закупку медтехники для диагностики, лечения и реабилитации пациентов.

До 2014 года, когда власть последовательно стала принимать нормативные акты, соответствующие духу нового государственного управления, всё финансирование было или прямо заложено бюджетом, или регулировалось через инструменты фондов обязательного медицинского страхования (ОМС). В последнем случае считай посредством государства, т.к. ФОМС и его территориальные подразделения институционально выстроены в опоре на бюджетные ресурсы. Менеджериализация российского законодательства о деятельности медицинских организаций по замыслу реформаторов должна была эту связь разорвать, создав условия для применения принципов коммерциализации и конкуренции в профессиональной деятельности работников здравоохранения. Таким образом, исходная задача состояла в превращении медицинских организаций в квазикommerческие образования, способные снизить бремя бюджетных расходов у государства.

Опираясь на сказанное выше, цель сформулируем как выявление реального соответствия менеджериализации российского законодательства о здравоохранении исходному замыслу начальной стадии реформы.

Методология и методы исследования

Поскольку предметное поле данной статьи определено в тематическом ракурсе менеджериализма, то и теоретические подходы в статье применяются сообразно сформулированной тематике. Наиболее продуктивными для разработки методологии и работы с эмпирическими данными нам представляются идеи, высказанные в книге Д. Осборн и П. Пластрик «Управление без бюрократов» (Осборн, Пластрик, 2001). Также полезными в обозначенном качестве мы сочли идеи отечественных ученых, работающих в критическом пространстве переосмысления результатов менеджеристского управления, полученных в процессе практического применения представленной модели уполномоченными органами власти в Российской Федерации: В.В. Вольчик и Е.В. Маслюкова (Вольчик, Маслюкова, 2019), А.В. Дятлов и В.В. Ковалев (Ковалев, Дятлов, 2024; Дятлов, Ковалев, 2025), М.В. Курбатова (Курбатова, 2016) и др. Благодаря указанным авторам, мы сформировали свое собственное представление о задачах менеджеристского управления в сфере здравоохранения, и получили возможность осмыслить внутренние закономерности трансформации законодательства, регулирующего деятельность медицинских организаций.

Основной эмпирический метод, который применялся в нашем исследовании – анализ документов. Таковыми выступают нормативные акты разных уровней: федеральные, региональные, локальные. Их сочетание позволит выстроить заданную

систему нормативных взаимосвязей, легитимирующих для конкретных учреждений здравоохранения – больниц, поликлиник, родильных домов, амбулаторий – право применять институциональный потенциал менеджизма в своих управленческих практиках и в ходе коммуникации с пациентами (клиентами).

Результаты исследования

Основным законом нашей страны, как общеизвестно, является Конституция. В ч. 1 ст. 41 дана определенная и ясная дефиниция по вопросам оказания медицинской помощи: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». Здесь отсутствуют даже намеки на наличие менеджеристской идеологии. Конституционная норма не допускает конкуренции между медицинскими организациями, перевод части медицинской помощи на коммерческую основу, не легализует понятие «услуги» в пространстве коммуникаций по оказанию медицинской помощи. Специально подчеркивается, что помощь оказывается гражданам бесплатно. Не предполагается, что за какие-то виды медицинских воздействий допускается взимание денежной платы. Делается акцент на том, что бесплатная помощь предоставляется в медицинских учреждениях, находящихся на балансе государственных и муниципальных органов власти. Очевидно, что за этим стоит допущение о наличии коммерческого сектора медицины, который живет по другим правилам, где пациент считается клиентом, а общественное благо – частной услугой.

Как видно, конституциональные нормы о здравоохранении не претерпели видоизменений даже после масштабного внесения поправок 1 июля 2020 г. Между тем, уже тогда всю предпринимались попытки коренным образом преобразовать нормативный порядок и создать новую нормальность для функционирования медицинских организаций. Эта нормальность создавалась на основе транзита актов законодательства в квазирыночный институт.

Первым шагом в указанном направлении стало принятие 21 ноября 2011 г. нового федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ-№323). Идеи о преобразовании российского государства в публичный институт сервисного типа обсуждались задолго до 2011 г. Во многом прообразом для них стали реформы, которые проводились администрацией Б. Клинтона в США в 90-гг. прошлого века, а ещё ранее – правительством М. Тэтчер в Великобритании. Во многом именно их опыт был осмыслен Д. Осборном и П. Пластриком и описан в рамках концепта предпринимательское государство. Если коротко, то суть этого понятия сводится к деbüroкратизации управления, установлении четких метрик эффективности для государственных служащих (государственных регламентов, преобразованных в ключевые показатели эффективности (далее – KPI)), коммерциализации профессионального мышления всех сотрудников бюджетных организаций, даже если их нельзя причислить к традиционно понимаемой бюрократии. Всё, что связано с государственным финансированием, должно измениться. Бюрократическое государство с точки зрения последователей менеджеристской идеологии априори не может быть эффективным. Оно затратно, не способно достигать социально значимых целей, не

управляемо. Если расходы на оказание услуг от государства перенести на общество и отождествить граждан с клиентами, а государство преобразовать в сервисные службы и агентства, где все работники трудятся строго по KPI, то автоматически включатся механизмы рыночного мышления («чем больше я работаю, тем больше получаю»; «бесплатный сыр бывает только в мышеловке»; «качественная услуга не может быть дешевой»). Перечисленные нарративы – это следствие обменных процессов, возникших под воздействием успешности сделок эквивалентного характера в рыночном секторе экономики. Закрепленный положительный результат трансформировался в установки согласия действовать определенным образом, а не иначе.

Такой же порядок последователи менеджериализма, как положительный опыт рыночных коммуникаций, посчитали нужным и допустимым воссоздать в нерыночных социальных институтах. Отмеченный выше ФЗ-№323 вобрал в себя несколько менеджеристских установок.

Прежде всего, легализуется понятие медицинская услуга. В статье 2 ФЗ-№323 она сформулирована как «медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение» (Федеральный, 2011). На данный момент слово услуга упоминается в приведенном Законе девятью разами. Немало для сравнительно небольшого нормативно-правового акта. Но главное даже не столько количество, сколько отождествление понятий «услуга» и «помощь», что, очевидно, по замыслу реформаторов должно было облегчить медицинскому персоналу перейти на новый понятийный аппарат. Концептуальные изменения в законодательстве подкрепляются новыми формами правоспособности как медицинских организаций, так и пациентов (клиентов), отныне выступающих в статусах, соответственно, производителей и потребителей медицинских услуг. Статья 19 ФЗ-№323 закрепляет право каждого нуждающегося в медицинской помощи на получение платных медицинских услуг. При этом Закон ничего не сообщает о том, что речь идет исключительно о коммерческих медицинских организациях. В нем как раз не делается никаких различий, и это открывает муниципальным и государственным больницам широкий простор для коммерциализации своей деятельности. В статье 76 ФЗ-№323 проговаривается, что коммерческие услуги предоставляются не в произвольном порядке, а посредством заключения специальных соглашений по тарифам. Иначе говоря, цены на них в государственных учреждениях устанавливаются не стихийным рынком, а организовано. Впрочем, их коммерческую природу это не отменяет. Дополнительно нужно сказать о том, что некоммерческие медицинские учреждения имеют нормативно обеспеченную возможность оказывать коммерческие услуги и немедицинского характера, то есть за пределами своей профильной правоспособности, но только если они имеют сопутствующий, а не основной характер.

Проанализированный Закон обеспечил перспективы для дальнейшей менеджериализации институциональных правил, регулирующих деятельность медицинских организаций. Планы законодателей полностью укладывались в рамки т.н. государственного менеджериализма. Это особая модель управления, при которой государство оказывается главным актором в организации квазирыночного пространства, определяющего распределение финансовых ресурсов по итогам

конкуренции между медицинскими организациями. При детальном приближении эта модель достаточно проста. Каждая больница и другие учреждения, находящиеся в ведении министерства здравоохранения или муниципальных органов власти, получает свой собственный KPI. Это четко сформулированные показатели эффективности, измеряемые в баллах, процентах или иных метриках. Заинтересованность медицинских работников трудиться по метрикам прямо пропорционально способности персонала получать дополнительные выплаты, производные от эффективных контрактов или личных рейтингов. От успешности выполнения KPI складывается рейтинг каждой медицинской организации. А это, в свою очередь, предопределяет объемы государственного финансирования и размер средств от ФОМС на оказание медицинских услуг и хозяйственно-управленческую деятельность.

Данная конфигурация правил чуть ранее была апробирована на примере высшего образования и действует в нём по настоящий момент (Каверн, 2014). Перечисленные идеи должны были получить легализацию посредством Приказа Министерства здравоохранения РФ от 12 сентября 2014 г. № 503 «Об организации работы по формированию рейтингов государственных (муниципальных) учреждений, оказывающих услуги в сфере здравоохранения» (Приказ, 2014). Этот документ, действительно, был принят, но просуществовал недолго. Спустя шесть месяцев его отменили Приказом Министерства здравоохранения РФ от 14 мая 2015 г. №239 «О признании утратившими силу приказов Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 октября 2013 г. №810а и от 12 сентября 2014 г. №503» (Приказ, 2015). Причиной отмены стало резкое неприятие со стороны общественности и профессионального медицинского сообщества. Возникли опасения в том, что столь откровенное превращение медицинских учреждений в «рынок» приведет к резкому падению качества медицинской помощи (Николаев, 2015).

Полный отход от менеджеризации законодательства о деятельности медицинских организаций не состоялся. Отказ от идеи формировать рейтинг на федеральном уровне как условие распределения финансов был заменен перемещением инструментов, обеспечивающих содействие коммерциализации и конкуренции на локальный уровень. Самое же финансирование стало осуществляться посредством государственного задания. Документом об этом был принят Постановлением Правительства РФ от 26 июня 2015 г. № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания». В значительной степени оно формируется на основе затратного метода, что предполагает строгий расчет всех функциональных потребностей как самой медицинской организации, так и конкретного рынка медицинских услуг, где эта организация работает. Невыполнение заданного объема государственного задания, как правило, ведет к снижению финансирования на следующий финансовый год.

Чтобы этого не произошло основной массив менеджеристских практик применения рейтингов, KPI и эффективных контрактов перемещается на региональный и локальный уровень. Исключением следует считать лишь эффективные контракты, т.к. их типовой формат для руководителей медицинских организаций разрабатывался отдельно от общих универсальных правил, имеющих в Распоряжении Правительства Российской

Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2599-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения» (Распоряжение, 2012). Во всех остальных случаях, то есть для персонала медицинских организаций, эффективный контракт можно считать неким принципом, посредством которого легализуются низкие оклады для врачей и медсестер, выступающие по замыслу реформатором мотивационным стимулом для интенсивной работы на рейтинг и KPI.

Также ещё одной особенностью следует указать то, что отдельные учреждения в системе здравоохранения находятся в режиме прямого государственного управления по ключевым показателям эффективности. Для этих целей принят Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 апреля 2020 г. №387н (Приказ, 2020). Им даны строго фиксированные государством KPI, устанавливающие конкретные показатели эффективности, выраженные в числовых измерениях, процентных, балльных и иных видах метрик. Всего в Приказе перечислено двадцать три разновидности медицинских организаций. Некоторые из них имеют уникальный характер и представлены в единственном числе (например, «Терский лепрозорий»), но в основном группируются по общему типологическому признаку: научно-исследовательские, санаторно-курортные, психиатрические и образовательные организации. Для них составлены отдельные KPI, из которых складываются рейтинги и эффективные контракты на локальном уровне.

Основная масса медицинских организаций имеет право самостоятельно решать какие виды метрик и в каком объеме нужно использовать в качестве индикаторов эффективности. Поэтому большая часть нормативных актов, имеющих менеджеристский характер, принимается в больницах и в иных учреждениях здравоохранения внутренними департаментами, уполномоченными осуществлять нормотворчество. Проведенный анализ имеющихся в доступности документов показал, что, во всяком случае формально, медицинские организации имеют локальные акты, в которых четко определены все необходимые для составления индивидуальных рейтингов эмпирические индикаторы. В подавляющем большинстве случаев квалиметрия принята в балльном измерении, значительно реже – в процентном. Правда, важно отметить, что каких-то формул, переводящих баллы в денежный эквивалент, нигде не предусмотрено. Полагаем, это оставляет известный простор для субъективизма, что с высокой долей вероятности обесмысливает всю эту нормативную конструкцию.

Заключение

В заключении будет правильным, если мы вернемся к цели и попробуем дать ответ на вопрос, который из нее логически следует. Итак, цель была определена как выявление реального содержания менеджериализации российского законодательства о здравоохранении исходному замыслу начальной стадии реформы. Напомним, что начальный замысел заключался в создании модели государственного менеджериализма, при которой государство получит рычаг для распределения финансовых ресурсов строго по показателям эффективности отдельных медицинских организаций. Такой вариант организации управления, действительно, был создан. Однако просуществовал он недолго, т.к. вызвал протесты со стороны медицинского сообщества. В текущий момент финансирование здравоохранения проводится через институт государственного

задания, который имеет гибридный характер. Отчасти в нем сохраняются элементы государственного менеджеризма, но в значительной степени он действует по менеджериалистским правилам, разработанным для коммерческих корпораций. Это порождает некоторую противоречивость, неопределенность, неясность в правосубъектности и правоспособности медицинских организаций.

Литература

Вольчик, В.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // Terra Economicus. – 2019. – №17. – С. 146-162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>.

Дятлов, А.В. Менеджеристские основы нормативно-подушевого финансирования высшего образования и его социальные эффекты / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Вестник Института социологии. – 2025. – Том 16, № 3. – С. 203–228. <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.11>

Каверн, И.В. Нормативно-подушевое финансирование высшего образования / И.В. Каверн // Советник в сфере образования. – 2014. – № 2. – С. 18-23.

Ковалев, В.В. Профессиональная культура преподавателей в условиях менеджеристского управления (на примере вузов юга России) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // Oriental Studies. – 2024. – Т. 17, №4. – С. 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>.

Курбатова, М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // Мир России. – 2016. – Т. 25. – №4. – С. 59-86.

Николаев, В.Г. Реформа российского здравоохранения и ценностные конфликты профессионализма / В.Г. Николаев // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Том 13. – №4. – С. 611-626.

Осборн, Д. Управление без бюрократов / Д. Осборн, П. Пластрик. – М.: Прогресс, 2001. – 536 с.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29 апреля 2020 г. №387н «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении министерства здравоохранения Российской Федерации, и их руководителей». URL: <https://docs.cntd.ru/document/565039821?section=text>.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 сентября 2014 г. № 503 «Об организации работы по формированию рейтингов государственных (муниципальных) учреждений, оказывающих услуги в сфере здравоохранения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70663238/>.

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 мая 2015 г. №239 «О признании утратившими силу приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 октября 2013 года №810а и от 12 сентября 2014 года №503». URL: <https://docs.cntd.ru/document/420276527>.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2599-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения». URL: <https://base.garant.ru/70292398/>.

Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.

Reference

Volchik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, Tacit Knowledge, and Institutional Traps in Education and Science. *Terra Economicus*. 2019; 17: 146-162. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162>. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Managerial Foundations of Normative Per capita Financing of Higher Education and Its Social Effects. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2025; 16(3): 203–228. <https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.11>. (In Russ.)

Kavern I. V. Normative-per capita financing of higher education. *Sovetnik v sfere obrazovaniya = Advisor in the field of education*. 2014; 2: 18-23. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Professional Culture of Teachers in the Context of Managerial Management (Based on the Example of Universities in the South of Russia). *Oriental Studies*. 2024;17(4): 849-869. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2024-74-4-849-869>. (In Russ.)

Kurbatova M.V. Reform of Higher Education as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: Content and Consequences. *Mir Rossii = The World of Russia*. 2016; 25(4): 59-86. (In Russ.)

Nikolaev V.G. Reform of Russian Healthcare and Value Conflicts of Professionalism. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = Journal of Social Policy Research*. 2015; 13(4): 611-626. (In Russ.)

Osborn D., P. Plastrik P. Management without Bureaucrats. Moscow: Progress, 2001. 536 p.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 387n dated April 29, 2020 "On Approval of Performance Indicators for Federal State Institutions under the Ministry of Health of the Russian Federation and Their Heads". URL: <https://docs.cntd.ru/document/565039821?section=text>.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated September 12, 2014 No. 503 "On the organization of work on the formation of ratings of state (municipal) institutions providing services in the field of healthcare". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70663238>.

Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated May 14, 2015 No. 239 "On recognition as invalid effective by Order of the Ministry of Health of the Russian Federation No. 810a dated October 31, 2013 and No. 503 dated September 12, 2014". URL: <https://docs.cntd.ru/document/420276527>.

Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2012 No. 2599-r "On Approval of the action plan (roadmap) "Changes in social sectors aimed at improving the efficiency of healthcare". URL: <https://base.garant.ru/70292398>.

Federal Law No. 323-FZ of 11/21/2011 (as amended on 12/28/2024) "On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 03/01/2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895.

Дата получения рукописи: 07.11.2025

Дата окончания рецензирования: 22.11.2025

Дата принятия к публикации: 24.11.2025

Информация об авторе

Исакова Юлия Игоревна – доктор социологических наук, декан юридического факультета, Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: isakova.pravo@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Isakova Yulia Igorevna – Doctor of Sciences in Sociology, Dean of the Faculty of Law, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; e-mail: isakova.pravo@bk.ru

The author declares no conflict of interests

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 316.654 (443)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.9>

VDSQLQ

**Практики адаптации населения Ростовской области в контексте интеграции
российского общества в новых социально-территориальных условиях****Наталья К. Бинеева¹**¹ Институт этнологии и антропологии Российской академии наук;

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: n.bineeva@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Статья посвящена исследованию социальной проблемы, связанной с характером адаптивных практик населения российских регионов в новых социально-территориальных условиях на примере анализа практик, которые воспроизводят жители поликультурного, приближенного к зоне боевых действий и испытывающего активный миграционный прирост, региона. Новые социально-экономические и социокультурные условия, в которых оказался региональный социум, повлекли необходимость социальной адаптации жителей региона к новой реальности, способствовали развитию новых форм социально-адаптационных практик населения. Цель данной статьи – определить характер адаптивных практик населения Ростовской области в контексте региональных социально-демографических и миграционных процессов. Для достижения цели были решены задачи, основанные на верификации эмпирических индикаторов, определяющих адаптированность респондента к текущим событиям: описать социальное самочувствие жителей Ростовской области, выявить их оценку возможностей по реализации жизненных целей и миграционные настроения. Данные индикаторы рассматриваются в качестве определяющих социальную адаптацию и соответственно интеграционные интенции.

Методы. В статье использованы результаты прикладных социологических исследований, проведенных при участии автора в 2024-2025 гг. методами анкетного опроса и фокус-групп, результаты мониторинга контента СМИ, социальных сетей, Телеграмм-каналов, отражающих текущие события, происходящие в регионе в 2025. В частности, исследования социальных настроений жителей Ростовской области (август-сентябрь, 2025 года, n=2), анкетный опрос по выявлению адаптационных практик населения Ростовской области (июнь-сентябрь 2024 г.), анкетный опрос по выявлению отношения жителей Ростовской области к мигрантам (сентябрь 2024 -январь 2025 гг).

Результаты. В результате проведенного исследования характер адаптивных практик населения Ростовской области в контексте региональных социально-демографических и миграционных процессов определен как имеющий интеграционные интенции, связанные с сохранением позитивного социально-психологического самочувствия, рутинизацией повседневности, ориентацией на локальные сообщества и уровня

миграционных установок, соответствующих общероссийским тенденциям, сохраняющимся в российском обществе на протяжении последних 10 лет. В то же время выявлены потребности, связанные с самореализацией в профессии и хорошо оплачиваемой работой по месту проживания, улучшением материального положения, возможностями получения квалифицированной медицинской помощи, реализация которых оценивается жителями региона как недостаточная. Нереализованность данных потребностей, выступающих индикатором адаптированности к изменяющимся условиям, влияет на восприятие своей жизни и состояние социального самочувствия. Поэтому обеспечение интеграция российского общества в новых социально-территориальных условиях должно опираться не только на идейные и эмоциональные основания, а также на обеспечении эффективных социально-экономических и социокультурных условий, способствующих адаптации людей к социально-политическим условиям, формированию позитивного социально-психологического состояния и социальных установок к солидарному взаимодействию.

Ключевые слова: практики адаптации; гражданская идентичность; интеграция российского общества; социально-территориальные условия; Ростовская область.

Для цитирования: Бинеева Н.К. (2025) Практики адаптации населения Ростовской области в контексте интеграции российского общества в новых социально-территориальных условиях. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 155-168. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.9>.

Practices of population adaptation in the Rostov region in the context of the integration of Russian society under new socio-territorial conditions.

Natalia K. Bineeva¹

¹Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences;
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: n.bineeva@yandex.ru

Abstract.

Introduction. The article is devoted to the study of a social problem related to the nature of adaptive practices of the population in Russian regions under new socio-territorial conditions, using the example of an analysis of practices reproduced by residents of a multicultural region close to the combat zone and experiencing active migration growth. The new socio-economic and socio-cultural conditions in which the regional society found itself have necessitated social adaptation of the residents to the new reality and contributed to the development of new forms of social-adaptive practices among the population. The aim of this article is to determine the nature of adaptive practices of the population in the Rostov region in the context of regional socio-demographic and migration processes. To achieve the goal, tasks were carried out based on the verification of empirical indicators that determine the respondent's adaptability to current events: to describe the social well-being of the residents of the Rostov region, to identify their assessment of the opportunities to achieve life goals, and their migration intentions. These indicators are considered as determinants of social adaptation and, accordingly, integration intentions.

Methods. The article uses the results of applied sociological research conducted with the

participation of the author in 2024-2025 using survey and focus group methods, as well as the results of monitoring content in the media, social networks, and Telegram channels reflecting current events taking place in the region in 2025. In particular, studies of social sentiments of residents of the Rostov region (August-September 2025, n=2), a survey to identify adaptive practices of the population of the Rostov region (June-September 2024), and a survey to identify the attitudes of residents of the Rostov region towards migrants (September 2024 - January 2025) were used.

Results. As a result of the conducted study, the nature of the adaptive practices of the population of the Rostov region, in the context of regional socio-demographic and migration processes, has been identified as having integrative intentions, associated with maintaining positive socio-psychological well-being, the routinization of everyday life, orientation toward local communities, and levels of migration attitudes corresponding to nationwide trends that have persisted in Russian society over the past 10 years. At the same time, needs have been identified related to professional self-realization and well-paid employment in the place of residence, improving material conditions, and access to qualified medical care, the fulfillment of which is considered insufficient by the residents of the region. The unfulfilled nature of these needs, which serve as an indicator of adaptability to changing conditions, affects one's perception of life and state of social well-being. Therefore, ensuring the integration of Russian society in new socio-territorial conditions should rely not only on ideological and emotional foundations, but also on providing effective socio-economic and socio-cultural conditions that facilitate people's adaptation to socio-political circumstances, the formation of a positive socio-psychological state, and social attitudes toward cooperative interaction.

Keywords: adaptation practices; civic identity; integration of Russian society; socio-territorial conditions; Rostov Oblast.

For citation: Bineeva N.K. (2025) Practices of population adaptation in the Rostov region in the context of the integration of Russian society under new socio-territorial conditions. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 155-168. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.9>.

Введение

Новые социально-экономические и социокультурные условия, в которых оказался региональный социум, повлекли необходимость социальной адаптации жителей региона к новой реальности, способствовали развитию новых форм социально-адаптационных практик населения. Выбор темы исследования определяется социальной проблемой, связанной с противоречием между запросом государства на интеграцию российского общества и характером адаптивных практик, которые воспроизводят жители поликультурного, приближенного к зонам боевых действий и испытывающего активный миграционный прирост, региона. Условия контекстного фона адаптации населения Ростовской области включают не только объективные социально-демографические, социально-экономические процессы и геополитическое положение, но и особенности этнокультурной и конфессиональной структуры региона. На протяжении многих лет в Ростовской области сохраняются тенденции естественной убыли населения, численность жителей региона на начало года составила 4 137 335 человек (на 15 тысяч меньше, чем в 2024 году) при коэффициенте рождаемости – 1,297. Средняя продолжительность жизни в области составляет 73,48 года, в том числе среди женщин

78,45 года и среди мужчин — 68,5 лет. Соотношение городского и сельского населения в регионе на протяжении последних 10 лет сохраняется на уровне 68% городских и 32% сельских жителей. В регионе 7 городов с населением более 100 тыс., численность жителей в которых, начиная с 2022 г., сокращается (Демографическая политика...).

Ростовская область остается полиэтничным регионом при сохранении численного преобладания русских согласно Всероссийской переписи населения 2020 года русские составляют 91,7% от общей численности населения, что выше показателя переписи 2019 года (90,3%). В то же время в регионе проживает практически 150 народов, из которых армяне составляют 2,1%, турки – 1,0%, украинцы – 0,6%, азербайджанцы – 0,3%, чеченцы – 0,3%, цыгане – 0,3%, татары – 0,2%, даргинцы – 0,2% и т. д. При этом численность некоторых этнических групп растет, за последние 5 лет в регионе увеличилась численность турок-месхетинцев (с 40 до 45 тыс.чел.), чеченцев, аварцев, даргинцев, узбеков, таджиков, киргизов. Цыгане (14,6 тыс.чел.) занимают пятое место по численности в регионе после русских, армян, турок и украинцев (Национальные отношения...).

В Ростовской области особого внимания требует складывающаяся миграционная ситуация, которая характеризуется оттоком местного населения из региона и притоком международных мигрантов, в первую очередь из стран Средней Азии. К концу мая 2025 г. официально трудоустроено более 21,7 тыс. мигрантов, число трудовых мигрантов увеличилось в 1,5 раза. Трудовая миграция из этих стран дополняется миграцией образовательной, которая является таковой только по форме, так как некоторые иностранцы используют образовательные каналы для легального проживания и работы на территории России. Миграционная ситуация в регионе отличается устойчивым приростом, в прошлом году в Ростовской области на миграционный учёт встали более 154 тысяч человек (прирост по отношению к 2023 году составил 11,4%). По официальным данным почти треть всех мигрантов, прибывших в прошлом году в Ростовскую область, — граждане Узбекистана (31,4%), на втором месте Таджикистана (17,1%), затем идет Армения (9,8%), Азербайджан (5,6%), Беларусь (4%), Туркменистан (3,6%), Кыргызстан (3%), Казахстан (2%) и Украина (2%) (За год на Дон приехали...). Полиэтнический состав населения Ростовской области отражается в процессах институционализации национально-культурных объединений (Бедрик, 2024). Расселение этнических групп в регионе имеет свою специфику, ряд этнических групп компактно расселены в отдельных районах области: армяне – в г. Ростове-на-Дону, г. Таганроге, Мясниковском, Егорлыкском, Кагальницком, Октябрьском (с), Целинском районах области; корейцы – в Азовском, Аксайском, Веселовском, Волгодонском и Семикаракорском районах области; чеченцы и представители народов Дагестана – в юго-восточных районах области: Дубовском, Заветинском, Зимовниковском, Орловском, Ремонтненском; турки-месхетинцы – в Мартыновском, Сальском, Волгодонском, Багаевском, Веселовском, Семикаракорском, Зимовниковском и Целинском районах области (Национальные отношения...). Конфессиональный состав регионального сообщества характеризуется ростом мусульманского населения в регионе и официально зарегистрированных мусульманских религиозных организаций.

Социально-экономическая (Ростовская область находится...) и миграционная ситуация в регионе в сочетании с продолжающейся СВО определяет важность анализа

адаптивных практик жителей Ростовской области как одного из факторов гражданской интеграции в новых социально-территориальных условиях.

Цель данной статьи – определить характер адаптивных практик населения Ростовской области в условиях новой территориальности и региональных социально-демографических и миграционных процессов. Для достижения цели были решены задачи, основанные на верификации эмпирических индикаторов, определяющих адаптированность респондента к текущим событиям: описать социальное самочувствие жителей Ростовской области, выявить их оценку возможностей по реализации жизненных целей и миграционные настроения. Данные индикаторы рассматриваются в качестве определяющих социальную адаптацию и соответственно интеграционные интенции.

Методы исследования

Эмпирическая база исследования сформирована с использованием методов прикладной социологии: анкетного опроса и фокус-групп, а также мониторинга контента СМИ, социальных сетей, Телеграмм-каналов, отражающих текущие события, происходящие в регионе в 2025. В статье представлены результаты исследований, проведенных при участии автора в 2024-2025 гг. В частности, исследования социальных настроений жителей Ростовской области (август-сентябрь, 2025 года, n=2), анкетный опрос по выявлению адаптационных практик населения Ростовской области (июнь-сентябрь 2024 г.), анкетный опрос по выявлению отношения жителей Ростовской области к мигрантам (октябрь 2024 - январь 2025 гг).

Первое фокус-групповое исследования включало в качестве информантов жителей Ростовской области в возрасте от 25 до 65 лет (ФГ 1), численность участников составляла 8 человек, критерии отбора информантов — возраст, тип поселения (город/село) и пол. Участниками второй фокус-группы являлись студенческая молодежь Ростовской области в возрасте от 18 до 24 лет, численность участников — 8 человек, критерии отбора — пол, регион проживания, курс обучения.

Анкетный опрос, проведенный в 2024 году, основан на эмпирической верификации адаптационных практик с использованием разработанных индикаторов, определяющих характер приспособления и реализации жизненных целей и потребностей в новых социально-территориальных условиях. Общий объем квотной стратифицированной выборки составил 593 респондента, квотная выборка была рассчитана на основе статистических данных, отражающих социально-демографическую структуру регионального сообщества, находящихся в открытом доступе, по следующим критериям — пол, тип поселения, возраст. Возрастной профиль респондентов включал 6 возрастных групп: 18-24 лет - 11,3%, 25-29 лет - 7,0%, 30-35 лет - 11,1%, 36-45 лет - 24,5%, 46-59 лет - 25,2%, старше 60 лет - 20,9%.

Анкетный опрос 2025 года по теме «Отношение к мигрантам населения Ростовской области» проводился в период с сентября 2024 по январь 2025 года, объем квотной выборки составил 1370 человек. Объектом опроса выступало население Ростовской области в возрасте от 18 лет. При опросе реализована квотная выборка по полу, возрасту, типу поселения (городское / сельское). Квоты рассчитаны в соответствии с оценкой

численности населения официальными органами статистики на 1 января 2024 года⁵¹. Исходя из объема генеральной совокупности (численность населения Ростовской области в возрасте от 18 лет) был рассчитан минимальный объем выборки, соответствующий доверительной вероятности 95%, доверительному интервалу $\pm 5\%$. География опроса включала 89 населенных пунктов Ростовской области, в том числе 18 городов (Ростов-на-Дону, Азов, Аксай, Батайск, Белая Калитва, Волгодонск, Гуково, Донецк и др.) и 70 сельских населенных пунктов (п. Берёзовая Роща, п. Быстрогорский, п. Верхнетемерницкий, с. Александровка, с. Алексеево-Лозовское, с. Бессергеновка, сл. Алексеево-Тузловка, сл. Волошино, сл. Родионово-Несветайская, ст. Багаевская, ст. Вёшенская, ст. Кировская, х. Богданов, х. Болдыревка, х. Большой Должик и др.). Городских жителей - 68,8%, сельских – 31,2%. Крупный город (Ростов-на-Дону) - 37,5%, средние и малые города области – 29,0%; сельские поселения – 31,6%. Возрастной профиль респондентов включал 6 групп: 18-24 года – 8,5%; 25-34 года – 14,9%; 35-44 года – 21,1%; 45-59 лет -31,3%; 60 и старше -31,3%.

Под адаптационными практиками населения, как важным этапом интеграции в российское общество, в рамках данной работы понимается процесс приспособления к внешним (институциональным и социальным) и внутренним (идентификационным, ценностным и коммуникативным) изменениям. При этом маркером эффективности адаптации являются социальные настроения, рассматриваемые через социально-психологическое состояние и миграционные установки, которые позволяют определить характер социального и психоэмоционального освоения новой действительности.

Результаты

Ростовская область фактически остается приграничным регионом в условиях продолжающейся СВО, включена в стратегически важные логистические процессы, обеспечивающие жизнедеятельность и безопасность новых субъектов РФ. Ежедневная на всей территории области опасность военных атак беспилотных устройств со стороны Украины, информация об имущественных потерях и угрозе жизни жителям региона формируют напряженный фон, что сказывается на социально-психологическом состоянии жителей региона. Еще одним фактором, влияющим на социально-психологическую тревожность, являются социально-экономические процессы, характеризующиеся ростом цен на товары, услуги ЖКХ, на медицинские услуги, а также нарушения в работе ряда социальных институтов, как по причине дефицита кадров в социально значимых сферах (общественный транспорт, здравоохранения, полиция) (Нехватка автобусов и кадровый дефицит...; Юрий Слюсарь: Проблема...).

В то же время происходящие события не нарушают повседневных практик людей, так как, происходит рутинизация повседневности, включающая проживание данных событий как привычных. Согласно данным прикладного социологического исследования в 2024 году порядка 45,0% населения Ростовской области «чувствовали себя спокойно и уравновешенно», при этом суммарный показатель негативных эмоций составил 35,7%,

⁵¹ Ростовская область \ Население\ Численность городского населения по полу и возрасту на 1 января текущего года // База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi#1>; Ростовская область \ Население\ Численность сельского населения по полу и возрасту на 1 января текущего года // База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi#1>

из них 16,0% ощущали тревогу, 5,2% чувствовали раздражение и 3,5% - отчаяние. «Общее состояние ухудшилось стократно, потому что я стала гипертревожной, постоянно стрессую. Необходима самостоятельность, её нужно вырабатывать очень резко, необходимо во всё быстро вникнуть и пытаться как-то держать себя на плаву, а это очень тяжело для моего мозга. Если учитывать ещё экономическую ситуацию в стране, вообще очень сложно за всем уследить». (ФГ, 2025 г, Ростовская область, девушка, 20 лет).

Социально-психологическое состояние людей является одним из критериев определения социальных изменений и характера адаптации к ним. У трети жителей Ростовской области (30,8%) за последний год жизнь улучшилась, у 48,0% - осталась без изменений, у 15,3% - ухудшилась. Перемены в жизни региона жители оценивают более позитивно, отмечают наличие перемен к лучшему (совокупность значительных и отдельных перемен) практически половина жителей региона (52,8%), каждый пятый (21,8%) житель Ростовской области считает, что никаких перемен не произошло, а перемены к худшему отмечают 14,2% (что соответствует доле пессимистически оценивающих изменения в своей личной жизни).

Среди тех, кто положительно оценивает изменения в собственной жизни, как правило, выше доля тех, кто позитивно оценивает изменения в регионе проживания. Среди тех, чья «жизнь за последний год улучшилась» 45,0% видят «значительные перемены к лучшему» в жизни региона, в тоже время среди тех, чья «жизнь ухудшилась» таких всего 2,1%.

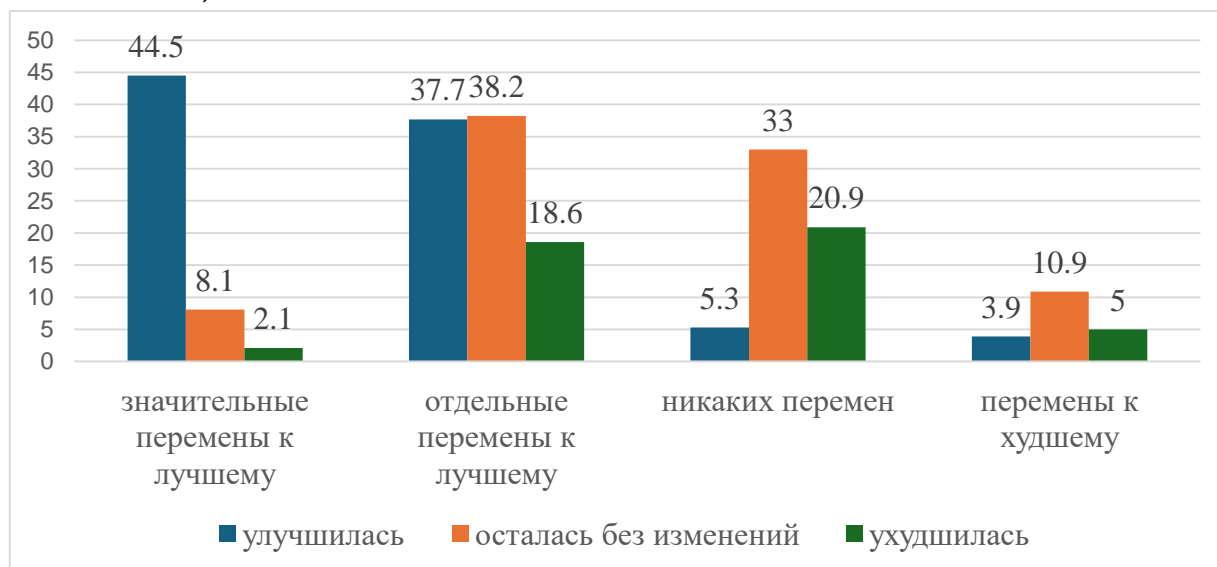

Рис. 1. Оценка перемен в жизни региона в зависимости от субъективной оценки изменений в жизни респондента, %, 2024, Ростовская область

Важным критерием адаптированности выступает оценка возможностей и достижение личных целей. Подавляющее большинство опрошенных жителей Ростовской области (от 60% до 85%) в 2024 году оценивали свое положение, возможности и перспективы реализации жизненных планов и ожиданий как «хорошее» и «удовлетворительное». Оценка отношений в семье как хороших на уровне 70.0% свидетельствует о локальном характере интеграционных практик и ориентаций людей на внутригрупповую солидарность в условиях внешних вызовов и угроз. По таким социальным параметрам как «жилищные условия» и «возможность получить

образование и знания» практически каждый второй житель региона отмечает удовлетворительное состояние.

Таблица 1.

Оценка возможности реализовать жизненные цели в различных сферах жизни, %, 2024, Ростовская область

Социальные параметры	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Отношения в семье	69,7	28,0	2,3
Личная безопасность	39,8	48,2	12,0
Жилищные условия	37,3	53,1	9,6
Возможности проведения культурного досуга	37,0	48,2	14,8
Возможность получить образование и знания, которые Вам необходимы	35,1	51,2	13,7
Возможность выражать свои политические взгляды	28,8	54,6	16,5
Материальное обеспечение	25,3	59,8	14,9
Возможность путешествовать	22,1	40,8	37,1
Возможность реализоваться в профессии	21,9	47,1	31,0
Возможность участвовать в общественной жизни региона/города, проявлять социальную и гражданскую активность	21,8	54,5	23,7
Возможность получить квалифицированную медицинскую помощь	21,7	50,9	27,4
Возможность получить хорошо оплачиваемую работу по месту проживания	18,5	46,7	34,8

Вместе с тем, четко выявились и «уязвимые» позиции в реализации жизненных потребностей и ожиданий. Так, 34,8% респондентов возможность получить хорошо оплачиваемую работу по месту проживания оценили негативно. В таком же негативном ключе были оценены возможности получить квалифицированную медицинскую помощь (27,4%) и реализоваться в профессии (21,9%). Особенно данная позиция актуальна для молодежи Ростовской области, в частности у нее запрос на возможность реализации профессионально в регионе проживания «...важно, чтобы для того, чтобы стать таким

[важным для общества] человеком, не обязательно нужно было ехать в Москву..» (ФГ, 2023, Ростовская область, девушка, 25 лет). Более половины опрошенных, в целом, удовлетворены возможностью проявить себя в политической и гражданской сфере, участвовать в общественной жизни региона и города, проявлять социальную и гражданскую активность (54,6%).

По данным опроса 2024 года 36,0% жителям Ростовской области ничего не удалось реализовать из запланированного, включая не только жизненные планы, но и приобретение для дома и семьи необходимых вещей. *«...к сожалению, как-то надёжно и в долгосрочной перспективе реализация не состоялась. Всё ещё происходят мутации, но, дай Бог, всё получится». «Если говорить о каком-то изменении статуса социального или повышения по службе, приобретения жилья, машины, то нет, этого не было в последние несколько лет». «...у меня разве что реализация заработка стабильного кого-то. И на данный момент я нашла своё дело, и это из общего единственная реализация, наверно».* (ФГ, 2025, Ростовская область)

Миграционные настроения населения Ростовской области включают как установки на переезд из региона, так и отношение к мигрантам, приезжающим в регион.

На фоне активного миграционного прироста и тревожного фона в социально-психологическом состоянии у жителей региона проявляются тенденции формирования антимигрантских настроений. Образ мигранта в представлениях местных жителей имеет негативную коннотацию и связан «с наркотиками, противоправным поведением, отсутствием уважения к русским», сами мигранты ассоциируются с «низкой культурой», «угрозой для местного рынка труда и общественного порядка». При обсуждении в социальных сетях темы мигрантов из Средней Азии актуализируются воспоминания о негативном отношении к русским в этих странах в постсоветский период 90-х годов; проявляются скрытое неприятие отдельных этнических групп.

Анализ эмпирических данных позволил выявить влияние СМИ и интернет-каналов на формирование представлений и восприятия мигрантов местным населением. Ответы респондентов показывают, что личное отношением к мигрантов у людей лучше, чем они думают как к ним относятся в обществе, то есть проявляются общественные стереотипы, имеющий негативную окраску.

Рис.2. Оценка отношения жителей региона к мигрантам, Ростовская область, 2024-2025 гг., %

Если доброжелательно относятся к мигрантам треть (29,9%) жителей Ростовской области, то только каждый десятый (11,3%) отмечают, доброжелательное отношение к мигрантам со стороны других жителей региона. Соответственно при личном недоброжелательном отношении к мигрантам в 29,6%, считают, что в регионе относятся к мигрантам недоброжелательно более 45,0% жителей Ростовской области. По данным исследований образа мигрантов в региональных СМИ, цель которых заключалась в определении «направленности и характера информационных сообщений, их роли в освещении проблем трудовых мигрантов, а также в формировании толерантного отношения местного населения к иностранной рабочей силе», большинство сообщений, посвященных мигрантам носили отрицательную тональность. Результаты контент-анализа региональных СМИ Ростовской области показали, что «40,3 % новостных сообщений в региональных СМИ посвященных тематике мигрантов, имели отрицательную тональность» (Магранов, 2022), в сообщениях с негативной тональностью основная тема - это «деструктивное поведение мигрантов» (Пантелеев, 2022). Аналогичные результаты получены и в других региональных исследованиях контента СМИ, согласно результатам исследовательского проекта в Республике Башкортостан практически «половина новостных сообщений (48 %) носила отрицательный характер» (Варганова, 2015)

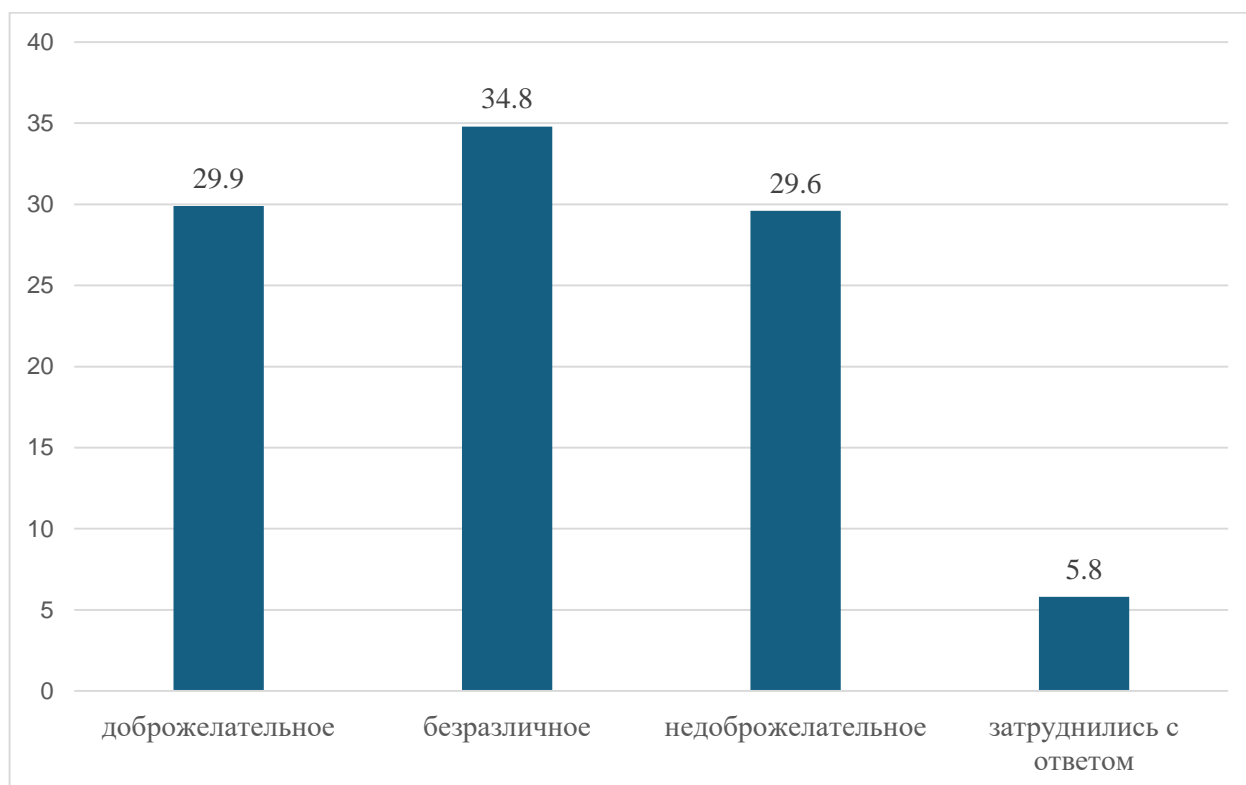

Рис. 3. Личное отношение респондентов к мигрантам, %, Ростовская область, 2024-2025 гг.

Причины негативного отношения к мигрантам - нарушение правил поведения и различия в поведенческих практиках. По данным опроса 41,1% жителей Ростовской области к причинам, обуславливающим негативное отношение к мигрантам, относят «не соблюдение норм поведения в обществе», «агрессивное поведение» (36,0%), «различия в культуре и воспитании» (29,6%), «плохое знание языка» (25,0%). Мигранты нужны, скорее всего, но, по мнению, жителей необходимо усиление контроля за организацией въезда мигрантов в страну и контроль за их поведением со стороны правоохранительных органов.

Миграционные настроения жителей региона, рассматриваемые в качестве установок на переезд из региона проживания, находятся в зависимости от субъективных оценок изменений, произошедших в жизни респондентов. Исходя их таблиц сопряженности видно, что по мере улучшения субъективных оценок изменений в жизни респондента, снижаются миграционные установки, желание уехать из региона в большей степени характерно для тех, кто оценивает изменения в своей жизни за последний год как ухудшившиеся.

Таблица 2 Миграционные установки жителей Ростовской области в зависимости от субъективной оценки изменений в их жизни за последний год, Ростовская область, %, 2024 г.

Миграционные настроения	Группа 1	Группа 2	Группа 3	
<i>Желание уехать из региона</i>	улучшилась	осталась без изменений	ухудшилась	всего
да	18.3	22.1	43.7	23.8
нет	63.4	60.9	37.3	56.9
затрудняюсь ответить	18.3	16.9	19.0	19.3

Жители региона с выраженным позитивным восприятием изменений в своей жизни в основном не испытывают желания уехать из региона (63,4%) и только 18,3% из них потенциально готовы уехать из Ростовской области. В структуре ответов тех, кто оценивает изменения в жизни как «ухудшившиеся» преобладают ответы о желании уехать из региона (43,7%), что на 20 п.п. выше средних значений по всей выборке (23,8%). Доля тех, кто не готов уезжать (37,3%) в третьей группе, практически в два раза меньше, чем в первой группе (63,4%).

Заключение

В результате проведенного исследования характер адаптивных практик населения Ростовской области в контексте региональных социально-демографических и миграционных процессов может быть определен как имеющий интеграционные интенции, связанные с сохранением позитивного социально-психологического самочувствия, рутинизацией повседневности, ориентацией на локальные сообщества и уровня миграционных установок, соответствующих общероссийским тенденциям, сохраняющимся в российском обществе на протяжении последних 10 лет. В тоже время выявлены потребности, связанные с самореализацией в профессии и хорошо оплачиваемой работой по месту проживания, улучшением материального положения, возможностями получения квалифицированной медицинской помощи, реализация которых оценивается жителями региона как недостаточная. Нереализованность данных потребностей, выступающих индикатором адаптированности к изменяющимся условиям, влияет на восприятие своей жизни, оценку изменений происходящих в регионе, а также на состояние социального самочувствия. Поэтому обеспечение интеграция российского общества в новых социально-территориальных условиях должно опираться не только на идейные и эмоциональные основания, а так же на обеспечении эффективных социально-экономических и социокультурных условий, способствующих адаптации людей к социально-политическим условиям, формированию позитивного социально-психологического состояния и социальных установок к солидарному взаимодействию.

Литература

Бедрик, А. В. Диаспоры Юга России как объекты социологического исследования: к постановке проблемы / А. В. Бедрик, Ю. С. Панфилова, Г. И. Чикарова // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 147–158. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.11>. –

EDN IIOONN.

Варганова, О. Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа) / О. Ф. Варганова // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 3(11). – С. 81–93. – EDN UHWOUV.

Исаков, Н. А. Инструменты интеграции новых регионов в национальное пространство Российской Федерации / Н. А. Исаков, К. И. Неткачев // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 8. – С. 2125–2140. – <https://doi.org/10.18334/ce.18.8.121505>

Магранов, А. С. Тональность новостных сообщений о мигрантах в региональных СМИ: динамика и основные формы / А. С. Магранов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 184–198. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.15>. – EDN ECBLQC.

Мукомель, В. И. Перспективы демографического развития России: региональный аспект / В. И. Мукомель // Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: материалы форума. – Воронеж: ООО «Цифровая полиграфия», 2021. – С. 55–57. – EDN GRHCOY.

Пантелеев, В. Г. Воздействие образа мигрантов в региональных СМИ на возможности их интеграции в принимающее общество: на примере Ростовской области / В. Г. Пантелеев // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 54–59. – <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2022-6-54-59>. – EDN RLAXOL.

Дьяченко, А. Н. Особенности международной миграции в регионах Южного федерального округа / А. Н. Дьяченко, В. Г. Пантелеев, И. В. Печуров // Гуманитарий Юга России. – 2021. – Т. 3 (49). – С. 102–111. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.8>.

Нехватка автобусов и кадровый дефицит: транспортные проблемы Ростовской области продолжают в 2025 году. URL: <https://bloknot-rostov.ru/news/nekhnvatka-avtobusov-i-kadrovuyu-defitsit-transportn-1832106>

Юрий Слюсарь: Проблема дефицита кадров в здравоохранении в Ростовской области есть. URL: <https://news-don.ru/society/2025/06/05/19201.html>

Национальные отношения //Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/226/>

За год на Дон приехали больше 150 тысяч мигрантов. Откуда они? URL: <https://161.ru/text/gorod/2025/04/04/75302027/>

Национальные отношения./Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/activity/226/>

Ростовская область находится на 12 месте по социально-экономическому развитию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7832355>

References

Bedrik A. V., Panfilova Yu. S., Chikarova G. I. Diasporas of Southern Russia as objects of sociological research: on the formulation of the problem. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2023; 12(6): 147–158. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.11>

. EDN IIOONN. (In Russ.)

Varganova O. F. The image of a labor migrant in federal and regional media (based on content analysis). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2015; 3(11): 81–93. EDN UHWOUV. (In Russ.)

Isakov N. A., Netkachev K. I. Tools for integrating new regions into the national space of the

Russian Federation. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024; 18(8): 2125–2140. <https://doi.org/10.18334/ce.18.8.121505>. (In Russ.)

Magranov A. S. The tone of news reports about migrants in regional media: dynamics and main forms. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11(5): 184–198. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.15>. EDN ECBLQC. (In Russ.)

Mukomel V. I. Prospects for demographic development of Russia: regional aspect. In: *International Demographic Forum "Demography and Global Challenges": Forum Materials*. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya = Digital Printing; 2021: 55–57. EDN GPHCOY. (In Russ.)

Pantelev V. G. The impact of the image of migrants in regional media on their integration opportunities into the host society: the case of the Rostov region. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*. 2022; 6: 54–59. <https://doi.org/10.24412/0869-8120-2022-6-54-59>. EDN RLAXOL. (In Russ.)

Dyachenko A. N., Pantelev V. G., Pechkurov I. V. Features of international migration in the regions of the Southern Federal District. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2021; 3(49): 102–111. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.8>. (In Russ.)

Bus shortage and staffing shortage: transport problems in the Rostov region continue in 2025. URL: <https://bloknot-rostov.ru/news/nekhatka-avtobusov-i-kadrovyy-defitsit-transportn-1832106>. (In Russ.)

Yuri Slyusar: There is a shortage of personnel in healthcare in the Rostov region. URL: <https://news-don.ru/society/2025/06/05/19201.html>. (In Russ.)

National relations //Official portal of the Government of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/activity/226>. (In Russ.)

During the year, more than 150,000 migrants arrived in the Don. Where are they from? URL: <https://161.ru/text/gorod/2025/04/04/75302027>. (In Russ.)

National relations.//The official portal of the Government of the Rostov region. URL: <https://www.donland.ru/activity/226>. (In Russ.)

The Rostov Region ranks 12th in terms of socio-economic development. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7832355>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 29.10 2025

Дата окончания рецензирования: 25.11.2025

Дата принятия к публикации: 26.11.2025

Информация об авторе

Бинева Наталья Камильевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, доцент Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: n.bineeva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов Information about the author

Bineeva Natalya Kamilievna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: n.bineeva@yandex.ru

The author has no conflict of interest to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.454

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.10>

EDN WYEPZF

Факторы формирования жизненных ценностей молодежи Республики Крым в контексте социально-политических реалий

Вера А. Захарова¹

¹Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
г. Симферополь, Россия
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Наталья В. Чигрина²

²Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
г. Симферополь, Россия
e-mail: sociochigrin@mail.ru

Аннотация.

Введение. Авторами доказывается актуальность исследования проблемы факторов, оказывающих влияние на формирование жизненных ценностей молодежи Республики Крым. Обосновывается специфика условий, в которых формировалась система ценностей населения региона, связь этих процессов с воссоединением Крыма с Россией в 2014 году. Авторы задаются вопросом о том, какие факторы в социально-политическом контексте способны повлиять на ценностные ориентации крымской молодежи.

Методология исследования. Для целей исследования использованы методологические средства диспозиционной концепции социального поведения личности, а также субъектно-деятельностной научной парадигмы.

Эмпирической основой исследования выступают результаты массового опроса крымчан в возрасте 18-30 лет (N=864), проведенного коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в марте-апреле 2024 года. Опрос проведен с помощью он-лайн анкетирования.

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты: большой процент опрошенных крымчан из числа молодежи демонстрируют доверие главам государства и региона, социально-экономическая и политическая ситуация в Республике оценивается как стабильная и безопасная, а уровень социальной напряженности как невысокий. Однако, наряду с этим, фиксируется обеспокоенность близостью СВО, уровнем межнациональной напряженности, а также рядом нерешенных актуальных социальных проблем. Авторы рассматривают такие факторы, как геополитический энтузиазм, доверие власти, особенности расположения региона, а также ресурсы общегосударственной, региональной и национальной идентичности в ключе двойственности проявления их влияния на формирование пространства ценностных ориентаций населения.

В заключение делается вывод об амбивалентности в проявлении влияния ряда факторов социально-политического характера на формирование жизненных ценностей молодежи Республики Крым.

Ключевые слова: межнациональные отношения; молодежь; Республика Крым; социально-политические факторы; ценности.

Для цитирования: Захарова В. А., Чигрина Н.В. (2025). Факторы формирования жизненных ценностей молодежи Республики Крым в контексте социально-политических реалий. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 170-179 <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.10>

Factors of formation of life values of the youth of the Republic of Crimea in the context of socio-political realities

Vera A. Zakharova¹

¹Crimean branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Natalia V. Chigrina²

² Crimean branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia
e-mail: sociochigrin@mail.ru

Abstract.

Introduction. The authors prove the relevance of the study of the problem of factors influencing the formation of life values of the youth of the Republic of Crimea. The article substantiates the specifics of the conditions under which the value system of the region's population was formed, and the connection between these processes and the reunification of Crimea with Russia in 2014. The authors ask themselves what factors in the socio-political context can influence the value orientations of the Crimean youth.

Research methodology. For the purposes of the research, methodological tools of the dispositional concept of social behavior of the individual, as well as the subject-activity scientific paradigm, were used.

The **empirical basis** of the study is the results of a mass survey of Crimeans aged 18-30 (N=864) conducted by the staff of the Crimean branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences in March-April 2024. The survey was conducted using an online questionnaire.

Results of the study and its discussion. The following results were obtained: a fairly large percentage of the Crimean youth surveyed demonstrate confidence in the heads of state and the region, assess the socio-economic and political situation in the Republic as stable and safe, and the level of social tension as low. However, along with this, there is concern about the proximity of the SVR, the level of interethnic tension, as well as a number of unresolved pressing social problems. The authors consider such factors as geopolitical enthusiasm, trust in the authorities, the location of the region, as well as the resources of national, regional and national identity in

the key of the duality of their influence on the formation of the space of value orientations of the population.

In **conclusion**, it is concluded that there is ambivalence in the manifestation of the influence of a number of socio-political factors on the formation of life values of the youth of the Republic of Crimea.

Keywords: interethnic relations; youth; Republic of Crimea; socio-political factors; values.

For citation: Zakharova V.A., Chigrina N. V. (2025). Factors of formation of life values of the youth of the Republic of Crimea in the context of socio-political realities. *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 170-179. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.10>

Введение

Республика Крым, как уникальный субъект Российской Федерации, имеет яркую героическую историю, отличается природным и этноконфессиональным многообразием, при этом органически вплетаясь в канву российской исторической традиции. События Крымской Весны показали, насколько значительна общность ценностей, разделяемых большинством населения полуострова. Данный тезис подтверждается результатами многочисленных социологических исследований, в частности, проведенных ВЦИОМ в 2019 и 2024 годах (ВЦИОМ..., 2019; ВЦИОМ..., 2024).

В свете этого, изучение ценностных ориентаций молодого поколения, сформировавшегося в Крыму в условиях нового геополитического контекста, представляет собой актуальную исследовательскую задачу. Молодежь, выросшая в новых социально-политических реалиях, является важным объектом изучения, так как ее ценностные установки и поведенческие модели могут существенно влиять на дальнейшее развитие региона.

Следует отметить, что процесс формирования ценностных ориентаций молодежи в Крыму происходит в условиях сложного взаимодействия различных факторов, включая историческую память, культурные традиции, современные социально-экономические реалии и глобальные геополитические тенденции. В этом контексте исследование ценностных приоритетов молодого поколения позволяет не только лучше понять текущие тенденции в развитии региона, но и прогнозировать его будущее.

Теоретические основы исследования

В качестве актуального для данного исследования мы избрали подход А.А. Черкасовой, позволяющий рассматривать основоположные ценностные детерминанты в качестве интегративных образований, которые ранжируют поведенческие установки, объединяя их в сложные иерархически организованные социальные конструкции, определяя форматы понимания наиболее значимых феноменов реальности. Эти установки, согласно концепции А.А. Черкасовой, формируют фундаментальные смысложизненные ориентиры и мотивации, определяющие практическую реализацию ценностных предпочтений (Черкасова, 2012, 6).

После событий Крымской весны научный дискурс, посвященный аксиологическому измерению социальной реальности крымчан, претерпел значительные трансформации, обусловив экспоненциальный рост публикаций на эту тему в последние десять лет. Актуальность данной проблематики обусловлена не только

внутренними процессами трансформации ценностной системы региона, но и внешними факторами, связанными с геополитической и социально-экономической ситуацией.

Исследовательский интерес в данном предметном поле сконцентрирован в основном в пространстве определения и анализа ценностных ориентаций различных демографических групп, проживающих в Крыму (Захарова, 2018, 2022; Рожкова, 2020; Трудовые ценности..., 2019; Чигрин, Узунов, 2022), а также эволюции основных ценностных установок населения и ключевых траекторий их трансформации (Хриенко, 2018; Динамика и структура..., 2022).

Социально-политический контекст выступает одним из важнейших факторов формирования ценностных ориентаций в обществе, как в общегосударственном, так и региональном измерениях. Особое значение этого фактора для Крыма обусловлено острой геополитической повесткой, в которой регион занимает одно из ключевых мест в последнее десятилетие. В иерархии ценностей крымчан вследствие этого возрастает значение таких ценностей как безопасность, доверие к власти и различным государственным институтам, экономическое благополучие и уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, исследование жизненных ценностей жителей Крыма требует комплексного подхода, интегрирующего как внутренние, так и внешние детерминанты, влияющие на формирование ценностной системы региона. Анализ ценностных ориентаций различных демографических групп и обобщенные исследования ценностного мира позволяют выявить ключевые тенденции и особенности, присущие современному крымчанину. Социально-политический контекст, характеризующийся геополитической нестабильностью и стратегической значимостью региона, оказывает существенное влияние на иерархию ценностных приоритетов, что требует дальнейшего детального изучения и осмысления.

Методология исследования

Исследование пространства ценностных ориентаций индивида подразумевает возможность изучения его жизненного мира, а это, в свою очередь, обращает нас к знанию о глубинных смыслах, определяющих содержание основных категорий бытия конкретного человека, поэтому важной методологической составляющей исследования выступает концепция жизненного мира Ж.Т. Тощенко (Тощенко, 2016). Конструктивным потенциалом обладает в этом отношении также диспозиционная концепция личности, предложенная В.А. Ядовым, поскольку она позволяет проанализировать поведение индивида с позиций структурно-функционального и динамического подходов. Дополняет этот методологический инструментарий субъектно-деятельностная парадигма (Ионин, 2020; Наумова, 1995; Шендрик, 2007), поскольку позволяет учесть когнитивную сторону формирования системы ценностей индивида.

Диспозиционная концепция В.А. Ядова (Ядов, 2013, 31) предоставляет инструментарий для анализа социального поведения в условиях конфликта между потребностями индивида и социальными ситуациями, где эти потребности могут быть удовлетворены. Ключевым уровнем диспозиций выступает уровень ценностных ориентаций, тесно связанных с высшими социальными потребностями личности. В рамках данного исследования акцентируется внимание на ценностных диспозициях

высшего порядка, поскольку именно они оказывают существенное влияние на базовые жизненные стратегии и формируют мировоззренческие парадигмы индивидов, определяя их поведенческие паттерны сквозь призму представлений о долге, патриотизме, гражданственности.

Субъектно-деятельностная парадигма позволяет исследовать когнитивные механизмы, посредством которых личность формирует свой ценностный мир в условиях ценностного диссонанса и институциональных противоречий. Эта парадигма предоставляет методологические инструменты для анализа структурных и институциональных факторов, влияющих на ценностные ориентации и жизненные траектории индивидов. Структурные факторы включают материальные условия жизни, которые могут выступать как барьеры, так и стимулы для принятия определенных ценностных диспозиций. Оценка институциональных факторов, в свою очередь, отражает доступность ресурсов и нормативную систему, определяющую «правильность» жизненных стратегий в конкретном обществе.

Эмпирическая база исследования основана на результатах массового опроса молодежи, проведенного коллективом Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 2025 году. Выборка исследования составила 864 участника в возрасте от 18 до 30 лет, что позволяет получить репрезентативные данные о ценностных ориентациях и жизненных установках представителей молодого поколения.

Результаты и их обсуждение

Анализ общественного мнения молодых крымчан относительно их отношения к воссоединению с Россией в 2014 году, проведенный в рамках социологического исследования 2025 года, демонстрирует устойчивый уровень поддержки данного решения. В рамках опроса респондентам был задан вопрос о гипотетическом повторении референдума в современных условиях. Результаты показали, что почти 73% опрошенных выразили намерение подтвердить решение, принятое жителями Крыма десять лет назад, что свидетельствует о сохранении высокой степени консолидации общественного мнения и его воспроизводстве в главных ценностных императивах гражданственности, поскольку часть опрошенных в 2014 году еще не достигла возраста участия в голосовании.

При анализе ключевых аспектов текущей социально-экономической ситуации в Республике Крым, проведенном на основе данных социологического исследования, была выявлена высокая степень уверенности в положительных изменениях социально-экономической ситуации в регионе за последний год. В частности, об этом заявили 40% (однозначно улучшилась) опрошенных молодых людей, еще 17% заявили о том, что она стала постепенно улучшаться, что может свидетельствовать как об оптимистичном восприятии социально-экономических изменений в республике глазами молодежи, так и об объективных успехах реализуемой в регионе социально-экономической политики.

Результаты исследования также подчеркивают значимость субъективного восприятия безопасности и стабильности в социально-экономическом контексте. Более 70% опрошенных оценили ситуацию в Крыму как спокойную и безопасную, что свидетельствует о высоком уровне социальной устойчивости и удовлетворенности

текущим положением дел. Данный факт может быть рассмотрен как индикатор успешного функционирования системы обеспечения общественной безопасности и создания благоприятной социально-экономической среды. При чем эти показатели примерно соотносятся с мнением взрослого населения Крыма (около 68%).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что вопросы безопасности, стабильности и интеграции в состав Российской Федерации являются доминирующими факторами, определяющими общественное мнение и социально-экономическое развитие Республики Крым. Результаты исследования также демонстрируют важность учета субъективного восприятия населения при формировании региональной политики и стратегий развития.

Показательно, что более 60% участников опроса в аспекте возможного переезда выразили намерение остаться в пределах Крыма, что свидетельствует о высоком уровне привязанности к региону и нежелании покидать его.

При этом в пространстве идентификации наблюдается некоторая эклектика – региональная и общегосударственная идентичности представлены без резких контрастов (25% идентифицируют себя прежде всего как жителей Республики Крым, 38% – прежде всего россиянами, гражданами России), и обе достаточно сильны. Интересно, что эти показатели абсолютно идентичны результатам опроса респондентов остальных возрастных групп, в среднем от 30 до 70 лет. Эта позиция соотносится с осторожным отношением к мигрантам, приехавшим в Крым, и выражается в мнении трети опрошенных о том, что мигранты, и, в частности, льготы и пособия, которые они получают, рабочие места, которые они занимают – это реальная проблема и своеобразный триггер социальной напряженности в данной сфере.

Мнение респондентов о степени социальной напряженности важно учитывать при последующем анализе факторов социального беспокойства и угрозы наиболее значимым ценностям индивида. Треть опрошенных в 2025 году отметили возрастающую в последние годы социальную напряженность на полуострове. 9,5% отдельно выделили возрастание межнациональной напряженности, при этом в перечне наиболее острых для региона проблем 30% респондентов выделили проблемы миграции и межнациональных конфликтов.

Утверждения о степени социальной напряженности целесообразно соотносить с анализом уровня доверия основным общественным институтам. В этом отношении опрос показал небольшие отличия с прежними годами – крымчане по-прежнему больше всего доверяют Президенту В.В. Путину (70% полностью доверяют, 14% скорее доверяют) и главе Крыма С.В. Аксёнову (56% полностью доверяют, 23% скорее доверяют). В отличие от взрослого населения, молодежь заявляет и о достаточно высоком уровне доверия федеральному (52% и 21%) и региональному правительствам (52% и 25%). На высоком уровне продолжает также фиксироваться доверие молодежи действующей армии (59% и 20%). Это может быть связано как с постепенными успехами правового просвещения граждан, способствующему возможности разобраться с компетенциями каждого из органов, а также укрепить патриотическую позицию, но может быть и результатом «привычки» молодых людей проходить разного рода опросы и установки отвечать «позитивно» по причине недоверия обещаниям анонимности ответов на вопросы анкеты.

Несколько более оптимистичны и ответы представителей молодежи на вопросы о степени межнациональной напряженности в Крыму. Более 60% опрошенных, характеризуя межнациональные отношения на полуострове, отмечают, что они «уже десять лет являются вполне нормальными, все народы Крыма равны между собой». Тем не менее, суммарная доля негативных оценок (более 9% – уровень межнациональной напряженности повысился, более 7% – был и остается высоким, вызывает озабоченность в аспекте необходимости пристального внимания к факторам, которые могли повлиять на такую позицию респондентов. Тем более, что последующие уточняющие вопросы относительно возможности межнационального противостояния в Крыму демонстрируют, что однозначно оптимистичную позицию (такого противостояния нет и быть не может) выражают лишь 25% опрошенных, в то время, как почти 40% рассматривают её как реальную опасность в том или ином ракурсе возможного развития межнациональных отношений.

Таким образом, в развитии Крыма, как и в пространстве ценностных ориентаций крымчан, можно заметить две основные тенденции: интегративную, доминирующую, и дезинтегративную, второстепенную. Наряду с одобрительными оценками большинства жителей Крыма проводимой федеральной политики и общей интеграции в социально-политическое и социально-экономическое пространство РФ, наблюдаются признаки регионализации сознания местного населения и оформление комплекса проблем, вызывающих беспокойство, в частности, проблема межнациональной напряженности в оценках крымчан постепенно, но приобретает всё больший вес, обостряясь в контексте СВО. В то же время, достаточно высокие показатели доверия руководству государства и региона свидетельствуют о надежде на эффективное решение этих проблем с их участием. Если в ближайшее время государственные и общественные институты, на которые возлагаются надежды, не смогут повлиять на снижение уровня межнациональной и социальной напряженности, это может обернуться рисками существенной утраты доверия населения.

Энтузиазм, связанный с воссоединением Крыма с Россией, также может оцениваться двояко. С одной стороны, население Крыма воспринимает данное событие как символ укрепления законности, защищенности и стабильности, что существенно снижает вероятность протестных движений. С другой стороны, данное развитие событий способствует усилению патерналистской ментальности, что, в свою очередь, может негативно сказаться на потенциале региональной самоорганизации и способности эффективно решать задачи социально-экономического развития Республики Крым.

Заключение

В последние десятилетия наблюдается сохранение значимости ценностей русского мира для значительной части населения Крыма, включая молодёжный сегмент. Тем не менее, процесс формирования ценностных ориентиров крымчан обусловлен рядом ключевых факторов, требующих детального анализа. Геополитическая специфика региона, вписанная в контекст международных отношений, оказывает как позитивное, так и негативное влияние на общественное сознание, проявляясь в диапазоне от патриотических настроений до тревожности и апатии. Энтузиазм, возникший в 2014 году, продолжает оказывать влияние на социальные процессы, способствуя усилению

патерналистских тенденций. Близость к зоне специальной военной операции (СВО) вызывает социальную напряжённость, оказывая существенное воздействие на ценностные ориентиры и поведенческие модели населения.

Дополнительно следует отметить возросшее внимание к вопросам межнациональных отношений на территории полуострова. Эти факторы формируют сложный и многогранный контекст, в котором происходит эволюция ценностных установок крымчан, отражая динамичные процессы, происходящие в современном обществе.

Стабильность и единство социально-политического пространства зависят от множества факторов. Это региональная политика центра, федеральные программы развития Крыма, ясные законы, эффективное распределение бюджета, а также единое экономическое, образовательное и информационное пространство. Ресурсы доверия населения Крыма к федеральным и региональным властям сохраняют потенциал для адекватного решения актуальных проблем и активизации позитивных аспектов воздействия вышеупомянутых факторов социально-политического характера на формирование ценностных ориентаций и установок жителей Республики Крым.

Литература

- Захарова, В. А.* Экологические ценности как основа развития рекреационного пространства Республики Крым в контексте интеграционных процессов: ментальные основы / В. А. Захарова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70). – № S1. – С. 186-192. – EDN VMMZEV.
- Ионин, Л. Г.* Философия и методология эмпирической социологии : Учебное пособие / Л. Г. Ионин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 361 с. – EDN VXAQPP.
- Наумова, Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе / Н. Ф. Наумова // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 5-22. – EDN TZJQVB.
- Рожкова, Л. В.* Семья и образование в структуре жизненных ценностей молодежи Республики Крым / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина // Logos et Praxis. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 38-47. – <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.4>. – EDN GGBOCA.
- Тощенко, Ж. Т.* Жизненный мир и его смыслы / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 6-17.
- Трудовые ценности и ориентации современной молодежи в условиях кризиса и нестабильности / Л. В. Рожкова, С. А. Влазнева, О. В. Сальникова, А. Ш. Дубина // Социодинамика. – 2019. – № 1. – С. 70-80. – <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28758>. – EDN YWYUZF.
- Узунов, В. В.* Методологические особенности анализа траекторий социальной консолидации в условиях полиэтнических регионов Юга России / В. В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 88-98. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.6>. – EDN NVCAFU.
- Хриенко, Т. В.* Мировоззренческие ценности молодежи Крыма (1991-2017 гг.) / Т. В. Хриенко. – Симферополь : «Издательство Типография «Ариал», 2018. – 356 с.– EDN VRFVMI.

Чигрин, В. А. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России / В. А. Чигрин, В. В. Узунов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11, № 1. – С. 150-159. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.11>. – EDN ZYZNSE.

Шендрик, А. И. Культура в мире: драма бытия : избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии / А. И. Шендрик – Москва : Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2007. – 704 с. EDN QOGSUP.

Ядов, В. А. Гипотеза об иерархической структуре диспозиций личности и ее социальной обусловленности / В. А. Ядов // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. – Второе расширенное издание. – Москва : ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2013. – С. 31-39. – EDN ZBZYKD.

Крым: 10 лет с Россией // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-10-let-s-rossiei>

Российский Крым: семь лет после воссоединения // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedinenija>

References

Chigrin V.A., Uzunov V.V. Features of social consolidation of regional communities in the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11 (1):150-159. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.11>. (In Russ.)

Ionin L. G. Philosophy and methodology of empirical sociology: Textbook. - 2nd ed., corrected. and additional. M.: Izdatel'stvo Yurait = Moscow: Yurait Publishing House. 2020; 361 p. (In Russ.)

Khrienko T.V. Ideological values of the youth of Crimea (1991-2017). *Simferopol: Izdatel'stvo Tipografiya «Arial» = Simferopol: "Arial Printing House"*. 2018; 356 p. (In Russ.)

Rozhkova L. V., Vlazneva S. A., Salnikova O. V., Dubina A. Sh. Labor values and orientations of modern youth in the context of crisis and instability. *Sociodinamika=Sociodynamics*. 2019; 1: 70-80. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.1.28758>. (In Russ.)

Naumova N. F. Life strategy of a person in a transitional society. *Sotsiologicheskij zhurnal=Sociological journal*. 1995; 2: 5-22. (In Russ.)

Rozhkova L. V. Family and education in the structure of life values of young people in the Republic of Crimea. *Logos et Praxis*. 2020; 19(2): 38-47. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.4>. (In Russ.)

Shendrik A. I. Culture in the World: Drama of Being: Selected Works on the Theory and Methodology of Culture, Sociology of Culture, Social Philosophy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta= Moscow: Moscow University for the Humanities. 2007; 704 p. (In Russ.)

Toshchenko Zh. T. Lifeworld and its meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2016; 1: 6-17(In Russ.)

Uzunov V. V. Methodological features of the analysis of social consolidation trajectories in the conditions of multiethnic regions of the South of Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2022; 11(1): 88-98. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.1.6>. (In Russ.)

Yadov V. A. Hypothesis on the Hierarchical Structure of Personality Dispositions and Its Social Determination // Self-regulation and Forecasting of Personality Social Behavior: Dispositional

Concept. Second Expanded Edition. *M.: Tcentr social'nogo prognozirovaniya i marketinga = Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing.* 2013: 31-39. (In Russ.)

Zakharova V. A. Environmental values as the basis for the development of the recreational space of the Republic of Crimea in the context of integration processes: mental foundations. Uchenye zapiski Krimskogo federal'nogo universiteta imeny V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psihologiya. = Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018; 4 (70):186-192. (In Russ.)

Crimea: 10 years with Russia // Official website of VCIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krym-10-let-s-rossiei>

Russian Crimea: seven years after reunification // Official website of VCIOM. 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-krym-sem-let-posle-voossoedinenija> (In Russ.)

Дата получения рукописи: 23.09.2025

Дата окончания рецензирования: 30.10.2025

Дата принятия к публикации: 4.11.2025

Информация об авторах

Захарова Вера Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия, e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Чигрина Наталья Викторовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Симферополь, Россия, e-mail: sociochigrin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Zakharova Vera Alexandrovna – Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Chigrina Nataliya Viktorovna – Candidate of Sciences in Sociology, Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia, e-mail: sociochigrin@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК: 316.4; 316.75

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.11>

XJHUZA

Мировоззрение студенческой молодежи как фактор социально-политической безопасности (на материале Южного федерального университета)

Любовь Б. Внукова¹

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр

Российской академии наук

г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: vnukoval@yandex.ru

Аннотация.

Введение. В контексте исследования социально-политической безопасности были выделены следующие темы, актуальные для современной студенческой молодежи, как составляющие мировоззренческого фактора: выбор образа России, оценки исторических деятелей и периодов, отношение к геополитическому проекту «Русский мир», проведению СВО, определение ментальных (культурных) особенностей, разделяемые социальные и политические ценности, патриотические настроения, оценки рисков, угроз и потенциальных проблем для государства, а также были рассмотрены специальные показатели - намерение жить и развиваться в России или эмигрировать.

Методы. Социологический опрос проводился весной 2025 г. в Южном федеральном университете, было опрошено 380 студентов очной формы обучения по гуманитарному, естественнонаучному и техническому профилю. Для сопоставления результатов привлекались данные ВЦИОМ и другие релевантные исследования.

Результаты и их обсуждение. Полученные данные говорят об устойчивости социально-политической безопасности России по измеряемым индикаторам: высокий уровень патриотизма, поддержка действующего Президента РФ, позитивное отношение к образу России и намерение большинства жить в России. В мировоззрении студенчества самый высокий приоритет у безопасности, экономическая проблематика волнует больше, чем политическая. Был выявлен ряд потенциальных проблемных вопросов: во-первых, отказ от ответа на чувствительные темы, во-вторых, наличие прямо противоположных позиций и взглядов на некоторые проблемы. Это естественно для любого поколения, в особенности для молодежи, однако отдельные мнения составляют от пятнадцати до тридцати процентов опрошенных без учета отказавшихся от ответа. Например, отношение к коррупции, видение экономических угроз и эмиграционные установки, что требует внимания со стороны лиц, ответственных за принятие решений, формирование государственных программ и стратегий.

Ключевые слова: молодежь; студенчество; образ России; Русский мир; патриотические настроения; социально-политическая безопасность; социальные ценности; эмиграция.

Для цитирования: Внукова Л. Б. (2025). Мировоззрение студенческой молодежи как фактор социально-политической безопасности (на материале Южного федерального

университета). *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), С. 180-197. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.11>

The students' worldview as a factor of socio-political security (based on the material of the Southern Federal University)

Lyubov B. Vnukova¹

¹ Federal Research Center Southern Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences
Rostov-on-Don, Russia
e-mail: vnukoval@yandex.ru

Abstract.

Introduction. The following topics were identified as a relevant to modern students as components of a worldview factor at the context of the study of socio-political security. There are choosing the image of Russia, evaluating historical figures and periods, attitude to the geopolitical project "Russian World", conducting Special military operation, defining mental (cultural) characteristics, shared social and political values, patriotic sentiments., assessment of risks, threats and potential problems for the state. As well as special indicators were considered - the intention live and develop in Russia or emigrate.

Methods. The sociological survey was conducted in the spring of 2025 at the Southern Federal University, 380 full-time students were surveyed in the humanities, natural sciences and technical fields. VCIOM data and other relevant studies were used to compare the results.

The results and their discussion. The data obtained indicate the sustainability of Russia's socio-political security from the highlighted positions: a high level of patriotism, as well as support for the President of Russian Federation, a positive attitude towards the image of Russia and the intention of the majority to live in Russia. Security is the highest priority in the students' worldview. Economic issues are of greater concern than political ones. Nevertheless, a number of potential problematic issues were identified. Firstly, the refusal to answer sensitive topics and secondly the presence of directly opposite positions and views on some issues. This is natural for any generation especially for young people, but separate opinions range from fifteen to thirty percent of respondents, excluding those who declined to answer. For example, adjustment towards corruption, the vision of economic threats and emigration attitudes. It requires attention from politicians responsible for decision-making and the formation of government programs and strategies.

Keywords: youth; students; the image of Russia; The Russian world; patriotic sentiments; socio-political security; social values; emigration.

For citation: Vnukova L. B. (2025). The students' worldview as a factor of socio-political security (based on the material of the Southern Federal University). *Caucasian Science Bridge*, 8 (4), P. 180-197. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.4.11>.

Введение

В современном мире проявилась тенденция возрастания роли безопасности в обществе. В России официально принята Стратегия национальной безопасности РФ («О Стратегии национальной безопасности...»), в которой выделены актуальные с позиции законодателя виды безопасности: государственная, общественная, информационная,

экономическая, экологическая и др. В данной статье мы будем опираться на понятие социально-политической безопасности, которое является одним из интегральных показателей состояния соответствующих сфер общества. Поэтому релевантным инструментом анализа выступает исследование общественного мнения.

В научной литературе встречается несколько определений социально-политической безопасности, приведем некоторые из них: «Социально-политическая безопасность (СПБ) – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в социальной и политической сферах от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее эффективное развитие государства, общества и личности» (Родионов, 2016, 7). И «Объединив вышесказанное, можно определить социально-политическую безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества, государства во взаимовлияющих и взаимодополняющих друг друга социальной и политической сферах, обеспечиваемое в результате совокупности мер политического, правового, экономического, социокультурного характера, позволяющих средствами государственной политики сохранять устойчивое и стабильное развитие страны (Веруш, 2017, 48). Также А.И. Веруш отмечает, что «необходимыми условиями обеспечения социально-политической безопасности, как составляющей национальной безопасности, выступают устойчивые социальная и политическая системы. Эта устойчивость должна обеспечивать состояние динамического равновесия между системообразующими и системоизменяющими процессами, без которых невозможно развитие» (Веруш, 2017, 48). Из предложенных определений следует, что смыслом социально-политической безопасности является устойчивость социальной и политической сфер. Поэтому, на наш взгляд, ведущей ролью обладают политико-идеологический, социально-экономический и социально-демографический факторы. Последний относится к молодому поколению, и, в частности, к студенческой молодежи как стратегической группе с позиции развития и государственного благополучия в недалеком будущем. Опрос позволит зафиксировать мнение о состоянии и процессах в обществе, проанализировать идеологические тенденции, уровень патриотизма, разделяемые ценности и взгляды, восприятие экономических проблем и др., сделать вывод о состоянии социально-политической безопасности. Мировоззрение в контексте данной статьи рассматривается нами как зонтичный термин для разделяемых идей, оценок и отношения к актуальным для современности социальным и политическим вопросам.

Итак, нами были выделены следующие темы или составляющие: оценки исторических деятелей и периодов: выбор образа России и ее места на международной арене, отношение к геополитическому проекту «Русский мир», проведению специальной военной операции (СВО), патриотические настроения, отношение к ментальным (культурным) особенностям, разделяемые социальные и политические ценности, оценки рисков, угроз и потенциальных проблем для государства, а также в этом контексте рассмотрим более специальные показатели – намерение жить и развиваться в России или эмигрировать.

Эмпирическая база исследования

Социологический опрос был проведен с помощью сервиса «Анкетолог» в апреле-середине мая 2025 г. При планировании опроса ошибка выборки составила 5%. Было

заполнено 380 анкет: юношей 51,6%, девушек 48,4%; возраст 18-19 лет – 52,4%, 20-21 – 30%, старше 22 – 17,7%. Таким образом, большинство опрошенных – студенты первых трех курсов. Из Южного федерального округа – 77,9%; 8,2% – Донбасс и новые регионы России; 5,8% – представители Северо-Кавказского федерального округа, остальные из других федеральных округов и иностранцы. Студенты общественных и гуманитарных наук составили 42,6%, естественнонаучных специальностей – 41,6%, технических и компьютерных специальностей – 15,8%. Для анализа результатов будет привлекаться информация от ВЦИОМ и другие исследования.

Исторические вопросы и отношение к СССР

Анкета содержала вопросы об отношении к историческим фигурам и периодам (представлены в Таблицах 1 и 2). Рассматривая эти данные в контексте социально-политической безопасности, для нас, прежде всего, важно отношение к В.В. Путину.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие из нижеперечисленных отечественных исторических деятелей вызывают у Вас чувство...», %

	симпатии	антипатии (неприязни)	не вызывает никаких чувств	затрудняюсь ответить
Иван Грозный	24,5	16,1	40,3	19,2
Петр I	78,2	4,5	10,8	6,6
Екатерина II	66,6	6,3	19,2	7,9
Ленин В.И.	37,4	17,4	30,3	15
Сталин И.В.	38,4	20,3	18,4	22,9
Хрущёв Н.С.	17,6	27,4	43,2	11,8
Брежнев Л.И.	26,8	15,3	46,8	11,1
Горбачев М.С.	15,8	33,2	38,7	12,4
Ельцин Б.Н.	12,9	43,2	32,9	11,1
Путин В.В.	69,7	6,6	13,4	10,3

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Укажите, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?», %

Варианты	Проценты
Царская Россия до 1917 г.	10,7
Россия периода революционного перелома (1917-1929).	3,7
Сталинское строительство «социализма» (1930-1940 гг.).	6,1
Военный и послевоенный период (1941-1953 гг.).	1,5
Россия периода Н. Хрущева (1953-1964 гг.).	1,8
Россия периода Л. Брежнева (1964-1985 гг.).	7,6
Россия периода М. Горбачева (1985-1991 гг.).	1,5
Россия периода Б. Ельцина (1991-1999 гг.).	1,5
Россия периода В. Путина (1999- ...).	54,9
Другое	10,7

Студенты испытывают чувство симпатии к Президенту РФ В.В. Путину (большую симпатию вызывает только фигура Петра I). Современный период у более половины опрошенных соответствует идеалам и представлениям о том, какой должна быть Россия. Это говорит о доверии и уважении к первому лицу государства большей части молодых людей, получающих высшее образование, и является положительным показателем устойчивости социально-политической безопасности. Свободные ответы на вопрос об идеальном периоде, которые повторялись несколько раз в близких по смыслу вариантах: «Россия в период первых сроков Путина», «2000-2008», «Считаю, что в каждом периоде были свои достижения и недостатки» и т.п.

Если вычислить «рейтинг» – разницу между полученными показателями симпатии и антипатии в Таблице 1, то Хрущев, Горбачев и Ельцин имеют отрицательный рейтинг – вызывают больше неприязни, чем симпатии. И, соответственно, данные исторические периоды также набирают наименьшее количество сторонников (меньше статистической погрешности) как идеала, которому должна соответствовать Россия. Может ли это означать, что молодые люди отрицательно относятся к тому, что СССР прекратил свое существование? Или это отрицательное отношение к реформам или к отдельным политическим решениям? Самые высокие рейтинги (кроме действующего Президента РФ) у Петра I и Екатерины II, и царская Россия является вторым по популярности «идеальным периодом» в представлениях студентов. Эти исторические персоны известны как видные государственные деятели России, много сделавшие для развития страны, инициировавшие множество нововведений, поэтому такое отношение не связано с отрицательным отношением к реформам и изменениям в целом.

Краеугольный вопрос – это отношение к СССР, чтобы осветить его, обратимся к результатам из нескольких источников. Респондентам было предложено выразить отношение к двенадцати цитатам о понимании России. И цитата, собравшая рекордное число несогласных: «Это не Россия встаёт с колен. Это СССР вылезает из гроба» – 45% в той или иной степени считают, что эта цитата не соответствует пониманию России (Таблица 3). Таким образом, идея возвращения к Советскому Союзу не популярна среди студенческой молодежи. Всероссийский опрос ВЦИОМ, проведенный в конце 2022 г. об отношении к распаду СССР и желанию его возродить, показал, что 48% россиян хотели бы восстановления СССР, но это усредненные данные по всем возрастным группам (100 лет СССР). М. Смолин анализирует данные этого опроса по возрастным группам – проявляется резкая градация позитивного отношения к СССР у старшего поколения и молодежи и, соответственно, желание его возродить. Жалуют о крушении СССР в группе 18-24 — только 19%, 40% относятся безразлично. На вопрос «Вы хотели бы или нет восстановления СССР в настоящее время?» в группе 18-24 года хотели бы 27%, не хотело бы подавляющее большинство — 54% (Смолин). Ковалев Э.Ю. в статье «Образ СССР в умах молодежи и предшествовавших поколений» (2021) приходит к выводу, что «большинство молодежи не испытывают сильной связи с ушедшей страной» и говорит о том, что заметны различия в системе жизненных ценностей: жизненные приоритеты молодежи скорее подразумевают личностный индивидуализм и прагматизм, в то время как для советского поколения в большей степени характерен альтруизм и коллективизм.

Анкета содержала визуальную часть, чтобы дополнить традиционные социологические методы проективной составляющей. Студентам был предложен вопрос

о том, какое изображение соответствует образу современной России, дополняемый просьбой объяснить свой выбор и рассказать о вызываемых им чувствах. Было предоставлено двенадцать изображений, и наиболее выбираемым оказалась фотография Лахта-центра с тремя флагами: Российской Федерации, СССР и Российской империи. В большинстве комментариев выбор обосновывался признанием исторической преемственности. На второй позиции по популярности была фигура Президента РФ В.В. Путина, что согласуется с обозначенными выше результатами симпатии к историческим деятелям. Фотография, сделанная во время шествия на Красной площади с флагами СССР и портретом Ленина (была позаимствованная с сайта партии КПРФ), собрала много реакций, однако комментарии не содержали массовой поддержки: «Ностальгия по советскому прошлому», «Таких демонстраций практически не происходит, а коммунистическая партия пользуется вниманием в большинстве у пожилых людей, и только как воспоминание об СССР» и др. Таким образом, реакция студенческой молодежи говорит о том, что идея возрождения СССР им хорошо знакома, но большая часть не разделяет её. Возвращаясь к положительному отношению к периоду Российской империи, изображение с имперскими символами (герб на фоне флага) с лозунгом «Мы русские – с нами Бог», не вызвало резонансной реакции у аудитории, поэтому, скорее, эти идеи можно отнести к периферии идеологических взглядов в массовом сознании.

Видение России, ее места и роли в мире

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, соответствуют ли пониманию России следующие известные цитаты?», %

	Полностью соответствует	Скорее соответствует, чем не соответствует	Что-то в этом есть	Скорее не соответствует, чем соответствует	Совсем не соответствует	Не понятен смысл цитаты
«Россия — это такая страна, которой можно нанести поражение, но которую нельзя победить! »	37,9	23,9	24,2	3,7	2,4	7,9
«Раньше в России было две беды: дороги и дураки. Теперь прибавилась третья: дураки, указывающие, какой дорогой идти»	23,7	11,8	28,7	13,2	8,4	14,2
«Во всём свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот»	35,5	18,4	17,6	8,4	11,6	8,4

«В России остались одни оптимисты, пессимисты уже давно уехали!»	14,7	9,5	23,2	20,3	20,5	11,8
«Это не Россия встаёт с колен. Это СССР вылезает из гроба»	8,4	7,1	20	20,3	24,7	19,5
«Великой стране вовсе не требуется Запад... Россия возвращается к себе самой. Россия возвращается в свою историю»	33,2	13,2	22,9	13,2	9,5	8,2
«Среднестатистическому россиянину при работе на одну ставку кушать нечего, а при работе на двух — некогда»	30	14,2	22,9	12,6	8,7	11,6
«Это не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России»	42,1	7,9	23,7	7,1	7,4	11,8
«Россию не зря сравнивают с медведем – медведь терпит, когда его стегают, урчит и рычит, не показывает боли, а в какой-то момент, не меняя выражения лица, бьёт наотмашь»	36,8	13,9	25	7,6	5	11,6
«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить»	47,6	12,9	22,6	4,7	2,9	9,2
«Цари меняются, а Россия одна!»	38,9	14,5	20,5	10,5	7,6	7,9
«У России всегда великое прошлое и еще более великое будущее. А вот с настоящим сложнее»	30,3	22,9	23,4	9,2	4,2	10

В Таблице 3, уже упоминавшейся выше, представлено понимание России посредством позиционирования к ряду высказываний. Разделим цитаты по смыслу на несколько категорий и сопоставим с другими данными. Во-первых, соответствующие независимой сильной стране это:

- «Россия — это такая страна, которой можно нанести поражение, но которую нельзя победить!» (61,8% – здесь и далее приводится сумма значений «Полностью соответствует» и «Скорее соответствует, чем не соответствует»).
- «Во всём свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот» (53,9%).
- «Великой стране вовсе не требуется Запад... Россия возвращается к себе самой. Россия возвращается в свою историю» (46,4%).
- «Это не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России» (50%).

– «Россию не зря сравнивают с медведем – медведь терпит, когда его стегают, урчит и рычит, не показывает боли, а в какой-то момент, не меняя выражения лица, бьёт наотмашь» (50,7%).

Наибольший отклик собирает политический миф о «непобедимости России» – более половины опрошенных в той или иной степени видят Россию сильной и способной «дать сдачи». Следует отметить, что Россия очень часто определяется как «великая», «сильная», «большая», в чем можно убедиться, например, если задать соответствующий поисковый запрос. Обобщая, в массовом сознании широко распространено мнение, которое можно сформулировать как «Россия – это значимая сила, с которой стоит считаться».

Что касается темы международных отношений в этом контексте, то, на наш взгляд, можно выделить несколько позиций: желающие большей закрытости России, сторонники «глобальной России» и тяготения к Западу, и те, кому важно развитие взаимодействия с Востоком. В последние годы среди молодежи (и в целом в России) растет популярность Азии, что также зафиксировал наш опрос. Группа тех, для кого отношения с «западом» остаются важными, находится в меньшинстве. В таблице 4. представлено распределение мнений о перспективах развития, и самый популярный вариант – развивать сотрудничество «...с Китаем, государствами БРИКС и другими незападными странами», а «...экономическая, культурная, политическая интеграция со странами Запада» находится в меньшинстве. Опрос ВЦИОМ, проведенный в сентябре 2025, показал, что молодежь в России проявляет интерес к восточным странам и понимает различия культур Китая, Южной Кореи и Японии (Недальний Восток...). Вернемся к этим сюжетам в последующем.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какой самый перспективный вариант развития для современной России?», %

Варианты	Проценты
Россия должна возродиться как независимая Великая Империя	25,9
Залогом успешного развития России является экономическая, культурная, политическая интеграция со странами Запада	12
России следует заняться развитием сотрудничества с Китаем, государствами БРИКС и другими незападными странами	31,2
России следует отказаться от роли международного лидера и сосредоточиться на решении своих внутренних проблем	20,9
Свой вариант, комментарий	10
затруднились ответить	20,8

Продолжая анализ цитат в Таблице 3, во-вторых, можно объединить высказывания, подразумевающие особенное положение и уникальность России:

- «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать — в Россию можно только верить» (60,5%).
- «Цари меняются, а Россия одна!» (53,4%).

Первая широко известная цитата уже полтора столетия используется в философских дискуссиях, по мнению А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной, Тютчев подразумевал уникальность и самобытность России и её народа, зачастую эту цитату используют в целях манипуляции (Сковородников, 2012). В продолжении данного исследования планируется уточнить у студентов в рамках фокус-групп, в чем они видят «особенную статью России». Вторая цитата согласуется с мнением исследователей о патриотизме, при котором респонденты разделяют государство и страну. Например, вопросы, касающиеся многогранности патриотизма, были подробно рассмотрены в статье А.В. Юревич: «Наблюдается расщепление объектов патриотических чувств – к нашей стране и к нашему государству «...» – при существенно лучшем отношении к первому» (Юревич, 2018, 86).

В-третьих, можно выделить цитаты, подразумевающие те или иные проблемы:

- «Раньше в России было две беды: дороги и дураки. Теперь прибавилась третья: дураки, указывающие, какой дорогой идти» (35,5% согласны; 21,6% не согласны; 28,7% считают «Что-то в этом есть»).
- «В России остались одни оптимисты, пессимисты уже давно уехали!» (24,2% согласны; 40,8% не согласны).
- «Среднестатистическому россиянину при работе на одну ставку кушать нечего, а при работе на двух — некогда» (44,2% согласны; 21,3% не согласны).
- «У России всегда великое прошлое и еще более великое будущее. А вот с настоящим сложнее» (53,2% согласны; только 13,4% не согласны в той или иной степени).

Из экономической проблематики, которой коснулся вопрос: «Среднестатистическому россиянину при работе на одну ставку кушать нечего, а при работе на двух – некогда», явное несогласие выразили только чуть больше пятой части (по сумме ответов «скорее не соответствует, чем соответствует» и «совсем не соответствует» против 44,2% согласных в той или иной степени). Экономическая проблематика значимо волнует учащуюся молодежь, о чем еще говорит ряд ответов. Так, один из двенадцати образов России, о которых уже упоминалось, был представлен фотографией пенсионерки, которая считала мелочь, находясь в продуктовом магазине. Комментарии к этому образу говорили о том, что это широко наблюдаемо и вызывает сожаление у молодых людей.

Главные угрозы для России, соотношение экономического и политического

Продолжая эту тему, в Таблице 5 представлено мнение студенчества о том, что может представлять главные угрозы для России в ближайшие 10-15 лет, на второй позиции по значимости стоит экономическая (и политическая) стагнация. В данной формулировке мы считаем именно экономические причины более значимыми для респондентов, потому что другие формулировки с политической составляющей: «Утрата национального суверенитета...», «Распад страны...», «Отсутствие конструктивной политической оппозиции» и «Рост авторитарных тенденций» набирают только около 15%, в то время как угрозы, затрагивающие экономические проблемы: «Массовые протесты на фоне роста имущественной поляризации и нищеты населения», социальные «Демографическая катастрофа» и экологические «Экологические катастрофы» беспокоят от 21,9% до 30,9%.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Что может представлять главные угрозы для России в ближайшие 10-15 лет?», не более трех ответов, %

Варианты	Проценты
Мировая война с применением оружия массового уничтожения.	61,7
Перспектива втягивания России в региональные войны.	26,2
Утрата национального суверенитета вследствие международной изоляции и технического отставания от передовых стран.	16,4
Распад страны вследствие острых межнациональных конфликтов и кризиса федеральной власти.	12
Массовые протесты на фоне роста имущественной поляризации и нищеты населения.	21,9
Отсутствие конструктивной политической оппозиции и слабость гражданского общества.	14,8
Рост авторитарных тенденций, дефицит свободных СМИ, утрата значительной части гражданских свобод.	13
Прогрессирующая коррупция как причина экономической и политической стагнации.	30,9
Демографическая катастрофа.	28,7
Экологические катастрофы.	23,8
Другое	2,2
Ничего из вышеперечисленного	1,5

Безусловно, как говорилось во введении, базовая потребность в безопасности, прежде всего, речь о её физической составляющей, беспокоит подавляющую часть граждан. В современных условиях ведения военных действий с помощью беспилотных летательных аппаратов – дронов – люди, проживающие даже в отдаленных от боевых действий регионах, также обеспокоены вопросами безопасности, что зафиксировал опрос. Главной угрозой, по мнению опрошенных, является «мировая война с применением оружия массового уничтожения». В ответах «другое» на этот вопрос несколько раз упоминалась миграция, что может быть рассмотрено как со стороны физической составляющей безопасности (организация теракта в Крокус Сити Холле в 2024 г., статистика преступлений, совершаемых мигрантами), так и со стороны влияния социальной, демографической и экономической составляющих этого явления.

Таблица 6

Значимость некоторых социальных и политических ценностей, %

Ценности	незначим о	мало- значим о	значим о	высоко- значим о
Достижение успеха в сфере профессиональной деятельности	1,8	3	46,7	48,6
Здоровая природная и социальная среда	3,8	1,9	39,2	55
Личная безопасность	1,3	1,9	29,8	66,9

Государственная безопасность	2,7	2,5	33,5	61,3
Соблюдение и сохранение семейных и культурных традиций	3,6	8,8	42,3	45,4
Социальная справедливость и равенство	2,8	5	40	52,1
Возможность выбирать власть, политический плюрализм	5,7	12,2	48,1	34,1
Свобода передвижения, свобода слова и обмена информацией	2,7	4	38,3	55

Распределение ответов на угрозы показало значимость страхов военных действий как глобального, так и локального масштаба, и вполне закономерно, что самой значимой ценностью для студентов (Таблица 6), оказалась личная безопасность, государственная безопасность, выступающая ее неотъемлемой частью, на второй позиции. Специальная военная операция, продолжающаяся с 2022 г., является важной общественно-политической темой ежедневной повестки современного российского общества. Если сравнить полученные показатели с данными опроса 2019 г. и охватившего более 2500 студентов, то личная безопасность также была на первом месте, а государственная безопасность оказалась в последней трети по «высокозначимому» приоритету (Внукова, 2020). Безусловно, возросшее значение государственной безопасности связано с «эффектом флага» (Porat, 2019) и закономерностью роста патриотизма в условиях конфликта. Этот феномен объективен и все общества находятся под его влиянием.

Для подтверждения большей значимости экономических, чем политических вопросов в мировоззрении студенческой молодежи, рассмотрим значимость политической ценности «возможность выбирать власть, политический плюрализм». По данным, представленным в Таблице 6, эта ценность не является высокозначимой почти для двух третей опрошенных, для сравнения «Достижение успеха в сфере профессиональной деятельности» является более значимой по всем предложенным вариантам ответов. Разные социальные и политические ценности неодинаково важны, например, для 55% высокозначимыми являются «Свобода передвижения, свобода слова и обмена информацией» и «Здоровая природная и социальная среда», также социальная справедливость и равенство волнуют более половины опрошенных. Т.А. Нестик (2023) исследует влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: «В ходе военного конфликта чувство угрозы и дистресс усиливают потребность в снижении воспринимаемой неопределенности, в восстановлении чувства контроля и безопасности, а также в получении социальной и эмоциональной поддержки, что в свою очередь усиливает оправдание социальной системы – веру в справедливое устройство общества. ... В отличие от природных катастроф, военные конфликты повышают значимость социальной справедливости... Эти изменения становятся одной из причин популярности левых взглядов и введения прогрессивного налога для богатых» (Нестик, 2023, 8) Т.А. Нестик также считает, что «эти факторы, а также рост неравенства в связи со структурной перестройкой российской экономики в условиях санкций будут повышать запрос на наращивание механизмов вторичного перераспределения доходов» (Нестик, 2023, 8).

Возвращаясь ко второй по значимости угрозе для России в ближайшие 10-15 лет – «Прогрессирующая коррупция как причина экономической и политической стагнации», конкретизирующий вопрос «Как Вы относитесь к вопросу о коррупции в России?» (Таблица 7) показал, что почти 44% согласны, что «Борьба с коррупцией должна быть такой же суровой, как в Китае: не надо стесняться ставить коррупционеров к стенке». Это говорит о нескольких моментах: во-первых, молодежь разделяет силовые методы решения проблем, однако ответившие не несут какой-либо ответственности за свой выбор в анкете, и это означает только то, что проблема является актуальной и значимой в сознании студенчества. Другие поддержанные варианты выражают надежду на «действия органов власти» или ставят в зависимость от решения «...более крупных политических проблем», что можно рассматривать как лагерь приверженцев мирных поэтапных преобразований, часть из которых возлагают надежды на инициативы со стороны государства, а часть на гражданское общество.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к вопросу о коррупции в России?», %

Варианты	Проценты
Борьба с коррупцией должна быть такой же суровой, как в Китае: не надо стесняться ставить коррупционеров к стенке	43,9
Коррупцию можно побороть только при условии решения более крупных политических проблем - неэффективного государственного управления, отсутствия гражданского общества и др.	19
Коррупцию до конца победить невозможно, но ее можно ослабить решительными и продуманными действиями органов власти всех уровней	26,5
Коррупцию нельзя победить, она вездесуща и бессмертна, но ее можно держать под контролем посредством длительного гражданского воспитания	5,9
Коррупция есть часть нашей национальной традиции, с ней надо просто научиться жить	2,8
Другое	1,9
Затрудняюсь ответить	15,5

Патриотизм, СВО и эмиграция

Несмотря на невысокую актуальность политических вопросов в мировоззрении студенчества, патриотами себя считают 89,4%, «нет» ответили только 5,6%. И эти показатели практически полностью совпадают с данными ВЦИОМ марта 2024 г.: этот показатель составил 87% в группе 18–24 лет (О современном российском патриотизме). Согласно полученным данным, из двенадцати предложенных вариантов тремя главными характеристиками патриота являются: «Знает и уважает историю России, культуру и традиции населяющих ее народов» (76,1%), «Любит природу родной страны и борется за ее сохранение» (43,7%) и «Хочет видеть Россию сильной, чтобы политические деятели других стран боялись и уважали Россию» (26,8%). В Таблице 8 представлены суждения,

связанные со специальной военной операцией, и самый популярный ответ отражает позитивные ожидания относительно будущего завершения СВО и положения России и рядовых граждан. Также как и в других вопросах, фиксируются различные мнения по этому вопросу, и можно утверждать, что это чувствительная тема для молодых людей – уровень отказа от ответа (затрудняюсь ответить) значительно выше, чем по анкете в целом. Это очень актуальная тема, и с 2022 г. было проведено значительное количество исследований, касающихся тех или иных аспектов этой темы, в том числе и автором данной статьи (Внукова, 2022): например, А.С. Магранов (2025), Т. Беспалова (2023), А.С. Фирсов (2023) и др. Возвращаясь к результатам опроса, между рассмотренным вопросом и вопросом о коррупции в России коэффициент сопряженности составил 0,467 (приблизительная значимость 100%), это средняя связь – за силовой вариант по отношению к коррупционерам выступают, те, кто выбрал первый вариант из предложенных суждений в таблице 8.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Какое из суждений ближе всего к вашему мнению?», %

Варианты	Проценты
Убежден, что все задачи СВО, обозначенные руководством России, будут успешно выполнены, страна станет сильнее, а жизнь ее народа – лучше.	39
В конечном счете СВО на Украине станет для России успешным военно-политическим проектом, но позитивных эффектов от этой победы в обозримой перспективе ждать не стоит.	17,7
В военном плане Россия, может, и выйдет победителем СВО на Украине, но внешне- и внутривнутриполитические издержки этой победы во многом ее обесценят.	8,9
В спецоперации на Украине победит не столько Россия, сколько ее правящие элиты, тогда как жизнь простых людей от этого не улучшится.	8,9
Не может быть победы в вооруженном конфликте, где братские народы убивают друг друга.	18,7
Другое	3,3
Ничего из вышеперечисленного	3,6
Затрудняюсь ответить	19,7

Одной из предложенных характеристик патриота, набравшей почти четверть сторонников – 24,7%, была сформулирована как «Патриотом может быть и человек, который желает жить за границей либо уже живет, но продолжает любить свою родину». Эта характеристика тесно связана с эмиграционными установками и должна рассматриваться совместно с вопросом «Как Вы относитесь к перспективе эмигрировать из страны?». Половина опрошенных (50,5%) выбрали вариант «Я из России уезжать не собираюсь, буду строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами», более трети и это второй по популярности ответ: «Я буду смотреть по ситуации, особого желания эмигрировать у меня нет, хотя такую возможность я не исключаю» (35%). На третьей позиции – затрудняюсь ответить (16,6%), остальные варианты: «Нет смысла

отсюда уезжать – в мире сейчас нигде не безопасно» (11,4%); «Как только появится возможность – уеду на ПМЖ в другую страну, потому что достойного и безопасного будущего в России не вижу» (2,2%), другое (0,9%). Коэффициент сопряженности 0,474 – средняя связь (приблизительная значимость 100%) между вопросами об окончании СВО (представлен в таблице 8) и рассмотренным вопросом об эмиграции, то есть намерение эмиграции определенным образом связано с отношением к СВО. Те, кто не исключают переезда из России, чаще других выбирали альтернативные первому суждения об окончании СВО, и наоборот, выбравшие первое суждение, намерены «...строить свое будущее и развивать страну вместе с другими патриотами».

Россия и Русский мир

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос «С каким из нижеприведенных суждений Вы бы согласились?», %

Варианты	Процент ы
Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов.	16,6
Лучшее будущее для России — интеграция (экономическая, культурная, политическая) в европейскую цивилизацию.	5,5
Россия всегда была и должна оставаться многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью в ней православия и русской культуры.	17,6
Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами.	22,4
Россия должна перестать искать свой «особый путь», а лучше подумать о том, как быстрее вступить в Евросоюз и НАТО	0,5
После распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время ее себе возвращает.	9,7
После распада СССР Россия превратилась в страну «третьего мира» и может претендовать только на роль регионального лидера.	3,4
Затрудняюсь ответить.	24,2

Мы выясняли, что большинство считает Россию сильной, сторонников развития отношений с Востоком больше, чем с западными странами, но также значимо количество тех, кто хотел бы независимости и в первую очередь решения внутренних проблем, прежде всего экономических. В Таблице 9 представлен набор суждений о положении и развитии страны, больше всего сторонников у суждения «Россия была, есть и будет великой евразийской державой со своими геополитическими интересами», однако самый распространенный ответ – затрудняюсь, что может говорить о сложности понимания сути этого вопроса или о не сформированности позиции, помимо простого нежелания поделиться своим мнением. Значимое количество сторонников видения России как «многонациональной имперской цивилизации», с акцентом на православие и русскую культуру, также как и считающих Россию «империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов». В сумме около

трети связывают Россию с империей, также как и выбравших «державу» для характеристики страны (по сумме значений суждений «Россия была, есть и будет великой евразийской державой...» и «После распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время ее себе возвращает»). Как и в предыдущих вопросах, сторонников европейского выбора России значительно меньше, чем других вариантов.

Вопрос о собственной геополитической инициативе – Русском мире (Таблица 10), отразил, что в мировоззрении студенчества он видится с историко-культурной позиции объединения русскоязычных соотечественников, также популярно суждение с акцентом на «экономическом развитии и процветании». «Особая и единая славянская цивилизация», идеи великой миссии, православной цивилизации, возрождения империи находят гораздо меньше сторонников. Гораздо больше тех, кто никогда не слышал о русском мире, не проявляет интереса к этой идее, либо считает это искусственным образованием.

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос «Какое из приведенных ниже определений «русского мира» Вы считаете наиболее удачным?», %

Варианты	%
Русский мир – это сообщества русскоязычного населения по всему миру, потенциально способные обеспечить России экономическое развитие и процветание благодаря общей культуре и языку.	29,7
Русский мир – это идея единения и сотрудничества всех разобщённых русскоязычных соотечественников, а также всех людей, кому дороги русский язык, русская история и русская культура.	35,5
Русский мир – это особая и единая славянская цивилизация, а люди, принадлежащие к ней, лишь называют себя сегодня разными именами — русскими, украинцами или белорусами.	6,1
Русский мир есть великая миссия русского народа — объединение всех православных в единую православную цивилизацию.	2,4
Русский мир есть проект возрождения Российской империи, включающей в себя разные этносы, испытавшие историческое влияние русской культуры и цивилизации.	3,9
Русский мир – это искусственное образование, навязанное политиками.	7,4
Не отношу себя к «русскому миру», мне это неинтересно.	3,9
Никогда не слышал о «русском мире», меня свой собственный мир волнует.	11,1

Выводы

Проведенный анализ отдельных аспектов социальной и политической сфер, как составляющих социально-политической безопасности, выявил ряд устойчивых показателей: высокая поддержка действующего президента РФ, девять из десяти студентов считают себя патриотами, большинство уверены в успешном завершении СВО, доминирует выбор образа России как исторической преемственности эпох в сочетании с технологической устремленностью. Идея возрождения СССР хорошо знакома, однако в мировоззрении студенчества такая позиция не популярна. Главной угрозой для страны молодые люди считают возможность мировой войны. Ценности личной и

государственной безопасности являются наиважнейшими. Фиксируется интерес к развитию международного сотрудничества со странами Востока, потенциальная интеграция с западными странами видится менее привлекательной на данный момент. Экономическая проблематика и внутренние проблемы (например, коррупция) больше волнуют молодых людей, чем отдельные политические вопросы. Соответственно, взгляды на Русский мир либо нейтрально-абстрактны, либо отражают надежду на экономическое благополучие благодаря русскоязычным сообществам. Несмотря на очень высокий уровень патриотизма, более трети не исключают для себя эмиграционный сценарий, и данная тема связана с СВО – средняя степень связи по коэффициенту сопряженности между вопросами. Результаты исследования полезны для планирования будущих воспитательных кампаний в вузах и ведения молодежной политики в целом.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г., № гос.рег. 125011200149-6

Литература

100 ЛЕТ СССР: ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ? // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/infografika-statja/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja-1>

Безопасность // МЧС России. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3180>

Беспалова Т. Ментальная безопасность молодежи в условиях гибридной войны // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/analitika/2023/07/18/mentalnaya_bezopasnost_molodezhi_v_usloviyah_gibridnoi_voiny

Веруш, А. И. Понятие социально-политической безопасности и ее основные элементы / А. И. Веруш // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. – 2017. – № 16. – С. 43-49. – EDN ZIBZJB.

Внукова, Л. Б. Взаимосвязь ценностей и идеологических предпочтений в сознании студентов Юга России (по материалам социологического исследования) / Л. Б. Внукова // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 5. – С. 56-72. – DOI 10.7256/2454-0668.2020.5.34272. – EDN WJUSZU.

Внукова, Л.Б. Образ России, Украины и Донбасса в опросах студентов Ростова-на-Дону, Донецка и Луганска: анализ результатов пилотного исследования 2022 г. / Л. Б. Внукова // Русский Донбасс: фронты и фронтиры: монография / Р. А. Пупыкин, С. П. Поцелуев, М. С. Константинов и др.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – С. 294-333.

Ковалев, Э. Ю. Образ СССР в умах молодежи и предшествовавших поколений / Э. Ю. Ковалев // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2021. – № 3(39). – С. 111-121. – DOI 10.25688/2078-9238.2020.39.3.10. – EDN PXVTTH

Магранов, А. С. Основные источники информации о политической ситуации в мире у представителей современной молодежи / А. С. Магранов // Caucasian Science Bridge. – 2025. – Т. 8, № 3(29). – С. 35-47. – DOI 10.18522/2658-5820.2025.3.3. – EDN OCHGQ.

Недальний Восток. Российская молодежь проявляет высокий интерес к Востоку, демонстрируя при этом четкое понимание различий между культурами Японии, Китая и

- Южной Кореи. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nedalnii-vostok>
- Нестик, Т. А. Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований / Т. А. Нестик // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 5-22. – DOI 10.17759/sps.2023140401. – EDN PУCAPP.
- О современном российском патриотизме // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme>
- «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Родионов, М. А. Социально-политическая безопасность современной России / М. А. Родионов // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 6. – С. 7-18. – EDN ХВКАJB.
- Сковородников, А. П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3(41). – С. 36-42. – EDN PGKHID.
- Смолин М. Молодежь не собирается возрождать СССР // Наследие Империи. URL: <https://rusnasledie.info/molodezh-ne-sobiraetsya-vozrozhdat-sssr/>
- Фирсов, А. С. Найди себя на карте компромиссов / А. С. Фирсов // Социодиггер. 2023. – ТОМ 4. – ВЫПУСК 9 (28). – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/naidi-sebja-na-karte-kompromissov>
- Юревич, А. В. Психологическая многогранность патриотизма / А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 6. – С. 86-94. – DOI 10.31857/S020595920002253-4. – EDN YQIPED.
- Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E. Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat // Cognition and Emotion. 2019. Vol. 33. P. 480-491. DOI:10.1080/02699931.2018.1460321

References

- 100 YEARS OF THE USSR: CAN'T YOU GO BACK OR FORGET? VCIOM. 2022. Available at: <https://wciom.ru/infografika-statja/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja-1> (In Russ.).
- Safety. Ministry of Emergency Situations of Russia. 2025. Available at: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3180> (In Russ.).
- Bespalova T. The mental safety of youth in the context of hybrid warfare. Russian People's Line. 2023. Available at: https://ruskline.ru/analitika/2023/07/18/mentalnaya_bezopasnost_molodezhi_v_usloviyah_gibridnoi_voiny (In Russ.).
- Verush A.I. The concept of socio-political security and its main elements. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly = Filosofsko-gumanitarnye nauki Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences.* 2017; 16:43–49. (In Russ.).
- Vnukova L.B. Interrelation of values and ideological preferences in the minds of students in the South of Russia (based on the materials of sociological research). *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene = National Security / Nota Bene.* 2020; 5:56–72. <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.5.34272>. (In Russ.).
- Vnukova L.B. Rostov-on-Don, Donetsk and Lugansk students' image of Russia, Ukraine and Donbass: analysis of the results of the pilot study in 2022. In: *Russkiy Donbass: fronty i frontiry = Russian*

- Donbass: fronts and frontiers*. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University; 2022. P. 294–333. (In Russ.).
- Kovalev E.Y. The image of the USSR in the minds of youth and previous generations. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskiiye nauki = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*. 2021; 3(39):111–121. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.39.3.10>. (In Russ.).
- Magranov A.S. The main sources of information about the political situation in the world among representatives of modern youth. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*. 2025; 8(3):35–47. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.3>. (In Russ.).
- The Near East. Russian youth show a high interest in the East, while demonstrating a clear understanding of the differences between the cultures of Japan, China and South Korea. VCIOM. 2025. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nedalnii-vostok> (In Russ.).
- Nestik T.A. The impact of military conflicts on the psychological state of society: promising areas of research. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*. 2023; 14(4):5–22. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140401>. (In Russ.).
- About modern Russian patriotism. VCIOM. 2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (In Russ.).
- "On the Strategy of National Security of the Russian Federation". Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021. 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (In Russ.).
- Rodionov M.A. Socio-political security of modern Russia. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2016; 6:7–18. (In Russ.).
- Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Methods of manipulative speech influence in the Russian press. *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2012; 3(41):36–42. (In Russ.).
- Smolin M. The youth is not going to revive the USSR. Legacy of the Empire. 2023. Available at: <https://rusnasledie.info/molodezh-ne-sobiraetsya-vo-zrozhdat-sssr/> (In Russ.).
- Firsov A.S. Find yourself on the compromise map. SocioDigger. 2023. Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/naidi-sebja-na-karte-kompromissoy> (In Russ.).
- Yurevich A.V. The psychological versatility of patriotism. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2018; 39(6): 86–94. <https://doi.org/10.31857/S020595920002253-4>. (In Russ.).
- Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E. Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat. *Cognition and Emotion*. 2019; 33: 480–491. <https://doi.org/10.1080/02699931.2018.1460321>

Дата получения рукописи: 14.10.2025

Дата окончания рецензирования: 20.11.2025

Дата принятия к публикации: 21.11.2025

Информация об авторе

Внукова Любовь Борисовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории политологии и права Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail vnukoval@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Vnukova Liubov Borisovna – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia; e-mail vnukoval@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.6. Социология культуры (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERINPLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала

«Caucasian Science Bridge»

(редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 п. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

- "Генерирование через нейросеть". Использование программ "искусственного интеллекта" для написания текста статьи не допускается.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются вне), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – недопускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эм- пирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц* и *рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, c*, выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещает в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хо-рошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество автор-ских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключе- ние составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и

REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в *списке литературы* размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и датодоступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. –2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNА.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А.

Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRВ. **Четыре автора:**

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города креативные практики конструирования: автореф. дис.....канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQNBVB.
Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.
Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis.

Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTASRAS.

Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.). **Диссертация,**

автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p. Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference.* St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи Иван И. Иванов¹,

¹ Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:...

Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Используемые источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям

статей, направляемым для публикации.

12. Вывод возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней. В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.